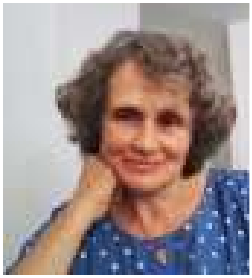
(((СОНАР)))

№ 19, 2025 г.

Хайфа, Израиль

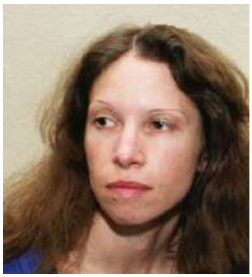
Марина
Симкина



Анжела
Беленко

Ирина
Лир-Лави

Анатолий
Анимица



Ольга
Логош

Леонид
Штернберг

Электронная почта редакции: rougelangue@gmail.com
Номера журнала: https://sonar.ecoimper.net http://geotar.com/sonar
Сонар медиа (все выпуски): Сонар аудио и видео
Все права на публикуемые в журнале произведения принадлежат их авторам.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.
В оформлении номера журнала использованы фото Валентины Швец (Москва).

Выпускающий редактор: Марина Симкина

Оглавление

ГЕЛЕНА СТЕПУРА 3

Сочувствие 3

Чайник 6

ДИАНА БЕРЕБИЦКАЯ Месса 9

1. Kyrie eleison – «Господи, помилуй» (греч.) 9

2. Dies irae – «День Гнева» (лат.) 10

3. Tuba mirum – «Труба Предвечного» (лат.) 10

4. Agnus dei – «Агнец Божий» (лат.) 11

5. Lacrymosa – «Слёзная» (лат.) 12

6. Credo – «Верую» (лат.) 12

7. Confutatis – «Отвергнув» (лат.) 13

ГЕННАДИЙ ИСАКОВ 14

Принуждение жизнью (глава из книги) 14

ТАТЬЯНА БЕЛОБОРОДЬКО 65

Пряники, две штуки 65

ДМИТРИЙ СЕВЕРЮХИН 69

Изнанка похожести 69

Лабиринт 69

Флибустьерское море 69

Бабочки из чулочного капрона 71

Деметриус 72

АЛЕКСАНДР КРАМЕР 75

Черно...(быль) 75

МАРИНА СИМКИНА Страна и я 88

Все сплелось 88

Небоскрёбы Тель-Авива 88

Туча 89
Дельфинарий 89
Неладно в Датском 90
Одноклассникам – в контексте переписки 90
Не заметили 90
Шумно в шуме шумело бесшумное 91
Звонок друга из Петербурга 91
В. Н. 92
На Загадочном Востоке 92
Вы ведь в Африке?.. 93
Переписка с Людмилой Кац 94
МИХАИЛ ЯЗМИР 95
Через талые воды 95
Беглец 101
ИРИНА ЛИР-ЛАВИ 104
Новости по вентилятору 104
Моя керамика 115
Фантазии времен Ковида 121
АЛЕКСАНДР ВИЛЬШАНСКИЙ 124
«Почему я отказался от нобелевской премии» 124
ЕФИМ ЗАЙДМАН, АНЖЕЛА БЕЛЕНКО 140
В тени Рауля Валленберга Часть 2 140
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 157
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ 162

ГЕЛЕНА СТЕПУРА

Сочувствие

Нет, я не о заложниках. О них уже все, кто мог, написали. И наверняка напишут еще. Тема страшная и неисчерпаемая. Поэтому я об этом писать не буду. Я, собственно, о другом. Они возвращаются, после долгого бесконечного боя. Кто-то через несколько месяцев, кто-то после почти двух лет. Возвращаются как будто с другой планеты. Им надо заново привыкать к повседневной обычной жизни, наполненной шумными детьми, работой, уличной суетой и домашними бытовыми поломками, и ремонтами. Не всем удается. Сколько их таких, прошедших Газу вдоль и поперек и видевших то, что нельзя видеть, вернулись домой не возвращаясь. Глаза пустые, улыбки напряженные. Ходят на различные тренинги и в группы поддержки. Кому-то повезло попасть к специалистам по посттравматическим явлениям. Но не всем везет, далеко не всем. Потому что боли много, а специалистов мало. Не хватает специалистов. Вот и справляются сами как могут. И жены их справляются. Используя все душевные ресурсы. Потому что самое главное это то, что он вернулся. Что ей не придется ощущать на себе чужое сочувствие.

Эта история не моя. Я услышала ее на очередном семинаре. Но не рассказать не могу. Уж слишком сильно она впиталась в мое сознание. И мне показалось необходимым рассказать ее тем, кто выбрал эту страну своим домом, но в силу тех или иных обстоятельств ивритом не владеет.

Итак, семинар. Красивый зал, интересные лекции, вкусная еда, хороший кофе, много знакомых. Что еще надо для хорошего дня? Пообщались, поели. Будучи в некоторых аспектах человеком ленивым и невнимательным, я не читаю обычно программу и темы лекций. Не вижу надобности. Если тема интересная, то я и так ее послушаю. А если нет, то я тихонько выйду из зала и попью кофе в фойе, решая попутно какие-то вопросы, на которые обычно не хватает времени. Поэтому я не была готова к тому, что услышала и увидела.

На сцену поднялась девушка, на вид лет тридцати. Миниатюрная, элегантная, красивая. Мать четырех детей. Вдова героя, чье имя до сих пор нельзя озвучивать. Чьи фотографии никогда не мелькали ни в новостях, ни в соцсетях. Она рассказала историю их любви. Спокойно, без пафоса, без слез, с какой-то удивительной простотой и теплом. Как будто

рассказывала близкой подруге, сидя на кухне, а не стояла на сцене перед двумя сотнями зрителей. Она рассказывала сказку о принце и принцессе.

А история следующая. В одной школе учились два подростка. Девочка, умница и отличница, и местный раздолбай, приходящий в школу, в основном, для приятного общения, а не для учебы. Как в правильной сказке, нашлась в школе толковая учительница, взявшая обаятельного двоечника под свое крыло и тянувшая его из класса в класс, несмотря на неуспеваемость. Будучи доброй феей, она познакомила его с принцессой. И никто не удивился, когда они полюбили друг друга. Ведь так обычно и бывает. Хорошие, красивые девочки-отличницы любят обаятельных плохишей.

В последний школьный год начались распределения в армию. И наш герой попал в морской спецназ, в один момент превратившись из неуспевающего в гордость всей школы. А любимая продолжила учиться в университете, готовясь послужить армии молодым специалистом. Виделись редко, но их это не смущало. Они-то, в отличие от окружающих, уже давно все про себя поняли.

После трех лет службы он решил стать офицером. Армейские достижения давались ему легко, на кураже. Он был словно создан для этой системы. Везде и всегда он был первым и лучшим. Умные большие люди из конклава правящих волшебников его заметили. Присмотрелись. Оценили. И нашли его талантам более широкое, хотя и гораздо более засекреченное применение.

Она гордилась им безмерно. И вот настал тот день, когда он осипшим от волнения голосом предложил ей стать его женой. Она согласилась. За пару дней до этого у нее состоялся непростой разговор с отцом. Отец грустно улыбался, глядя в ее сияющие глаза. Минуту назад она рассказала ему, что, скорее всего, она скоро выйдет замуж. И он – отец, взрослый человек, повидавший на своем веку огонь и пепел не одной войны, понимал, что состариться вместе с любимым его принцессе не удастся. И когда он деликатно попытался подобраться к этой теме, то по глазам увидел, что она тоже все понимает. Но когда это кого-нибудь останавливало?

Свадьба была веселая, шумная, красивая. На фотографиях счастливая невеста прижимается к мужчине. Вместо лица – ретушь. У него теперь много лиц и имен. Его называют «дворовым котом» за умение в любой ситуации адаптироваться и приземлиться на все четыре лапы. Они

никогда не поедут вместе за границу. Да что там говорить, они и тут не в каждом городе имеют право прогуляться вместе.

Он редко бывает дома. Исчезает тоже всегда внезапно, как в дурацких фильмах про агента 007. Но он не 007. Он «попрыгунчик». Он из тех, кого первыми отправляют в самое пекло. За секунду до начала операции он всегда присылает ей тихое голосовое сообщение: «Я люблю тебя, моя девочка». И это значит, что телефон будет истошно и страшно молчать. День, неделю, а то и месяц. «Попрыгунчик» в деле. А потом звонок: «Я еду». И выдох. Надолго ли? Кто знает. Сколько раз она организовывала ему сюрпризы – от романтического вечера на двоих до юбилея в зале на двести человек – и оставалась праздновать одна. Но она все-таки была настоящей принцессой. Она привыкла ждать. И безумно радоваться случайной и такой желанной встрече. Один за другим родились четверо детей. В те редкие дни, в которые ему не надо было спасать мир, он был самым лучшим отцом на свете.

В конклаве волшебников «попрыгунчика» повышают, поручая самые сложные дела. Он дрессирует молодых агентов, по своей методике. Он легенда. На его счету десятки фантастически авантюрных и рисковых операций. За спиной о нем говорят, что когда он смотрит смерти в глаза, она отводит взгляд. Зачем они так говорили?

В то страшное утро, навсегда разорвавшее историю нашей страны на до и после, она проснулась от дребезжания его мобильного телефона на тумбочке. Разбудила его. Через семь минут он уехал спасать. Ей коротко приказал запереться с детьми в бронированной комнате и ждать. Она уже и сама поняла, что происходит. Эхом доносились выстрелы из соседних поселков. А она сидела с детьми в запертой комнате и читала сказки. Ему она лишь прислала фотографию близнецов с игрушечными автоматами и подписью: «Мы защищены». Он не ответил. Впервые не прошептал, как любит свою девочку. «Попрыгунчик» работал. Ликвидировав группу боевиков, он, один из первых, начал передачу данных о происходящем растерянному конклаву. А дальше его окружили. В этот раз смерть не отвела взгляд.

Она рассказывала это спокойно, с тихой грустью и улыбкой. Она не искала сочувствия, нет. Ей было важно рассказать, чтобы его не забыли. Даже без имени. Без лица. А под конец она сказала:

– У меня просьба. Если вы видите знакомую вам армейскую вдову, не говорите, как вы ей сочувствуете. Как скорбите с ней. Как соболезнуете. Не надо этого. Моя боль со мной навсегда, и ваше сочувствие мне не нужно.

Лучше скажите, что рады меня видеть. Что я хорошо выгляжу, что у меня красивое платье. Дайте мне надежду на жизнь. Такую, какую он желал мне и нашим детям.

Героиня. Настоящая принцесса. Представьте ее себе, худенькую, большеглазую, с длинными темными волосами. В красивых туфлях и элегантном костюме. И расскажите другим ее историю.

Декабрь 2025 г.

Чайник

Дело было в сентябре 2023-го. Прямо перед еврейским Новым Годом я гуляла по магазинам в поисках подарков родне. Два часа я бессмысленно перебирала бесконечные скатерти, бокалы, постельные комплекты и прочую дребедень. Наконец выбрала, завернула в целлофан, нацепила ленточки и с чувством выполненного долга поплелась с пакетами к машине.

Празднично украшенные витрины поздравляли покупателей, предлагали небывалые скидки и желали всем сладкого и хорошего года. До закрытия оставалось часа полтора. Поток торопящихся людей нес меня к выходу, острые углы подарочных упаковок бились о мои ноги, гарантируя множественные синяки и невозможность надеть платье на праздник.

Уже почти на выходе, краем глаза, я заметила нечто блестящее. Как истинная сорока, я заинтересовалась. Остановилась, присмотрелась. Предметом моего интереса оказался чайник. Он был совершенен, если это определение применимо к чайнику. Круглый, черный в золотых крапушках, с изящным носиком и золотой ручкой. Он был прекрасен и абсолютно бесполезен. Зачем он мне? Кофе я пью из кофемашины, воду для чая или какао грею в обычном электрическом чайнике, который быстро нагревается и сам выключается. Декоративную посуду для красоты давно воспринимаю как пылесборники.

За прилавком стояла уставшая, вымотанная тяжелым рабочим днем русскоязычная продавщица лет пятидесяти. У большинства граждан этот день был выходной. Кто-то готовил праздничный стол, кто-то наводил красоту, кто-то выбирал подарки. А у нее рабочий день с удвоенной

нагрузкой из-за наплыва покупателей. В глазах тоска и раздражение. На губах замученная приветливая улыбка. Я ее явно не обрадовала.

– Я могу вам помочь? – дежурная улыбка. – Вижу, вам чайник понравился. Показать?

Она сняла его с витрины. В ее руках, под разными ракурсами, чайник заискрился, как волшебный. Прямо лампа Алладина. Но случайно мелькнувший ценник быстро вернул меня в реальность. Цена была неприличная. Даже за волшебную лампу.

Спасибо, – говорю, – но цена пугает. Да и пользы от него не много. Шана това вам.

Продавщица задумчиво посмотрела на меня и сказала:

– Ну, как скажете. Жаль. Такая вещь красивая. Не все в этой жизни должно быть с какой-то пользой. Иногда можно купить что-нибудь просто для радости. Побаловать. Просто потому что хочется. Понимаете?

– Понимаю. Только ведь дорого…

– Ну, дорого. Так ведь для радости. Сколько той жизни. ...Нет? Ну ладно, хорошего вам года.

Так я и ушла, красуясь новой прической, нагруженная пакетами с полезными и нужными подарками. Настроение было хорошее. Да и тетка продавщица оказалась колоритной. Люблю таких.

А радости в том наступившем году не было. Да и в последующих двух ее очень не хватало. Изматывающая попытка выживания, усиленно замаскированная под нормальную жизнь. Работа, учеба, отпуска и праздники между сиренами. Безумный бег, без шанса на остановку. Но как обещал Соломон, все проходит. Оно не кончилось, не прошло. Пока. Но окна бронированных комнат открыли. А значит, есть шанс на радость.

Пару дней назад пригласили меня с семьей в гости. И в очередной раз я пошла выбирать подарки, волею пославшего мя мужа. А теперь представьте себе мой восторг, когда в магазине я обнаружила, на том же месте, уже знакомую усталую продавщицу. Конечно, она меня не узнала. Сколько покупателей мелькают перед ней ежедневно. Она, конечно, помогла мне выбрать все что нужно. И пока она заворачивала подарки, я глазела по сторонам и увидела его. Он стоял в углу, старательно сияя круглыми бочками. Я подошла, погладила. Продавщица, проследив куда я направилась, вздохнула.

– Красивый да? Мне тоже нравится. Все обращают внимание. А никто не берет. Кому сейчас нужны простые чайники?

– Мне нужны. Мне нужен этот чайник.

– Хорошо. Конечно. Вам повезло, он сейчас со скидкой 80%. Такие вещи, они, знаете… для радости.

– А себе почему не возьмете?

– Милая, я же одна живу. Я и две мои собачки. Мне готовить-то не всегда хочется. Зачем мне чайник?

– Так для радости…

Она помолчала. Завернула мне подарки, протянула пакеты и сказала:

– А вы правы. Возьму. Сколько той жизни?

Так что теперь посреди кухни у меня стоит бесполезный артефакт чистой радости в золотую крапушку. Сияет. А значит, есть шанс.

Ноябрь 2025 г.

ДИАНА БЕРЕБИЦКАЯ
Месса

В цикле «Месса» автор воспользовался названиями и смыслами частей католической литургии, чтобы контрапунктом сообщить каждой из них новое содержание и собрать из них новое здание своего миропонимания и своей веры.

1. Kyrie eleison – «Господи, помилуй» (греч.)

Мной создан этот мир: ночей провалы,
Вершины дней…
Его святым и вечным замышляла,
А он в огне.

За беды неудавшегося мира,
За шаткость вер –
Виновна! И колышется порфира,
Пурпурный свет.

Поверю исступлённо и усердно,
Что это Он,
Что прощена, и близится спасенье,
И мир прощён.

Но обманусь и буду с новой силой
Твердить опять,
Что нет надежды. «Господи, помилуй!» –
К кому взывать?

2. Dies irae – «День Гнева» (лат.)

Всё в траурном кружеве: реки, каналы,
Мосты и свинцовая зелень садов.
Деревья к оградам склонились устало.
Изношенный мир был привычно не нов.

Грифонов облезших тяжёлые лапы,
Бессилье полетами крылья латать...
А дождь утомительный медленно капал,
И город в дожде растворялся опять.

Но в Финском заливе волна восставала:
День гнева, день гнева, свершится обряд!
Морщины гранитно-упрямых каналов
Не зря одевают в чугунный наряд.

3. Tuba mirum – «Труба Предвечного» (лат.)

Тьмой сгустившейся свет искорёжен,
Смята тень на дневном полотне,
И на цыпочки встал осторожно
Силуэт в помутневшем окне.

В сонном шепоте тёплого мыса,
Настороженный, тёмный, немой,
Восклицательный знак кипариса
Напряжённо застыл. Непокой.

Ловит месяца чуткое ухо
Гулкий звук, непонятный призыв,
Дальний рокот, смятение духа,
Наконец, очищающий взрыв!

Трубы ветра. Крысиною флейтой –
Свист, секущий по сердцу – пассаж.
Медь мерцает, как молния. Лето
В нервном зареве. Мир, как мираж.

Рокот моря – литавры. Покорно
Напрягаются струны дождя,
Но сменяют, смягчают валторны
Зовы труб, контрапункт громоздя.

Затихает. В рассветной оправе
Оркестровая яма небес…
Лишь в беззвёздное небо направлен
Кипарис – указующий перст.

4. Agnus dei – «Агнец Божий» (лат.)

Спелёнуты улицы в коконы туго,
Примёрзшими звёздами высвечен путь,
И мёртвыми петлями белая вьюга
Затянута. Где-то теряется суть.

И снежные хлопья – полярные совы –
Ведут бесконечный слепой хоровод.
В сугробах покоится спящая совесть:
Дыханья не слышно и губы – как лёд.

Вина, осознанье ее, искупленье –
За мутным пределом мерцающей тьмы.
Там яростно стонут, сгорая, поленья,
А здесь остаемся, озябшие, мы.

Пойдёмте туда, белоснежных пелёнок
Отвергнув нелепую, цепкую власть,
Чтоб к боли живой, докрасна раскалённой
Припасть и, вину искупая, пропасть.

Пойдёмте!
Нас ждут белоглазье кварталов,
Провалы дворов,
Алтари площадей…
Agnus dei.

5. Lacrymosa – «Слёзная» (лат.)

Глаза кольнул осколок ветра.
Слезятся звёзды мутным светом:
Их нимб – обыкновенный ноль.
И воском всхлипывают свечи,
Предчувствуя: их срок невечен.
Светает. Изморозь как соль.
И захлебнётся день капелью.
Счастливый звук? А в самом деле
Лоскут небес проела моль,
И капает в прорехи боль.

6. Credo – «Верую» (лат.)

Прозренья пусты, и беспомощны боги,
И веровать в бредни желанья и сил
Уже не осталось. И тьма на пороге.
И строфы – рядами забытых могил.

И кроны деревьев согласно и сонно
Качаются. И наступает покой.
Но кто-то врывается в ритм церемонный
Изломанной, нервной, бессонной строкой.

И снова восторг воскрешающей боли,
И снова закат воспалён и багров.
Ладони прожжёт, вырываясь на волю,
Лавина пронзительных вечных стихов.

7. Confutatis – «Отвергнув» (лат.)

Низвергая богов,
  разбивая гранит пьедесталов,
И души не щажу:
  Раскрошу и развею по дням.
И прикрою глаза.
  Все страшнее, чем я ожидала:
Сетки трещин на ликах,
  бездомно, озноб не унять.

Как гробница, душа
  разворована всеми ветрами.
Скорбный прах под ногами
  затоптан продрогшим дождём.
Мне обломков былых
  не коснуться губами – не в праве!
И раскаянья дар
  у дверей, как подкидыш, не ждёт.

Ум логичен и строг,
  словно вовсе в смятении не был.
В венах стылая кровь.
  Метрономом уверенный шаг.
Но покажется луч
  на холодном, клубящемся небе –
Обернусь
  и заплачу,
  как будто воскресла душа.

ГЕННАДИЙ ИСАКОВ

Принуждение жизнью (глава из книги)[1]

Эта глава о том, как происходила подготовка меня к выполнению моего главного предназначения. При подготовке потребовалось выполнить следующее:

1. Вывести меня из-под влияния принятых в обществе знаний, понятий и представлений, то есть изолировать от жизни общества.

2. Толкнуть на составление персональных, необходимых для предстоящих задач знаний, понятий и представлений, отличных от общепринятых. Если источник общепринятых знаний находился в реальном мире, то для меня источником полагался потусторонний мир. Для налаживания контакта с ним потребовалось выработать ощущение границы с потусторонним миром, для чего было проведено ознакомление со смертью и её границей.

3. Выработать образное мышление, крепкий характер, волю, бесстрашие и разумность во всех делах.

Теперь, как это происходило.

Я родился в начале войны в глухой деревне на псковской земле, в избе, где проживало семейство сестры моей матери, к которой она, будучи беременной мной, прибыла вместе с маленькой дочкой, когда отца призвали на военную службу.

Фронт дважды прокатился по нашей деревне, вначале с запада на восток, а потом обратно. Эти валы оставляли за собой руины и пепелища. Те избы, что были побольше, разбирались обеими проходившими армиями по бревну для укрепления дорог и переправы через речку, а маленькие, вросшие в землю, оставались без внимания. Мы и жили в одной из них. Это была низенькая избушка с низким входом, парой маленьких окон, в которой с давних времен находился металлический ящик с приделанной выносной трубой, приспособленный изобретательным умом и умелыми руками для отопления и приготовления еды.

С наступлением мирного времени жизнь начала налаживаться. Вернувшиеся с войны солдаты вместе с деревенскими жителями рыли

[1] Печатается по книге https://ridero.ru/books/prinuzhdenie_zhiznyu/
Геннадий Исаков. Принуждение жизнью / Объем: 192 стр. Формат: epub, fb2, pdfRead, mobi / ISBN: 978-5-0067-6950-2

землянки, восстанавливали жилища. Одиноко стоявшие русские печи, что остались от разобранных и сгоревших домов, использовали для приготовления еды. Потом их разобрали на кирпичи для новых печей в новых избах. Не осталось ни скотины, ни птиц. Только бывший староста, назначенный немцами при оккупации, сумел спрятать и сохранить в дальней глухой заимке пару лошадей со всякими нужными для сельской жизни приспособлениями и атрибутами. Староста всю войну помогал, чем мог, сельчанам, потому его не выдали пришедшим потом дознавателям. На этих лошадях пахали, вручную разбрасывали сохранившиеся зерна ржи. Осенью женщины серпами жали урожай, покрывая поле снопами и копнами, а мы, мальчишки, на лошади перевозили урожай на ток, где мужчины цепами молотили соломенное богатство, выбивая зерна, проветривали, перелопачивали. Урожай получался невысокий, но выделяли часть государству, часть оставляли на следующую посевную, остальное делили по трудодням, учитывая наличие детей, стариков, инвалидов. Ловили рыбу на самодельные снасти. Деревню окружали обширные озера, соединенные быстрыми речушками, на островах водились бобры, ондатры. В качестве плавучих средств использовали «камейки», представлявшие собой пару выдолбленных корыт из толстых бревен, соединенных на торцах скобами.

Со временем в районном поселке появились администрация, магазин, там же пункт для приема шкур зверей, где их обменивали на капканы, ружья, порох, свинец. Стала развиваться охота. Уже можно было стрелять диких уток, коих в множестве расплодилось в камышовых зарослях озер.

А когда в продаже появился керосин с керосиновыми лампами, жизнь повеселела, теперь можно было коротать длинные вечера при свете фитильков. И уж совсем стало праздником, когда прибывшие из центра рабочие установили гирлянды столбов и протянули провода. В дома пришли электричество и радио.

Построили клуб, теперь в свободные вечера молодежь устраивала танцы под гармонь. Формировались пары, женились, рожали детей. Откуда-то завезли лошадей, коров, овец, свиней, птиц. Всей деревней стали строить новые просторные избы. Детей не баловали, все дети принимали посильное участие во всех хозяйственных делах. Безделья в деревне не бывает.

По очереди от одной деревни до другой отмечали престольные праздники. К ним готовились заранее. В принимающей деревне гнали хлебную самогонку на всю округу, потому что все деревни сходились на

праздник, каждого надо было угостить. Гнали самогонку в лесу на кострах тайком ночью, поскольку ввиду дефицита зерна на это был запрет, и за этим следила районная милиция, однако, не очень старательно. В праздничный день с раннего утра начинали подтягиваться жители окружающих деревень, вначале самые нетерпеливые, потом семейные, с детьми, тянулись старики и старушки, все нарядные. Нарядность выражалась надетой чистой рубахой, платьем, хранившимся в сундуке, кепкой на чубе, броской косынкой. Ходили по избам, пили, собирались на площади перед гумном, плясали под гармонь, распевали частушки, устраивали кулачные бои. Словом, развлекались от души.

К религии сельчане относились, как к привычной данности. Никаких икон в избах не было, и ритуалов не проводилось, в деревнях христианство носило формальный характер, более выраженной была вера в духов, в приметы, заговоры. Словом, деревенские оставались язычниками.

Позднее я размышлял, для чего понадобилось князю Владимиру, самодуру, негодяю, как следует из писаний о нем, напрочь лишенному добродетелей, убийце брата, жестокому насильнику, уничтожать выработанную веками исконную русскую веру, проливая реки крови, и повсеместно вводить чуждую русскому народу еврейскую веру в греческом её варианте.

Возможно, это ему потребовалось для утверждения повсеместного единоначалия над подвластными селениями, что позволило бы управлять ими и взимать с них единые оброки. Когда в каждом селении почитался свой ведический бог и только ему те жители служили, это было делать сложнее. Боги были разные, и не было единого начала. Получается, что смысл кровавой перестройки только в том и заключался, чтоб заменить разнообразие богов единым на всех богом, и под его покровительством всеми управлять.

Но тут возникает вопрос, ответа на который найти не удается. Русь находилась между католическим Западом и мусульманским Востоком. Можно было избрать распространённый на Западе вариант христианства – римский, католический, это позволило бы сблизить Русь с западными странами и тем избежать многих конфликтов на западном направлении. Или принять ислам, что могло бы сблизить Русь с восточными народами. Но князь выбрал в качестве государственной религии самый непопулярный вариант христианства – греческий, и этим обособился как от Запада, так и от Востока, что привело потом ко многим сражениям на

обоих направлениях. Но не только это явилось бедой. Хуже было другое – с введением чужой веры князь предопределил многие конфликты и распри в своей стране. В стране, где веками существовали равноправие и свобода, с новой религией пришли понятия «рабство» и «господин», они внедрилось в сознание как богом данная неизбежность, и этим разделили прежде единый народ на помазанников божьих – господ – и на подчиненный им холопский люд. Подсознательно этот люд ещё держался старой веры, хотя постоянно шла работа по вытеснению её новой верой, а господа приняли её полностью. Появились две религии с разными моральными принципами. В низах ещё держались понятия справедливости, уважения, правды, а наверху их уже не было. Это породило непреодолимый барьер, выражавшийся в несовместимости нравственных норм. Частная собственность господами и холопами воспринималась по-разному, господа её считали священной, а холопы, ставшие частной собственностью господ, её вообще не воспринимали. Возникшее неравенство закрепило на долгое время феодальные отношения господ и холопов, а это в свою очередь затормозило развитие страны на столетия, что впоследствии привело к серии революционных взрывов с гражданской войной, ставшей, по сути, восстанием холопов против господ, одной религии против другой.

Попытки введения либеральных реформ не устранили неравенство, а напротив, довели до предельного обострения. Коммунистическая идеология оказалась близкой к учению Христа, она провозглашала равенство и товарищество, справедливость, отрицала частную собственность на основные средства производства, осуждала обогащение среди бедноты, утверждала скромность и порядочность и этим оказалась близкой к народной религии. Но церковь всячески ей противостояла. Её служители даже сражались с народом в рядах армии Колчака, а во время войны порой приветствовали приход гитлеровских войск. Выставляя коммунистам обвинения в репрессиях, они забывают слова Христа, изложенные в Евангелие от Матфея (18.6): «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому было бы лучше, если бы мельничный жернов повесили ему на шею, и утопили его в пучине морской». Так же поступали и коммунисты. Что же Христу не выставляют обвинения в жестокости? Но тут есть ещё один вопрос: А есть ли полномочия у нынешних священников вещать от имени Христа? Могут ли они считаться его учениками, если не выполняют его наставления:

«Идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева;

ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное;

больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте.

Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои,

ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания.

В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете;

а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему;

и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится.

А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших;

истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому».

Установление на Руси двух религий и разделение населения на господ и рабов затормозило развитие государства и привело ко многим бедам. Сейчас, когда в России новые власти с церковью повернули время вспять, восстановилось разделение народа на господ и холопов, развернулось массовое строительство храмов, и началась массовое погружение народа в религию, а низменные страсти поднялись и заглушили голос разума и совести, можно с уверенностью ожидать прихода новых бед. Впрочем, это уже происходит.

Это сейчас повсюду стоят храмы, а тогда ближайшая сохранившаяся церквушка была за 40 км от нашей деревни. Однажды родня решила окрестить нас с сестрой. Поскольку дорогу к церкви знала только мамина сестра, она и отправилась в долгий путь с двумя малышами. Шли несколько дней, напрашиваясь на ночевку в попутных деревнях, выпрашивая в приютах еду. Из всей процедуры крещения наиболее яркое воспоминание оставила ложечка сладкого вина, вылитая священником в мой рот. Возникшее приятное ощущение предопределило на всю жизнь доброжелательное отношение к этому нектару.

После войны отец, будучи военным, как только получил назначение на постоянное место службы и обустроился, перевез нас к себе. Мы оказались в городе Великие Луки. Бои за город происходили длительные и

жестокие, его не зря называли вторым Сталинградом. Город почти весь был разрушен. Остались немногие здания и бараки. Наше жилище представляло собой комнату на втором этаже двухэтажного барака, построенного в давние времена для местных рабочих, а теперь заселяемого разными назначенцами. Здесь мы прожили недолго, потому что потом отца перевели на новое место службы в город Ржев. Великолукский период нашей жизни можно было бы не упоминать, если бы не два эпизода, оставивших в памяти след. Первый эпизод, вызвавший во мне горькое чувство вины, произошел, когда однажды мы с сестрой, оставленные родителями без надзора, шалили, и я показал сестре свой героизм, взгромоздившись на высокую спинку кровати, стоявшей у окна, подстрекая её сделать то же. И она поддалась, вскарабкалась наверх, но не удержалась, оперлась на стекло окна, стекло лопнуло, и сестра исчезла. Меня пронзил шок. Придя в себя, я выбежал на улицу. Увиденное зрелище поразило не меньше. На завалинке сидело несколько женщин, между ними находилась моя сестра, закутанная в одеяло, и с видимым наслаждением поглощала с блюдечка малиновое варенье, запивая горячим чаем. Если до этого я остро переживал свою вину, то сейчас, при виде такой идиллии, проникся сожалением, что не я выпал из окна. Как бы ни выглядело это невероятным, но никаких следов от падения на героине события не оказалось, ни порезов от стекла, ни синяков от удара об землю. Словно невидимый ангел плавно перенес её вниз. Только потом временами у неё стали появляться головные боли. Но это не помешало ей после школы окончить педагогический институт и стать любимой учительницей во всех школах, где бы ей ни приходилось преподавать. Её ценили за неиссякаемый оптимизм и мудрость.

Второй эпизод случился на базарной площади. В то время мы с матерью возвращались из бани через эту площадь. Там скопилось много народа, что-то на ней затевалось, матери стало любопытно. Чтоб меня не затолкали, она подняла меня на плечи. Я увидел в ряд вкопанные виселицы, с перекладин спускались веревки с петлями внизу. По площади ехал грузовик с откинутыми бортами. На нем стояли мужчины в немецкой форме со связанными сзади руками, их было много, они стояли молча. Как выяснилось потом, это были офицеры фашистской комендатуры, захваченные в плен в последнем сражении за город. Им еще в разгар битвы предлагали сдаться с сохранением жизни. Но они отказались. Гордые вояки самой мощной в мире армии, покорившей всю Европу, ведомые самыми опытными генералами, допустить не могли, что их могут

одолеть примитивные ваньки, которых они и за людей не считали. Теперь их, понурых и безучастных к своей участи, эти ваньки везли на самую позорную смерть. Горожане их знали. Это они проводили массовые расстрелы жителей. Все годы оккупации город отчаянно сопротивлялся, а когда подошли части Красной армии, фашисты вынуждены были оттягивать многие формирования от других фронтов. И за это пытались вообще снести с лица земли весь город со всеми обитателями. Народ непрерывно гудел. Гулом выражались ненависть и удовлетворение происходящим.

Грузовик с фашистами сделал круг по площади, чтоб все могли посмотреть на жалкий вид ещё недавно вызывавших ужас грозных палачей. Затем на борт поднялись два солдата, и грузовик начал движение по линии висящих петель. Подъехав в первой виселице, он остановился, солдаты накинули петлю на шею крайнего немца, и грузовик поехал к следующей виселице, оставив болтаться в петле сдернутого ею с платформы фашиста. Эта процедура продолжалась, пока все немцы не были перевешаны. Одни замирали в петле, едва дернувшись, другие раскачивались и бились в конвульсиях. И у всех вылезали языки. Мать несколько раз пыталась выбраться из толпы, чтобы я не видел этого зрелища, но толпа плотно нас сжимала, и попытки не удавались. Я же, наблюдая за происходящим, ничего не испытывал, никаких эмоций или чувств, словно происходило то, что никак не вписывалось в систему моего восприятия, я видел нечто запредельное, словно находился на другой планете. Позднее я понял, что это была не просто казнь убийц, это был массовый сеанс излечения израненных душ жителей города, потерявших всё по вине пришедших варваров: – дома, родных, друзей, мир, покой – и теперь жаждущих мщения. В природе реализуется закон, описанный ещё Ньютоном, по которому противодействие вызывается действием и направлено на его ликвидацию. И по законам морали, возникшее зло пробуждает добро, и оно его уничтожает. Значит, зло, появившись в этом мире, в конечном итоге убивает себя. Правда, до сих пор не разрешен вопрос, что есть что, как не перепутать добро и зло и где их границы. Видимо, решение этого вопроса восходит к осознанию смысла появления людей на планете, в этом смысле надо искать ответы на мириады вопросов бытия, рождения и смерти, только этого смысла до сих пор никто не знает. Что творим, не понимаем. Понятно лишь одно – если появились люди, значит, что-то в мире происходит неправильно. Это оно предопределило появление людей.

И вот мы переехали в город Ржев, почти полностью разрушенный войной, как и Великие Луки. Здесь происходило такое же месиво жестоких сражений. Новым нашим жилищем стала комната в наспех сколоченном пленными немцами домике, поделенном на 4 части с отдельными входами и встроенной в середине буржуйкой, с топками в каждой комнате, и потому каждый мог её топить своими дровами. Туалет на улице, и там же водонапорная колонка. Пленные немцы продолжали строительство подобных домиков по рядам улиц. Когда мы, мальчишки, приближались к ним, они протягивали к нам вырезанные из дерева игрушки, машины, кораблики и умоляюще просили «брот», то есть хлеб. Вообще-то нас предупреждали, чтоб не смели к ним приближаться. А охранников не было видно. Потому однажды поддался мольбам одного престарелого чахлого немца, не из-за игрушек, а из сострадания. Тогда я тайком, стащив из запасов матери кусочек хлеба, принес ему, отказавшись от протянутого кораблика. Но родители быстро меня разоблачили и устроили трепку. Больше я к ним не подходил.

Повсюду по городу, за городом, в больших количествах валялись пули, гильзы, лежали груды автоматов, касок, немецких, наших. За городом в поле валялись снаряды, из которых мальчишки добывали порох, разного калибра патроны, особенно радовали патроны для ракетниц, они впечатляюще рвались, прыгали и красиво летали, когда их бросали в костер. Такие развлечения были смертельно опасными, но мы того не осознавали. Помню случай, мы в поле нашли тяжелый артиллерийский снаряд в полной комплектации, развели вокруг него костер, отбежали в ближайшую воронку, залегли и стали ждать, что будет. Однако ничего не происходило. И только мы поднялись, чтоб подойти к костру и посмотреть, почему не взрывается, как тут примчался какой-то солдат, мгновенно сбросил нас обратно в воронку, и тотчас прогремел взрыв. От костра осталась воронка. Солдат покрыл нас сложными словами, велел запомнить этот день и наказал, чтоб больше такое не повторяли, и так же быстро убежал. Однако подобные случаи были нередки, чего только не тащили дети в огонь, патроны, гранаты. Пули летали веером, гранаты взрывались, виновники становились калеками и даже погибали. Частенько играли в войну. Тех из мальчишек, кто был послабее, назначали немцами, надевали на них немецкие каски, давали в руки немецкие автоматы. Сами были в касках солдат красной армии и носили соответствующее оружие. Немцев побеждали всегда, они драпали от нас изо всех сил, бросая

оружие и каски, потому что в противном случае их ждала рукопашная схватка.

Однажды я был свидетелем полетов парашютистов. Из летевшего кукурузника высыпались цепочки тел, они кувыркались в воздухе, и потом над ними раскрывались облака белоснежных парашютов, и они величаво и красиво плыли по воздуху. Меня подмывало это повторить. В качестве объекта для эксперимента наметил пожарную вышку, внизу был навален песок. Парашютом должна была послужить спертая у матери простыня. По углам привязал веревки. Расчет был прост. Я маленький и легкий, большой парашют мне ни к чему, хватит простыни. Она раскроется под напором воздуха, и я полечу так же величаво и красиво. Забрался на верхотуру, и на глазах изумленной публики расправил простыню, ухватился за веревки и отчаянно шагнул навстречу мечте. Только расчет не оправдал себя, я летел кувырком, окутанный простыней. Так и шлепнулся на песок. Песок оказался рыхлым, как снег, он принял меня мягко, словно это был сугроб. Больно почти не было. Я обескуражено поднялся, но публика подхватила на руки и потащила матери на казнь. Взбучка была классной.

И вот наступил день, когда пришла пора отправиться в школу в первый класс. Школа представляла собой сохранившееся довоенное административное здание с просторными кабинетами. Нас, первоклассников, вручили интеллигентной пожилой даме с непривычным именем – Серафима Георгиевна. Она доброжелательно улыбалась. Она ещё не знала, кому улыбается. Пока она нас учила карандашом рисовать в тетрадях палочки и кружочки, жизнь проистекала удовлетворительно, но вот когда дошли до счета, тут начались проблемы. Я потребовал, чтоб она показала мне единицу. Что такое единица? Где её можно увидеть? Где единица за окном?

Серафима Георгиевна предложила остаться после уроков, она мне отдельно объяснит, а пока класс будет учиться сложению. После урока она положила передо мной карандаш.

– Видишь, – спросила, – карандаши перед собой? Сколько их?

Я отвечал:

– Один.

– Один – и есть единица.

Я заупрямился:

– Тут нет никакой единицы, тут один карандаш. Что такое единица?

Учительница сдалась.

– Верно, – сказала, – тут нет единицы. Единица – это просто слово, означающее, что тут один предмет. Один карандаш. Может быть одно яблоко, может быть один мальчик. А вот если рядом с этим карандашом я положу еще один карандаш, то их будет два.

Я разломил карандаш пополам и спросил:

– А теперь сколько карандашей?

Она замешалась. Один переломанный карандаш мог считаться одним, только сломанным карандашом, но можно сказать, что теперь их два. Я продолжал:

– А если положить яблоко и буду я, будет ли два предмета?

– Верно, – она сказала, – будет два.

– А если я съем яблоко, то одна единица окажется внутри другой? Как их тогда сложить?

Серафима Георгиевна устало махнула рукой, а я продолжал:

– Два – это тоже слово? Тогда как можно складывать слова?

– Иди домой, – произнесла, – позанимайся с родителями.

Дома я спросил у отца, что такое единица?

– Мать, – закричал он, – наш сын уже получил единицу!

– Нет, – я отвечал, – просто интересно.

– Тогда спрашивай в школе.

На этом расспрос закончился. Дальше возмутил меня ноль. Я спросил, ноль есть или его нет? Ноль, мне отвечали, когда ничего нет. Так ноль есть или его нет? Он есть. Как может быть то, чего нет? Отрицательные числа возмутили до крайности. Мало того, что у меня нет ни одного яблока, так зачем говорить, сколько яблок у меня нет? Какая разница? Было ощущение, что-то меня дурят, мир устроен совсем не так, а как – не рассказывают. Ведь все знания начинаются от изучения окружения, а там ничего такого нет, о чем мне рассказывают. Вся математика – просто выдумка людей. Как можно в пустоте поставить точку? Где в природе параллельные прямые? Их нет. Может ли быть в пустоте прямая линия? А что будет, если единицу делить до бесконечности? Она просто исчезнет, и получится бесконечное количество нулей. Тогда любая бесконечность равна единице. И не будет никакой математики. Нет, математика просто выдумка и не может считаться наукой. Я не понимал, как на выдумке можно строить разные науки. Они будут отражать глупость ума, а не особенности мира. Я спросил, чем занимаются ученые? Учительница

сказала, они изучают природу, выявляют действующие в ней закономерности. А могут ли они считаться учеными, если сами придумывают закономерности, которых в природе нет? Ответа не дала, но сказала, что многое придумывается для практических нужд. Вот, например, надо сделать парты для учеников, а сколько надо? Для этого надо узнать число учеников, для таких задач придуман счет.

Серафима Георгиевна, убедившись в моей бестолковости, уже не оставляла меня после уроков, за исключением одного случая. Однажды в класс ворвалась какая-то женщина и, показывая на меня пальцем, закричала, что этот бандит стреляет из какой-то штуки по её курам, они пугаются и не несут ей яйца. После уроков учительница устроила мне допрос, что я там наделал. Я поведал, что просто придумал новое ружье и проверял, как работает. А куры просто там бегали. Она попросила рассказать о моем изобретении. Я нарисовал схему оружия, рассказал, как работает. Она удивилась, похвалила и попросила кур больше не беспокоить.

Где-то в третьем классе вдруг заболел кистевой сустав правой руки. В больнице, куда отвела меня мать, после каких-то снимков, анализов ей сообщили, что это костный туберкулез, и руку упаковали в гипс. А дальше меня надо отправить в специальную лечебницу для таких детей. Родители как-то эту проблему разрешили и повезли меня в детский туберкулезный санаторий в Евпаторию. На этом моя школьная учеба была закончена. Я пришел попрощаться с Серафимой Георгиевной, она дала пакет листков с конвертами, написала адрес и велела ей писать.

В санатории гипс сняли, всё перепроверили, и заново упаковали в гипс, но уже так, что пальцами руки двигать не мог, писать тем более. Начались периоды ежедневных уколов и кормление порошками. В палатах лежало множество загипсованных детей, с загипсованными ногами, спинами, шеями. Все суставы, какие есть в организме, оказались возможными объектами для разрушения их туберкулезными палочками, и почему-то они любили грызть детские кости. Дети лежали годами, выжидали, когда под действием лекарств палочки ослабеют и окуклятся прочной костной массой, а затем восстановятся разрушенные ими суставы. Для этого требовалась полная неподвижность суставов. Поскольку даже в неподвижном состоянии дети росли, им ежегодно меняли гипсовые упаковки. С годами такого лежания тела менялись, подвижные части как-то развивались, неподвижные деградировали. Было странно наблюдать

подготовленных к выписке детей. Они походили на уродцев. Я был единственным ходячим ребенком.

Периодически приходили учителя, тогда детей распределяли по возрастным группам, и в каждой давали соответствующую возрасту школьную программу, но только в предельно сжатом виде, подробности надо было изучать самостоятельно. Необходимые учебники были. Основные положения они диктовали, и надо было записывать. А я не мог. Правая рука была в гипсе, а левой я не умел писать. Как ни старался выводить буквы, получались только каракули. Пальцы не подчинялись, словно были чужими.

– Как мне научиться писать? – спрашивал у лечащего врача.

– Попробуй вначале нарисовать палочки, кружочки.

Он показывал, как надо правильно держать ручку непослушными пальцами.

После нескольких попыток это стало получаться.

– Теперь попробуй нарисовать букву «м».

Кое-как нарисовал.

– Теперь нарисуй «а».

Тоже нарисовал.

– Теперь напиши целиком слово «мама», соединяя буквы.

В голове началась какая-то каша, и опять пошли каракули. Не получается. Врач это объяснил так:

– Дело в том, – начал он, – что мозг человека разделен на две половинки. У тебя правая рука управляется из одной половинки, а левая из другой. Вот та, которая командует правой рукой, она решает задачи, до мелочей четко мыслит, знает буквы, заставляет их писать. Потому люди чаще всего пишут правой рукой. А другая половинка мозга этого не может делать. Зато у неё есть другое преимущество. Она может воображать предметы, картины, может представить что угодно. Это называется образным мышлением. А писать левой рукой заставить не может. Хотя может заставить рисовать.

Врач задумался, наконец сказал:

– Давай сделаем из тебя китайца.

– Это как?

– Китайцы не пишут буквы, они рисуют картинки, иероглифы, эти иероглифы символизируют предметы, действия, а точнее, те образы, которые китайцы видят в своей голове. Китаец видит в голове стул, и тут

же видит иероглиф, означающий стул. Он рисует иероглиф вместо самого стула. И тебе надо научиться делать так же. Ты должен не писать слова, а рисовать. Но обязательно представлять в голове образы того, что означают эти слова.

– А как это?

– Положим, тебе надо написать то же слово «стул». Ты должен представить слово «стул» не словом, а его символом, картинкой. Представь в воображении стул и нарисуй рядом, то есть в воображении, его символ – «стул». Теперь ты должен мыслить образами, в воображении искать их символы и рисовать их на бумаге.

Я представил в голове стул, представил в буквах слово «стул», но написать его на бумаге всё равно не получалось. Врач повел меня в кабинет:

– Вот, – говорит, – перед тобой стул. Посмотри на него внимательно и запомни во всех деталях, отвернись и нарисуй его на бумаге.

Я отвернулся и нарисовал. Грубо, но похоже.

– А теперь, – говорит, – представь слово «стул» по буквам. Представь и нарисуй.

Я представил и нарисовал.

– Теперь захочешь написать что-нибудь, представь это в образах, появятся их символы – слова – и рисуй эти слова. Не пиши, а рисуй. Так ты научишь писать ту часть мозга, которая не умела это делать. И левая рука научится писать.

Я понял. Стал упражняться уже самостоятельно. При этом заметил, чем четче возникают в воображении образы, тем лучше получается текст. Шли дни, я упражнялся, и постепенно дело наладилось, в результате я научился довольно сносно писать левой рукой. Одновременно развилось воображение, доктор научил мыслить образами, и в дальнейшем стал пользоваться образным мышлением. Уже всё, что хотел сказать, написать, придумать, рисовалось в воображении.

Теперь я мог писать письма моей классной наставнице. В них описывал, что вижу, что чувствую, какие появлялись мысли. Она неизменно мне отвечала словами поддержки. Писала про класс, про книги, какие мне надо читать. Я всё делал, что она советовала.

Через год сняли гипс, всё проверили и нашли меня здоровым. За мной приехал отец и повез уже на новое место жительства, в поселок под

Великими Луками, куда его в очередной раз перевели. Там отвели в местную школу, где проверили мои знания, определили в какой-то класс, но проучиться в нем пришлось недолго.

Ранней весной, поскользнувшись на льду, упал и уже подняться не смог, дикая боль пронзила тазобедренный сустав. Прохожие помогли добраться до дома. Любое движение ногой вызывало дикую боль. В местной больнице, куда меня доставили на машине, врачи сделали снимки, анализы и сокрушенно покачали головой – это снова костный туберкулез, только в более разрушительной форме.

Пораженная таким известием мать спросила доктора, почему такое могло случиться со мной. Доктор хмуро отвечал, что это последствия войны. Повлияли стрессы беременной матери, ребенок не мог родиться здоровым, потом стрессы и скудное питание малыша, всё это дополнительно ослабило организм. Дети – наиболее уязвимые жертвы войны.

Половину тела упаковали в гипс, чтоб не шевелил ногой, опять родители куда-то стали обращаться, в результате снова повезли туда же, где был до этого с рукой.

Я понял, теперь уже надолго, и что теперь попался капитально в уже известный мне механизм длительного превращения детей в уродов. Детство на этом закончилось.

В санатории прежде всего сняли больничный гипс, снова всё проверили, стали разгибать до этого согнутую ногу, а поскольку боль была невыносимой, вкололи какую-то анестезию. Ногу уложили, как было нужно, и наложили новый гипс, он охватывал половину тела от грудной клетки до колена больной ноги. Я мог шевелить руками, головой и здоровой ногой. А затем отвезли в специально выделенный карантинный барак. Там была большая палата, в середине стояла кровать, на неё, как бревно, меня уложили. Рядом стояла тумбочка, на которую можно было ставить посуду. Больше ничего в ней не было. Тут мне предстояло пролежать в одиночестве 40 дней. Почему-то с рукой так долго не держали. Видимо, ужесточили порядки.

За мной ухаживала нянечка. По утрам протирала доступные части тела влажным полотенцем, приносила судно, утку, уносила. Приносила завтраки, обеды, ужины и уносила посуду. Всё остальное время я смотрел в окно, за которым ветер играл с листвой серебристого тополя. В первые дни за окном появлялось заплаканное лицо матери, она натужно улыбалась и что-то говорила. Ей нельзя было заходить вовнутрь. Я

жестами показывал, что со мной всё в порядке, мне тут хорошо. Пришла нянечка спросить, что нужно матери купить для меня. Только книги. На следующий день нянечка принесла несколько книг, изданных для подростков. За окном снова стояла измученная мать. Я попросил нянечку передать ей, чтоб больше не приходила, я не могу больше её видеть, её вид разрывает мне сердце, невыносимо видеть и чувствовать её страдание. Это очень больно. Она перестала приходить. Ещё раньше мы с ней договорились, что буду писать ей письма с условным знаком, плюсиком в первой букве, если мне хорошо, и минусом, если плохо. В дальнейшем все мои письма были только с плюсиками.

Все книги я постранично разделил на количество предстоящих дней и в дальнейшем старался не выходить за эти нормы, как бы ни подмывало читать дальше.

Однажды я обнаружил в палате мух, их было три. Видимо, залетели в открытую форточку. Они повсюду носились и даже садились на мою кровать. Это стало неожиданной радостью. Хоть такие живые существа. Только бы нянечка не устроила на них охоту, но она даже не обращала внимания на них.

Мухам я дал имена. Люся, Дуся и Варвара. Люся была красавицей, стройная, изящная, постоянно прихорашивалась. Дуся была полной дурой, бестолку носилась повсюду, выделывая зигзаги и налетая на стены, стекла. Варвара была дамой в возрасте, вела себя степенно, любила сидеть на подоконнике, на стекле, и смотреть в окно. Я попросил нянечку принести сладкого чаю и блюдце. Я подливал в него чай, и какая муха прилетала на угощение, той озвучивал её имя, чтоб запомнила и в дальнейшем прилетала на зов. Но они оказались неспособными к обучению. Тогда выдернул из полотенца нитки и при следующих попойках мух со всей осторожностью ловил их и привязывал нитки к их лапкам. Теперь они летали вокруг меня на привязи. По очереди, называя имена, притягивал к себе и предлагал чаю. Но и это не помогло. Тогда отпустил на свободу. Теперь у меня появилась новая задача, разобраться в мотивации их действий. Задача оказалась непростой, но что-то стал понимать и даже мог прогнозировать их поведение. Иногда все три собирались у меня на кровати или тумбочке, и тогда я начинал им рассказывать про чудные творения ветра из листьев тополя за окном. Он то зажигает костер, заставляя листья сверкать своим серебром, словно искрами, то волнами колышет ими, изображая море, а то начнет рисовать на кроне цветы, замки, лица. Что самое удивительное, мастер не нуждался в зрителях, он

это делал, потому что не мог этого не делать. Он, как безумец, радовался своей свободе, полноте силы, творческим способностям. Я завидовал ему.

Люся и Дуся считали мои рассказы чушью и ахинеей, не дослушав, улетали. Я их не винил. Что они могли видеть и понимать за свою короткую жизнь? Надо будет усвоить, никому не интересно то, что за пределами их видения и понимания. Будут считать бредом. Это потом не раз подтвердится.

А мудрая Варвара продолжала слушать, уставив на меня свои огромные глаза. Слушала не перебивая. Более внимательного слушателя моих рассказов больше не встречал. Потом улетала на свой любимый подоконник и продолжала смотреть за окно. О чем она думала? О тополе? Или о загадочном мире за окном, может, грустила воспоминаниями.

Однажды утром увидел Варвару на подоконнике, лежавшую неподвижно лапками кверху. Пришла нянечка и выбросила трупик в форточку. Я скорбел по её кончине. Думал, есть ли у мух душа? Если есть, где они пребывают на том свете, там, где души людей, или отдельно? Мне было известно из разговоров деревенских обитателей, что у живых существ есть души. Одна старушка говорила, что умные собаки потом перерождаются в людей. Тогда Варвара потом может стать собакой? Если она станет собакой, то узнает ли меня?

Люся улетела в форточку, и Дуся исчезла, наверно, от дури забралась в какую-нибудь щель и не смогла выбраться. А я продолжал читать отмеренные страницы книг.

Но вот срок заключения вышел, и меня перевели в палаты к детям, знакомым ещё по прошлому пребыванию среди них. Я помнил слова доктора о причинах такого недуга у детей, стал расспрашивать, кто и откуда сюда прибыл. И верно, они прибыли в основном из областей, где прошла война, – Литвы, Белоруссии, Украины и западных областей России.

Всё так же непрерывно по утрам и вечерам делали уколы, кололи во все доступные места, куда можно было воткнуть иглу, от этого исколотое тело вспухало. Когда растворы начинали брызгать обратно, делали перерывы. Так же потчевали порошками.

Как тут было заведено, приходили учителя, порой я задавал им свои вопросы. Они вначале живо отвечали, потом с раздражением и наконец прекратили отвечать. Вот учительница истории рассказала о войнах древних народов в многовековой давности, велела выучить даты.

Я спросил – зачем? Какая разница, что тогда происходило, если это уже ни на что не влияет? Ну, было и прошло.

Она выдала глупую фразу: кто не знает прошлого, не имеет будущего.

Будущее, говорил я, придет независимо от того, знаю я прошлое или нет. Время не останавливается, и жизнь продолжается по своим законам.

Она настаивала, прошлое формирует будущее. Я согласился, что недавнее прошлое, действительно, влияет, ну а дальше на него накладываются новые идеи, изобретения, новые знания, да и просто хаос бестолковщины, люди появляются совсем другие, и уже прошлое затеряется в хаотической куче прошедших событий. Уже не имеет значения, каким оно было, будущее перестает зависеть от прошлого. Да мы и понять не сможем древних людей, как они думали, что чувствовали, чего желали.

В другой раз спросил:

– Гитлер мог знать, что застрелится, когда отдавал приказ начать войну с нашей страной? Нет. А мог отменить тот приказ, держа пистолет у своей головы? Тоже нет. А мы можем знать, что произойдет в будущем от наших дел сегодня? Тогда зачем мы это всё изучаем, если сами не знаем, что делаем, изменить ничего не можем и ничему научиться не можем?

Она уже не отвечала, просто просила не мешать вести урок.

Однажды к нам пришла сухонькая, но энергичная женщина, сказала, что будет заниматься нашим культурным и эстетическим развитием. И действительно, с её появлением в нашей жизни началось оживление. Стали привозить киноаппарат с бобинами пленок, нас свозили в общий зал, и на большой простыне механик показывал фильмы. Помню, в каком восторге мальчишки и девчонки смотрели на проделки Чаплина и подвиги Тарзана.

Однажды привела к нам мальчишку, вручила извлеченный из кладовки аккордеон, и он с большим мастерством исполнял музыкальные произведения классического репертуара. Впечатленный его игрой, я решил так же научиться играть. Попросил тот же аккордеон, самоучитель и вскоре уже мог исполнять немногие популярные песни. Но это увлечение оказалось недолгим. Наша энергичная дама вызвала новый интерес, более глубокий, чем занятие музыкой.

Она обладала превосходным талантом рассказчика и чтеца.

Вечерами перед отбоем садилась в середине палаты и выразительно, в лицах, читала нам старинные былины, сказы, легенды, они будили

воображение, и было ощущение, что все действия происходят здесь, перед нами. Рассказывала разные занимательные истории. Один рассказ впечатлил особо. Там шла речь о том, как однажды пионерский отряд разместился на лето в старинном замке. Старик сторож поведал пионерам странную историю, произошедшую в далекие времена, когда он был мальчиком. У хозяев замка было красавица дочка, которую против её воли намеревались выдать замуж за нехорошего человека. Старик помнил, как в день свадьбы невеста бегала по замку, желая спрятаться, чтоб её не нашли. Он видел, как она вбежала в дальнее крыло и скрылась в темном коридоре. Уже началась свадебная церемония, а невесты всё не было. Её повсюду искали, прошлись и по тому коридору, который заканчивался тупиком, просмотрели все комнаты, закоулки, но она пропала бесследно. И больше никогда не появлялась. Многие пытались раскрыть эту тайну, но безрезультатно.

И тогда один из пионеров решил попробовать в этом разобраться. Когда все уснули, взял фонарик, кусочек сыра и отправился в коридор того крыла. Дошел до конца, и тут в свете фонарика перед ним метнулась какая-то тень, в ужасе мальчик вдавился в стенку тупика, и она отклонилась, обнажив черную дыру, в которую он тут же провалился. Упал на каменный пол. Упавший рядом фонарик продолжал светиться, он взял его, и при его свете увидел уходящий в мглу длинный коридор, пошел по нему, по сторонам располагались комнаты, похожие на казематы. При свете фонарика он видел покрытые пылью и паутиной старинные предметы, сундуки, картины. И вот, войдя в одну из них, остолбенел. Лучик высветил сидящую на стуле в полном мраке прекрасную девушку. На ней было белое роскошное платье. Чернота мрака делала траурными белые складки одеяния, рельеф фигуры. Внезапно высвеченная в этом темном подвале, она казалась частью потустороннего мира. То была пропавшая невеста.

Преодолев оцепенение, осторожно ступая, мальчик приблизился к ней. Перед ней стоял стол, на нем увидел клочок бумаги, прочитал нацарапанные слова: «Оставь надежду, попавший сюда». Едва он дотронулся до её плеча, как тут же она со всем одеянием рассыпалась в прах, оставив кости скелета. В ужасе выбежал в коридор, побежал обратно, но не мог найти того места, где упал, везде были ровные стены. Он кричал, но крик заглушался в каменном мешке, повсюду искал выход, но его не было. Фонарик перестал светиться, и всё погрузилось в полный мрак. Вот в этом мраке вдруг показались два слабых огонька. Они

перемещались. Казалось, там были глаза животного. Мальчик направился к ним, но они метнулись куда-то в темноту и исчезли. Дальше рассказывалось, как с помощью прихваченного сыра приманивал это животное, которое оказалось котом, как, следуя за ним, нашел размытую дождями лазейку, и через неё смог выбрался наружу.

Меня поразила иллюзия реальности нереального. Под её впечатлением взялся за написание мистического произведения, наполненного голой фантазией. В нем ученый сделал аппарат, позволяющий видеть эфирные существа, призраки, витающие вокруг. Расписал, как они издеваются над людьми, строят против них козни, возникают, пропадают, натравливают одних на других, чтоб случилась война. Дальше следовали события, связанные с противостоянием людей этим существам. Листки моего сочинения разошлись по рукам, и больше я их не видел.

Зимами нас держали в палатах санатория, а летом перевозили на море. На широком песчаном пляже вдоль берега были выстроены длинные веранды, на них мы проводили всё лето. Плеск волн, шум моря будили фантазию, проплывающие вдали суда уводили воображение в далекие края. На лето приезжали родители с сестрой, но общение допускалось только на расстоянии. Достаточно было того, что мы могли видеть друг друга и разговаривать. Так они поведали, что переехали опять на следующее место службы отца, теперь они живут в поселке под городом Бологое.

Медленно шли годы, все годы я неподвижно лежал на кровати каменным изваянием, тело как-то менялось, росло, и несколько раз гипсовые оболочки медики меняли, при этом делали снимки и нужные анализы. Так прошло три с половиной года. Черту подвела врачебная комиссия, когда при очередной замене гипса мне провели полное обследование. Комиссия вынесла вердикт: лечение закончилось, теперь можно готовить к выписке.

А это была уже отдельная и сложная процедура.

Принесли ботинки подходящего размера, костыли и изготовили съемный корсет на шнуровке, он повторял гипсовую упаковку, им следовало пользоваться в продолжение года. Нога уже могла работать, но нагружать её придется постепенно и с осторожностью.

В первый раз, когда меня стали ставить в вертикальное положение, казалось, что мир перевернулся, пол поднялся на меня вертикалью, потолок упал. Несколько секунд, и я упал на руки санитаров и в кровать.

Изо дня в день меня приучали к вертикальному положению. Потом на костылях при поддержке сопровождающего санитара сделал несколько шагов. Через месяц уже освоился с костылями и ходил довольно сносно без посторонней помощи. Дурь свободы пьянила голову. Я ощущал возрождение.

Наконец приехали родители, забрали и повезли в свой дом, что находился под городом Бологое. Отвели в местную школу, приписали к седьмому классу. Поселок был маленький, а я повсюду ходил на костылях и выглядел белой вороной. Мальчишки любили дразнить «Костыль идет!» Иногда нарочно подсекали, чтоб упал. И, глядя на мои нелепые движения, заливались хохотом. Я не мог понять, как страдания больного беспомощного человека могут веселить? Тогда начал догадываться, что окружающий мир не так уж прост. Оказывается, детвора любит объединяться в стаю наподобие диких зверей. Вожаку, чтоб сохранить лидирующее положение, необходимо членам её показывать свою агрессивность, силу, чтоб они его боялись и подчинялись. Для проявления агрессии выбирался объект из самых беззащитных. Члены стаи старались подражать вожаку и не упускали случая показать ему свои способности по издевательствам. Я был избран объектом.

Чтоб выйти из этого положения, несмотря на возражения врачей, начал усиленно заниматься силовыми упражнениями на турнике, кольцах, постепенно наращивая нагрузки. Потом начал разрабатывать мышцы ног, для чего при ходьбе на костылях стал наращивать нагрузку на больную ногу. Постепенно появилась возможность отказаться от костылей совсем. Тут я начал давать отпор своим обидчикам. Поскольку руки, натренированные на костылях и на упражнениях оказались накаченными приличной силой, то уже мог этими руками так задавить в тисках пойманного обидчика, что, выпущенный на свободу, он едва приходил в себя. Всем становилось понятно, что со мной лучше не связываться. Я стал уважаемой фигурой.

В ближайшие каникулы отправился в родную деревню помогать родным в их нелегком труде. И потом часто бывал там. Основным моим занятием в деревне было обеспечение семейства рыбой. Наловить требовалось много, чтоб обеспечить ежедневной едой и создать необходимый запас на зиму. Заготавливаемая на зиму рыба запекалась в зеве русской печи, сушилась на её лежанке. Для этого мы вместе с дядей Ваней, мужем моей тетки, потерявшим ногу на войне, но не утратившим оптимизма и душевной доброты, плавали по окрестным озерам на

камейках, ловили рыбу сетями. Одной сетью перекрывали какой-нибудь речной переток, а с другой устраивали охоту. Окружали ею заросший камышом прибрежный участок, в нем длинным шестом производили шум, чтоб испуганная рыба неслась в сеть, вытаскивали и перебирались на новое место. По хозяйским делам надо было ещё наносить воды из речки, насобирать «хряпы» в лесу для поросенка.

Пока я там был, отца в очередной раз перевели на следующее место службы. Новым местом снова стал город Великие Луки. Туда переехала наша семья. Только теперь разместили уже не в бараке, а в приличном кирпичном доме, со всеми тогда возможными удобствами, в центре города.

Когда я вернулся из деревни, определили в местную школу, уже в восьмой класс. И снова конфликтовал с учителями. Почему, – спрашивал у учительницы литературы, – героями у нас выставлены проходимцы, Хлестаков, Онегин, Чичиков, бездельник Обломов, а не герои, типа Овода Ривареса, революционеры, солдаты войны? Зачем мы их образы пишем? Внятно она не могла объяснить.

Математичку мучил вопросами. Если вся математика построена на сложении и вычитании простых единиц, то откуда могли появиться мнимые числа? В реальной природе нет мнимых объектов, нет отрицательных, пребывающих в небытие. Физики нашли абсолютный ноль температуры, и теперь нет отрицательных температур, старые шкалы можно отбросить, тогда почему математики не нашли абсолютного нуля и абсолютной единицы среди всего, что существует в мире? Если любое число означает множество единиц, то чем больше число, тем больше вероятности, что это множество развалится. Значит, должно быть в природе предельное множество, более которого оно быть не может. Чем сложнее система, тем больше вероятности, что она рассыплется. Где-то в числовом ряду должно быть предельное множество, предельное число. За пределом они будут распадаться на простые числа. Как в атомном ряду, численность элементов атома подходит к пределу и больше быть не может, они распадутся. А разве может быть знак равенства в формулах? Сложите одного человека – мужчину с другим человеком – женщиной, разве обязательно получится два человека? А если у них появится ребенок, то будет уже три. А если один уйдет, то сложение даст единицу. И одна часть уравнения не может быть равной другой. В левой части то, что было в прошлом, в правой – что ожидается, а это никак не одно и то же. Будущее не может быть равно прошлому. Ничто в мире не равно другому.

Вся математика построена на придуманных догматах и на придуманной логике, которой в природе нет. Она применима на коротких отрезках времени и в ограниченном пространстве, и только на объектах не меньше атома. Бесконечного деления не может быть.

На это она отвечала, как отвечают религиозные фанаты, ты просто не понимаешь математики. И занижала оценки.

Физик меня просто ненавидел за мои вопросы, когда я просил объяснить, что такое энергия, откуда взялись законы природы, как работает механизм гравитации. Однажды выгнал из класса, чтоб не мешал вести занятия, и запретил приходить на его уроки. Я и не приходил. Как только начинался его урок, садился на улице под окном его кабинета и читал учебник по текущей теме. На одном из уроков физик выглянул из окна и велел вернуться. Когда я вошел, он спросил, как работает трансформатор, это была тема прошлого урока, который я просидел на улице. Я не стал отвечать, а только спросил, почему трансформатор не светится? А почему он должен светиться, поинтересовался учитель. Так в нем происходят преобразования электрического поля в магнитное и наоборот, а это должно создавать свет. Это его несколько озадачило. Буркнул, что он создает радиопомехи, и велел сесть на место.

Однако относился с уважением, привлекал к работам по оборудованию в школе радиоузла, по перекладке электрических проводов. Однажды в кабинет привезли киноаппаратуру, и он научил работать на ней, добился разрешения для меня показывать фильмы в клубах, что я иногда и делал. Запомнился один такой случай. В одном из городских клубов намечалось собрание глухонемых, и меня попросили показать какой-нибудь фильм. В городской фильмотеке, куда мне был разрешен допуск, отобрал популярную в то время комедию «Штепсель женит Тарапуньку». На предоставленной машине привез в клуб аппаратуру, и пока устанавливал её, собравшиеся смотрели на это с интересом, было ощущение, что они вообще не понимали, что это такое. Но вот вошел переводчик и жестами стал всё разъяснять, рассадил по местам, спросил про мою готовность и выключил свет. Фильм начался, переводчик стоял перед экраном и жестами переводил слова. В забавных местах зрители смеялись, а иногда переводчик просил повторить фрагмент, который они не поняли или им особенно понравился. Весь фильм был записан на нескольких отдельных катушках – бобинах, можно было любую быстро перемотать и поставить заново. По окончании благодарность выразили аплодисментами.

Учитель черчения освободил меня от уроков, чтоб я за него рисовал плакаты к праздникам. За это поплатился на первом курсе института, когда надо было сдавать экзамен по черчению. Там требовалось начертить мудреную деталь в разных видах и разрезах. Я это сделал за 15 минут и показал экзаменатору. Тот пришел в ужас. – Вы что, – возмущался он, не знаете, как изображаются точки, пунктирные линии, оси? Но за то, что правильно всё изобразил, – сказал, – прощаю, и будем считать, что на этом экзамене Вас не было, придете через неделю, принимать буду сам. За неделю я всё освоил, но на повторном экзамене получил только четверку из-за первого провала.

В школе в одном классе со мной учился тихий застенчивый парнишка, он заикался, стыдился этого, когда его спрашивали на уроках, от волнения вообще выдавал только звуки. Учителя его проводили по тетрадям от тройки до тройки. Имя у него было редкое – Юлий. Я подружился с ним. Юлька, мы его так звали, был из артистической семьи, мать служила режиссером в городском драматическом театре, они жили в притеатральном двухэтажном доме, где жили все артисты, – обшарпанном, с общими длинными коридорами, – втроём с матерью, сестрой в маленькой комнатушке. Впрочем, все артисты так жили, они вечерами собирались во дворе, пили, дурачились, ругались. Детишкам давали театральные имена. Там фланировала воздушная Корделия под восхищенными взглядами влюбленного Ромео.

Театр едва влачил своё существование, посещаемость была скверной, хотя билеты стоили предельно низко, и игра актеров была вдохновенной, но и жители едва сводили концы с концами, им не до театра было. Сейчас я понимаю, что в то трудное время театр выполнял сложнейшую задачу, он, сам пребывая в нищете, всем своим искусством самоотверженно боролся за души людей, вносил в мрак свет, закладывал в них нравственные императивы. Это, безусловно, был подвиг.

Юлькина мать доставала нам контрамарки на все спектакли, а в театр часто приезжали труппы из разных городов, так что палитра постановок была обширной – классика, оперетта, водевили. Всё это мы смотрели.

Когда школьников обязали пару недель летом поработать в подшефных совхозах, мы с Юлькой подрядились вместе поехать в один совхоз. Там нас поставили на просушку зерна. Под навесом на току были насыпаны груды влажного зерна, они прели, выделяя тепло, требовалось пропустить их через сушилку с проветривающим вентилятором. Нам предстояло это зерно закидывать на транспортерную ленту, подающую

его в аппарат, и просушенное переносить в другое место. Облака шелухи, пыли, иголок от ости окутывали всё пространство. В нем мы работали с утра до ночи, полностью покрытые этим месивом. Спали тут же, греясь теплом от зерен. К нам повадился приходить бездомный худой пес. Окрас его был настолько нелепым, что Юлька сразу окрестил его Букетом. Теперь в столовой мы брали обеды на троих. Букет так привязался к Юльке, что даже спал с ним в обнимку. Любовь у них была взаимной.

Потому домой в город мы возвращались уже втроем.

Уж не знаю, как Юлькины родные отнеслись к новому жильцу, но не выгнали, и он стал с ними жить.

К тому времени у нас были велосипеды, и мы устраивали путешествия за город – посмотреть на новые места. Теперь Букет неизменно бегал за нами.

Однажды мы с Юлькой решились на новое приключение. Через город протекала река Ловать, в тридцати километрах от него русло реки пересекало шоссе. Мы решили на велосипедах добраться до этого места и дальше сплавом по реке вернуться обратно. В качестве плота было решено использовать найденные на свалке автомобильные камеры, клеем приведенные в порядок. Привязали к велосипедам, взяли топорик, веревки, спички, купили брикеты с кашей, рыбные консервы и в намеченное время пустились в путь. Букет, естественно, бежал за нами. По прибытии накачали камеры, поверх положили велосипеды, сверху навалили лапника, чтоб мягче сидеть, всё это увязали веревками в единую конструкцию. Спустили на воду, Букета посадили рядом, вооружились жердинами, и отдались течению реки. Вначале всё шло превосходно, мы изучали берега, любовались проплывающими пейзажами, но вот вдруг откуда-то стали приползать облака, их становилось больше, они темнели, и начал накрапывать дождь. Букета это стало беспокоить. А когда дождь усилился, и мы стали промокать, наш пес стал ругаться, бросился в воду и дальше побежал параллельно с нами по берегу, путаясь в зарослях. Так прошел час, два. Дождь всё усиливался. Мы уже промокли насквозь, пес на берегу ругается и лает. Брикеты с кашей размокли и расползлись, открыли банку с рыбой и, причалив к берегу, предложили еду Букету. Он только понюхал и посмотрел на нас, как на ненормальных. Похоже, он лучше нас понимал, в какую историю мы все вляпались. Привлекательность путешествия стала меркнуть. Стало приходить осознание, что дальше так под проливным дождем, с Букетом на заросшем берегу, плыть до города не сможем. Вспомнили, что где-то

недалеко извилистое русло реки приближается к шоссе. Там решили выбраться. Проплыли еще, ожидая поворота реки к дороге, дождались, она, действительно, пошла к дороге, и на закруглении выбрались на берег. Из зарослей вылез Букет. Размонтировали плот, высвободили велосипеды, камеры оставили на берегу, и стали пробираться в сторону шоссе. Дождь лил как из ведра. Мокрый кустарник переплетался и не пускал. Продирались долго, но вот послышался шум проезжающих машин. Пошли на шум и наконец выбрались на шоссе. Уставший и промокший пес едва волочил ноги. Потому пошли пешком. Проезжающие водители могли видеть апокалипсическую картину, вода сверху как из ведра, понуро два дурака тащат по дороге велосипеды, между ними волочится промокший уставший пес.

Видно, сердце одного из них не выдержало. Рядом с нами остановился обшарпанный москвич, водитель велел затолкать велосипеды на заднее сидение, они не влезали, и пришлось двери оставить открытыми, самим с собакой разместиться, как только сможем. Юлька с Букетом спереди, я залез на велосипеды. Так и доехали до города, а там потихоньку добрались до домов.

Перед последним, десятым, классом, когда заканчивалось лето, но погода ещё согревала теплом, решил, начиная с этого теплого времени, приезжать ранними утрами на велосипеде в парк, что раскинулся на берегу Ловати, и нырять в воду с пристани пристроенной лодочной станции. Решил, я буду это делать каждый день, даже когда начнутся школьные занятия, невзирая на погоду, в дождь, в снег до покрытия реки льдом. Буду проявлять характер и закаляться.

Я так и делал, приезжал ранним утром, быстро раздевался и нырял в воду, болтался в воде несколько минут, выскакивал, обтирался прихваченным полотенцем, одевался и быстро уезжал. Так продолжалось до снегов. Вода обжигала ледяным холодом. Теперь всё больше требовалось решительности и воли, чтоб собраться с духом и нырнуть в морозную воду. Вот уже и люди стали надевать теплые куртки, скоро лед покроет реку, и у меня стало пропадать желание раздеваться и нырять. Наконец оно исчезло совсем. Эксперимент закончился. Но в будущем он очень пригодился.

Я раздумывал, куда пойти учиться после школы. Хотелось заняться философией, и даже нашел подходящий то ли институт, то ли университет в Харькове. Только отец был против, надо учиться на инженера. Только

такая специальность даст устойчивость в жизни. Значит, надо ехать в Москву, поступать в технический ВУЗ, где есть общежитие. Выбрал, приехал, сдал документы, поселили в общежитие, сдал экзамены на пятерки. Был принят.

И вот первый курс. На ту пору наш Никита Сергеевич с обличающей фамилией Хрущёв (Хрущ – жук вредитель) решил провести над нами эксперимент, первый и, как потом оказалось, последний. Он решил, что не получится из студента путного инженера, если не познает все прелести рабочей жизни. Поступило указание распределить первокурсников по предприятиям на рабочие специальности, пусть работают и учатся, не сокращая при этом полагающуюся программу занятий. Отчислять сразу, если студент не выдержит нагрузку, не справится с работой или с учебой. Стипендию не платить, должны зарабатывать на предприятии.

Меня направили на ближайший к общежитию механический завод «Компрессор». Можно дойти пешком. Работа в две смены. Если дневная, то в 6 утра подъем, бегом на завод, смену отработать, быстро вернуться в общежитие, переодеться, бегом в столовую поесть и бегом на занятия в институт. А если смена вечерняя, то наоборот, утром отучиться, пообедать и бегом на завод работать до ночи. А завтраки и ужины, тут уж кто как сможет. Половина курса работало в две смены, половина – только в одну. Это создало для деканата проблему, как при этом организовать учебный процесс для всех. В моей комнате жили ещё трое ребят, они работали в одну смену, потому мы практически не пересекались. Я вставал при звуках курантов по радиоточке, когда они ещё спали, или приходил с работы ночью, когда они уже спали. Сна постоянно не хватало. Однажды вечером, придя с занятий, упал замертво на кровать и очнулся, когда услышал куранты, тогда была первая смена, быстро влез в робу и помчался на завод. Когда туда пришел, на проходной не пустили, сказали, что первая смена будет утром, а сейчас пробило только полночь. Вот какие куранты меня разбудили. Пришлось возвращаться, чтоб после короткого сна повторить этот путь.

Курсовые, лабораторные и прочие домашние работы надо было выполнять в выходные. Тиски были закручены полностью. В ожидании отсева было принято завышенное число абитуриентов. Однако отсев превзошел все ожидания. Ребята, девчонки ломались, уходили. Многие бросались в поликлинику, чтоб получить больничный. Симулировали болезни, набивали на градуснике температуру, но в поликлинике уже было указание проявлять повышенную бдительность, потому что такие будут

приходить, и никакой мягкости не следовало проявлять. За ними был свой контроль, и поблажек никому не было.

На заводе приставили к револьверному станку, вытачивать из литых болванок цилиндры для последующего доведения их до нужных размеров на токарных станках. Заводские к нам относились, как к бессмысленной и временной шелухе. Станок, к которому меня приставили, был подготовлен к вывозу на слом, стоял приготовленный у ворот для проезда локомотива. Для меня его подключили к электросети, залили маслом с эмульсией и локомотив притащил груду болванок. Показали, как управлять станком, что нужно делать, как затачивать резцы. Определили норму, которую надо выполнять. Зарплату положили минимальную, ученическую. Её хватало только на еду.

Револьверный станок – это вращающийся шпиндель слева, в котором закрепляется деталь, в середине суппорт, где закрепляются резцы, справа поворотная бабка, в отверстия которой вставляются нужные сверла или резцы, эта бабка может наезжать на вращающуюся деталь и высверливать середину или растачивать её. И все это происходит при непрерывном поливании мыльной эмульсией, поступающей из специального рожка. Эмульсия разбрызгивается вращением, и всё одеяние человека сверху донизу покрывается этой жижей. Есть защита, но она не спасает. А робу обновят только через полгода. В такой замызганной робе я ходил от общежития на завод, чем экономил время на переодевание в заводской раздевалке.

Так пошел процесс работы и обучения. Всё происходило размеренно. Завод – институт, институт – завод. В институте насыщенные лекции, надо конспектировать и находить время прочитать. Семинары, к которым надо готовиться, сдавать лабораторные, курсовые, зачеты. На заводе мастер матерится, если что не так сделал. Заставляет подметать пол и норму делать, иначе пошлет в институт телегу. А это отчисление.

Эта катавасия должна будет продолжаться до августа следующего года, а с сентября на втором курсе уже начнутся нормальные занятия. Тогда начислят стипендию, но при условии, если сейчас на экзаменах не будет троек.

Наступила зима, мой станок и я оказались у ворот в зоне замерзания. Когда ворота открывались и медленно заползал локомотив, снаружи врывался морозный ветер со снегом. Мокрая роба на мне мгновенно охлаждалась. Утепляться было нечем, да и бесполезно. На мои жалобы мне отвечали, что станок всё равно на выброс, а я, если не нравится, могу

уходить. Из деканата приходил куратор, говорил с заводским начальством, но ему отвечали так же. Приходилось резать болванки на повышенных скоростях, они от этого сильно нагревались, и я обкладывался ими, чтоб от них шло тепло. Но мастер запрещал так делать.

Однажды и в самом деле меня могли выгнать. Чтоб избежать простуды внедрил на станке новаторскую идею. Приделал кучу рычагов, понаставил ограничительные упоры, трансмиссии из железок и проволоки, переключающие последовательно рычаги, связал их проволокой. Мне оставалось только закрепить в шпинделе очередную болванку и запустить процесс автоматической её обработки. Система сама двигала по поверхности детали резец, он сам снимал нужного размера стружку, когда доходил до упора, возвращался обратно, тут бабка со сверлом сама наезжала на деталь и высверливала под размер отверстие, доходила да следующего упора и отходила обратно. Потом снова наезжал резец и подчищал торец детали. Отъезжал обратно и мотор выключался. Оставалось снять деталь, перевернуть в шпинделе, обточить необработанные поверхности. Цилиндр готов, его надо поставить в общую груду и закрепить в шпинделе новую болванку. На автоматическую обработку уходило четверть часа, это время я мог сидеть за грудой ещё теплых цилиндров и оттуда наблюдать за процессом. Всё шло нормально, пока не случился казус. Я уснул. Когда очнулся, то увидел у станка мастера и начальника цеха. Станок работал, всё двигалось. Они молча наблюдали, как станок сам выполняет положенные операции. Наконец всё закончилось, и станок сам выключился. Вот тут и начался ор. Мастер орал, что за всеми чудиками не уследишь, что сейчас найдет этого придурка, то есть меня, и пинками выкинет за ворота. Они ушли. Сердце у меня сжалось в предчувствии большой беды. Работать дальше смысла не было, сел на болванки, не зная, что дальше делать. Тут меня и увидел мастер. Как обычно, стал орать и повел к начальнику цеха. Начальник цеха, когда мы вошли, кого-то вызвал, то ли конструктора, то ли технолога, дал мне листы бумаги и попросил нарисовать, что я там придумал, и рассказать, как это всё должно работать. Когда я нарисовал и рассказал, начальник с осуждением посмотрел на приглашенного, отдал ему мои рисунки, а мне велел пойти работать дальше. Кажется, пронесло.

Но не совсем. На следующий день мастер принес какую-то баранку, похожую на рулевое колесо, блиставшую полировкой, и болванку для неё. Велел цилиндры оставить, теперь я должен научиться делать такие же

блестящие баранки. Сунул болванку, оставил колесо, я начал было возражать, дескать, станок болтается, расхлябан, я не смогу на нем этого сделать, он только отмахнулся и ушел. Привезли кучу таких круглых болванок.

Делать нечего, надо попробовать. Следовало придумать, как закрепить станок, чтоб не болтался, а главное, как сделать новые резцы, чтоб режущая грань была точно круглой и не оставляла борозд. Много времени ушло на все подготовительные операции, надо было найти подходящие резцы, заточить в идеально круглом виде, продумать схему их крепления и перехода с одного места обработки на другой, подобрать траектории их движения, чтоб готовая форма соответствовала шаблону, уходило время на подбор скоростей вращения, чтоб снизить вибрацию. Но она оставалась, от неё сбивалась настройка, в резцах выкрашивалась заточенная тонкая грань, приходилось часто подправлять. Дело шло медленно. Мастер был недоволен. План горит.

Пришел начальник цеха и разъяснил ситуацию. Сказал, что плана на эти колеса нет, это разовый заказ. Моя задача успеть обработать всю завезенную партию заготовок до моего ухода с завода. Поручить эту работу больше некому. И другого станка нет. И ушел с пожеланием трудовых успехов.

Так и мучился до конца своего срока с этими колесами, но задание начальника цеха всё же выполнил.

И в институте справился со всеми трудностями, сделал все предназначенные работы, сдал зачеты и экзамены, среди них был и тот по чернению, о котором писал выше. Троек не было, значит, дальше буду получать стипендию, она, кстати, оказалась больше моей заводской зарплаты, впереди забрезжила заря.

Наконец наступил август, и я попрощался с заводом. На прощанье получил устную благодарность, мастер на редкость был любезен.

Измученные первокурсники, выдержавшие до конца эту каторгу, облегченно вздохнули.

Вывод из всего этого эксперимента стал всем очевидным.

Придуманная Хрущёвым инициатива обернулась для недавних школьников бессмысленным и жестоким испытанием. Ничего она им не дала. Постоянный стресс, перенапряжение всех сил, постоянная усталость, нехватка сна вымотали всех. Институт лишился многих талантливых ребят, не обладавших крепким здоровьем и твердым характером, они покинули институт. Писал ему Сталин в ответ на

очередную его инициативу «Угомонись, дурак!». Как видно, не угомонился. Мы выдержали, а после нас таких экспериментов больше не устраивали. Если бы они продолжались, институт пришлось бы закрыть, в него перестали бы поступать.

Август провел дома и побывал в деревне.

Наконец наступил сентябрь, и началась размеренная студенческая жизнь. А это хождение по аудиториям, лекции, лабораторные, курсовые, зачеты, экзамены. Появилось время на спорт. Недалеко был стадион, там я занялся бегом. Вначале на короткие дистанции, постепенно увеличивал их, в пределе довел до десяти километров непрерывного бега. Зимой стадион заливали водой, и по льду бегал на коньках. Записался в секцию самбо, занятия вел один из основателей этого вида борьбы – Анатолий Харлампиев. Он учил нас разным приемам, известным только ему. Мы нещадно кидали друг друга на маты.

Моё некогда атрофированное тело полностью восстановилось, стало гармоничным, обросло мышечной массой, внутренние органы научились работать при значительных нагрузках. Уже ничем не отличался от сверстников, а некоторых превосходил силой и выносливостью.

При институте был замечательный клуб, там часто выступал студенческий театр эстрадных миниатюр, пели Алла Иошпе и Стахан Рахимов. Приглашались именитые гости.

Однажды, когда я шел туда и был почти у входа, рядом остановилась вереница машин, и из них вышли невысокие молодцеватые парни в военной форме. Я узнал их, это были космонавты. Среди них были Гагарин, Титов. Они шутили, смеялись, шли на вход. Я отстранился, чтобы не мешать. В клубе уже собралось много народа, были вопросы, ответы, встреча происходила весело и бурно. Космонавты рассказывали смешные истории, в частности, как сельские жители приняли Гагарина то ли за шпиона, то ли за марсианина, когда увидели свалившееся с неба существо странного вида. Спросили Титова, не сожалеет ли, что не его назначили первым космонавтом. Он, смеясь, отвечал, что этого врагу не пожелаешь. У первого уже нет и не будет личной жизни, он не принадлежит ни себе, ни семье. Не человек, а символ напоказ. Гагарин грустно кивал головой.

Однажды там выступал удивительный Юрий Горный, обладавший выдающимися способностями памяти и быстрых вычислений, «экстрасенсорики», управления своим физическим, умственным и эмоциональным состоянием. Его вычислительные способности шокировали. Любые числа мгновенно возводил в предложенные степени,

извлекал любые корни. Ребята, предлагавшие ему такие задания, заранее приготовились к ним, и уже знали правильные ответы. Его ответы оказались безупречно точными.

Но ещё больше поразил Вольф Мессинг. Тогда на сцену вышел маленький взлохмаченный человек с нервным, сморщенным лицом. Его движения были резкие, короткие и непоследовательные. Он даже не вышел, а как-то припрыгал. Говорил тонким голосом, резко, прерывисто и непонятно. Это было похоже на щебетание. С ним вышла высокая дама, она переводила его слова на понятный язык и вообще вела всё представление. Перечислила все его необыкновенные способности, предлагала желающим их проверить. Он мог, например, переставлять фигуры на шахматной доске по молчаливым указаниям стоящего рядом индуктора. Мог читать чужие мысли, или внушить свои. Мог по предмету предсказать судьбу хозяина. Мог найти спрятанную вещь. Предложила, пусть кто-нибудь спрячет где хочет любую вещь, напишет на бумаге, что за вещь и где спрятана, выйдет на сцену и положит эту бумагу сюда на тумбочку под эту книгу. А Мессинг ту вещь найдет. Потом по бумажке можно будет проверить. В зале начинался шум, шли обсуждения, наконец от какой-то группы отделялся человек и бежал на сцену. В руке был лист бумаги. На сцене клал листок под книгу на тумбочке. Ведущая объясняла, что прибывший на сцену должен точно знать, что за вещь и где находится и мысленно указывать маршрут к ней. Мастер возьмет его за руку и так, держа её, поведет его туда, куда тот будет мысленно указывать.

К вышедшему на сцену парню подскочил Мессинг, схватил за руку и помчался с ним прямо к обрыву со сцены в зал. Стоп! – закричала ведущая. Они остановились. Дама объяснила парню. Вы должны пошагово, последовательно указывать, куда надо двигаться. Не прямо идти со сцены в зал, так вы оба упадете, а надо указывать движение к ступенькам лестницы, по ним спуститься и так дальше с такой же тщательностью указывать направление движения. Понятно ли? Парень понял. Теперь Мессинг, держа его за руку, двинулся к ступенькам, и оба побежали по проходу зала вглубь его. Впереди бежал Мастер. Он даже не бежал, а как-то быстро и мелко прыгал. Всё делал порывисто и резко. Подбежал к какому-то ряду и стал протискиваться через сидящих к середине, таща за собой того парня. Наконец остановился перед каким-то человеком, вытащил из-под него книгу, раскрыл, и там оказалась расческа. Показал расческу публике, раскланялся и стал выбираться обратно на сцену, а дама подошла к тумбочке, извлекла записку и прочла её. Там

было описано именно то, что нашел Мессинг. Тут фантазия публики разыгралась, бедного Вольфа заставляли выполнять что только в голову придет. Например, добраться до мужчины, сидящего там-то, в его руках находятся цветы. Забрать их и добраться до такой-то дамы, сидящей совсем в другом месте, и вручить ей эти цветы. Шутники разъяснили ситуацию. Оказывается, мужчина специально пришел на выступление с цветами, чтоб познакомиться с этой дамой, но не мог придумать предлога. Затем Мастер разогрелся и усложнил опыты. Он отказался от физического контакта, достаточно будет, если сопровождающий будет постоянно находиться рядом, не далее двух метров. Далее он выполнял задания с бегущими за ним указчиками. Ведущая следила, чтоб не отставали.

Среди этой серии опытов удивил один. На этот раз бежать за ним вызвалась молодая девушка. Мессинг запрыгал, как обычно, и развил большую скорость, девушка едва поспевала за ним. Внезапно он остановился, повернулся к ней, посмотрел на её голову, потом на ноги, и заметно снизил скорость. Он выполнил задание, нашел что требовалось, вернулся на сцену и о чем-то переговорил с ведущей. Та обратилась к залу, сказала, что Мастер просит объяснить произошедшую заминку. Оказывается, когда они с девушкой бежали, та в мыслях вдруг вскипела: «Чего он так бежит, у меня же шпильки!» Мессинг уловил эту мысль, но не понял, как шпильки в волосах могут помешать движению? Посмотрел на её голову, шпилек не обнаружил. Девушка, поймав его взгляд, мысленно воскликнула, да не на голове, а на ногах. Мастер посмотрел на ноги, на ногах были модные туфли на шпильках. Бежать на таких шпильках действительно было трудно. Он всё понял и снизил скорость.

Вскоре я увлекся мотоциклами. Однажды прочитал на доске объявлений у клуба, что при институте открылся мотоклуб. Я отыскал его. Он находился на территории гаражей. У ворот кирпичного бункера на асфальте двое парней возились с какой-то железкой. Они мне были знакомы по общежитию. Я подошел к ним и поинтересовался, чего они хотят от этой железяки. Ребята отвечали, что это мотоциклетный мотор, и они его разбирают. Его надо разобрать, прочистить, заменить что износилось. А мотоцикл где? А его ещё надо собрать. Мне это стало интересно. А где принимают в ваш клуб? Вон там, в бункере, Валентин, он тут старший. Валентин оказался поджарым, но крепким мужичком с рубленым лицом.

– Чего надо, – спросил он.

– Хочу записаться в ваш клуб.

– Зачем?

– Хочу научиться ездить на мотоцикле.

– А у нас его нет, его ещё надо собрать.

– Я готов.

– Тогда можешь сразу начинать. Пока ребята занимаются мотором, собирай скелет. Вот там, – он указал на груду всякого металлического храма, – найдешь всё нужное. Вот тебе книга, там схемы, инструкции. Сумеешь – считай, ты в клубе.

Я приступил к работе. Приходил туда каждый вечер. Постепенно у нас сложился готовый к применению мотоцикл. Валентин же занимался другим делом. Он был профессиональным мотогонщиком. Прежде выступал от какого-то клуба, но его турнули за какие-то скандалы, и он обратился в наш институт с предложением создать при институте мотоклуб. В нем он будет готовить студентов к соревнованиям, поднимать знамя славы института. Начальству идея понравилась, оно дало добро, обещало покровительство и нужное субсидирование. Но выставила два обязательных условия. Во-первых, как можно шире вести пропаганду этого вида спорта среди студентов, больше вовлекать, и, во-вторых, не просто учить кататься, а готовить студентов к соревнованиям, обеспечивать участие и более того, непременно побеждать. Валентин подписал договор, теперь он этим занимается и получает зарплату.

А мы, трое энтузиастов, по очереди учились ездить на собранной конструкции, которую он называл «макакой». В гараже залили бак бензином с автолом, завели, он заработал, и стали пробовать его на ходу. Площадка у гаражей была просторной, и наши неумелые маневры обходились без последствий.

«Макака» была строптивой, тащила наездника, куда ей вздумается, рычала, взбрыкивала. Но со временем мы научились подчинять её нашей воле. Теперь она послушно слушалась ездока, везла его, куда тому было надо.

Валентин, убедившись, что мы научились езде, стал готовить нас к сдаче экзаменов на права. Мы должны были показать, что можем проехать прямо по нарисованной линии, сделать змейку между разложенными на асфальте железками, можем за нормативное время сделать старт, промчаться стометровку и вкопанными стать на финишной черте.

Через несколько дней мы добились его одобрения. Теперь должны выучить наизусть правила дорожного движения и пройти его экзамен. Через пару недель он признал нас готовыми к госэкзаменам.

В назначенное время мы ехали туда на институтском грузовике, в кузове болталась привязанная «макака».

Экзамены прошли без нареканий. Когда нам выдали права, Валентин с гордым видом понес их в ректорат, как свидетельство первых успехов.

Мне захотелось первый раз проехать на «макаке» по городу. Валентин дал добро. И вот я на всех силах «макаки» мчусь по улицам Москвы, не имея представления, куда они меня выведут. А вывели они на широкую магистраль, с огромным количеством разных знаков, сигналов, светофоров, рисованных полос, среди массы автомобилей, автобусов с троллейбусами. От этого изобилия голова пошла кругом, я понял, что теряю ориентацию, перестаю понимать, куда и как тут можно ехать. Стала накатываться паника. Решил пристроиться к троллейбусу в хвост и ехать за ним до упора, уж он-то знает, как тут правильно ехать. Троллейбус ехал и останавливался, останавливался за ним и я. Так он завел меня в центр города, стал перестаиваться, чтоб дальше направиться на выезд. Я еду за ним, и тут вижу гаишника, который мне свистит и палкой приказывает остановиться. Остановился и стою, как пугало, на середине дороги. Гаишник подошел, потребовал права.

– Недавно получил?

– Угу.

– Первый раз выехал?

– Угу.

– Зачем?

– Попробовать.

– А чего прицепился к троллейбусу?

– Так он же должен был правильно ехать.

– Он и ехал правильно, только что ему можно, не всё можно тебе.

Гаишник подумал, вернул права.

– Ладно, – улыбнулся, – сам когда-то это проходил. – Тебе куда надо?

– В мотоклуб.

– Адрес знаешь?

Я назвал.

Согнал меня с мотоцикла, взял его за руль, жезлом остановил движение машин и вывел меня с ним на какую-то боковую улицу. Рассказал, как отсюда лучше всего добраться до нужного места.

На прощанье дал совет, не лезть без навыков в самую гущу, тренироваться надо рядом с клубом, где попроще. Я поблагодарил и, следуя его указаниям, вернулся обратно.

– Как прошло? – с подозрением спросил Валентин.

– Да я тут рядом катался, привыкал к дорогам.

– Вот это разумно.

Начальство выделило деньги на пару новых мотоциклов последних моделей и один спортивный болид для участия в соревнованиях. Оно это пробило на каком-то высоком уровне, и наконец нам привезли ожидаемое сокровище.

К тому времени в клубе появилось пополнение, пришедшие студенты могли заниматься ездой на новых мотоциклах. Меня же Валентин стал готовить к городским соревнованиям, которые должны состояться зимой в Подмосковье на пересеченной местности. Соревноваться должны спортсмены на болидах с колясками. Болид был нам доставлен с коляской. Коляска только называлась так. Она представляла собой мощную раму с колесом. Валентин будет вести мотоцикл, я буду колясочником. Трасса, на которой предстоит соревноваться, будет заснеженной или ледяной, с резкими подъемами, спусками, крутыми зигзагами, она кривая, вся в буграх, так что колотить, крутить и опрокидывать нас будет постоянно, но мы должны будем поддерживать устойчивость и скорость. Устойчивость в значительной мере будет зависеть от колясочника, то есть от меня. Я должен буду постоянно менять центр массы, то прыгая на водителя, то перепрыгивая на край коляски. Мы с Валентином должны образовать единый организм, выработать единые рефлексы, одинаково чувствовать моменты движения и одинаково реагировать на неожиданности. Валентин сказал, что у меня сильные руки, должен справиться.

Мы начали тренировки. Валентин выезжал со мною за город, и там мы носились по разным разбитым дорожкам, крутили повороты, в горки, под обрывы. Я должен обрести навыки реагирования на каждую передрягу.

Тренировки шли одна за другой. Если Валентин вначале вскипал и ругался, когда у меня что-то не получалось, то потом всё чаще становился довольным.

И вот приблизился день соревнований. Зима выдалась суровой, и тот день предполагался особенно морозным. Валентин спросил, есть ли у меня свитер, теплая одежда, непроницаемая для ветра. Если есть, то надо всё надеть.

Я надел всё, что у меня было – две майки, две рубашки, брюки, свитер фабричной работы, зимние ботинки, пальто и шапку. Когда прибыл в клуб, Валентин, глядя на меня, поежился и только спросил, хорошо ли я представляю, что там будет. Сам он был в меховой кожаной куртке, в утепленных сапогах, со шлемом на голове, под которым вязаная шапка. Велел мне снять ботинки и из бункера принес сапоги, принес рабочие штаны, чтоб надеть на брюки, снял пальто и принёс ватную телогрейку, велел затянуть её ремнем. Рядом лежали приготовленные кожаные краги, стеклянные маски для защиты лица.

И вот мы примчались на сборный пункт.

Там уже всё было готово. Плакаты, пункты «Старт» и «Финиш», столы, ограничительные ленты, трасса в колдобинах, уходящая вдаль, по ней расставлены флажки и наблюдатели, судьи, столы, публика. Машина скорой помощи, милиция. Судьи позвали участников, к ним пошел Валентин. Там выполнялись какие-то формальные процедуры, жеребьевки.

Наконец всё было готово. Участники расселись по мотоциклам, прозвучал выстрел, и все сорвались с места.

Если представить дробильную машину и себя в ней, то это будет слабым отражением происходящего. Мы держались за железо изо всех сил. Нас бросало и переворачивало, мы неслись по адовой дороге, взлетая вверх и падая вниз, юзом выскакивая из крутых поворотов, морозный ураган перехватывал дыхание и пронизывал все одежды. Но я не чувствовал, мы с Валентином были одним организмом, он крутил рулем и изгибался, я прыгал обезьяной в разные стороны, порой с угрозой вылета из коляски. Этому не было конца. Но вот наконец финиш. Я выкатился на снежный накат синей сосулькой. Валентин выглядел не намного лучше. Судьи подвели итоги. Оказалось, мы заняли третье место. Это было необходимым и достаточным условием, чтоб продвинуться на следующий уровень соревнований, на республиканский среди городов. Мы туда попали. Валентин сиял, как надраенный пятак. Он считал это блестящим результатом. На республиканских соревнованиях бы должны будем всех победить, а потому нам предстоят тренировки и тренировки. Он был полон энтузиазма и надежд, а я мрачнел. Я не видел перспектив в этом деле, по крайней мере, для себя. И я рассказал ему, почему должен выйти из этой гонки.

У меня к этому времени намечались иные перспективы.

Они стали зарождаться с того времени, когда я придумал и начал применять новый метод сдачи экзаменов.

Он начинался с подготовки к ним.

В то время, как все студенты, заранее зная вопросы билетов, последовательно по каждому готовили ответы, я просматривал весь курс по записанным лекциям. Мне нужно было выявить систему подачи материала. Я выстраивал пирамиду главных и второстепенных положений, выявлял разрывы. Это позволяло проникнуть в способ мышления преподавателя, а он будет моим экзаменатором.

Обычно экзамен начинался с того, что преподаватель раскладывал на столе билеты, предлагал каждому вошедшему студенту взять любой из них, сесть за стол и начинать готовиться к ответам. Время подготовки порой затягивалось надолго, преподаватель скучал, что-нибудь читал, студенты в это время искали в памяти нужные ответы, списывали со шпаргалок, исписывали кучи страниц. Он изнывал. Наконец утомленный ожиданием преподаватель начинал стимулировать активность, обещая первому вызвавшемуся повысить оценку на четверть балла.

Это время неопределенного и тоскливого ожидания таило в себе небывалые возможности, было глупо не использовать их. Изнывающий экзаменатор психологически готов принять любую игру. Мой метод был рассчитан на это.

Как только пришедшие на экзамен студенты, разобрав билеты, рассаживались по столам и с озабоченным видом принимались за подготовку, тут наступало моё время, я начинал увертюру.

Поднимался и подходил к преподавателю.

– Что вам? – обычно спрашивал он.

– Я готов, – отвечал я.

– Как, вот так сразу, и без подготовки?

– А зачем готовиться? Вы читали курс, мы должны были его усвоить, понять, причем полностью, целиком, разве не в этом наша с Вами задача? Теперь моя задача показать свои знания по всему курсу, а Ваша их проверить и оценить. Разве не так? Мы не сможем выполнить эти задачи ни я, ни Вы по случайным ответам на случайные вопросы, оказавшиеся в билете. Такие ответы вообще ни о чем не говорят. Рулетка, игра случая, удача – неудача, случайно знаю ответы на эти вопросы – отлично, а не знаю – неуд, и вся проверка. Это ошибочная практика. Студенту надо показать знание и понимание всего предмета. Разве не так?

Преподаватель обычно оживлялся, проявлял интерес, это нарушало привычную скуку, предлагал садиться, и тут начиналась сама игра.

Я начинал с того, что рассказывал о его системе преподавания, рисовал пирамиду, показывал нестыковки. Это его возбуждало. Он защищался, я нападал. Мы спорили и в чем-то соглашались. Если требовались формулы, я говорил, что для этого есть справочники, и незачем их держать в голове, тем более что уже завтра забудутся. Это выглядело разумным.

По этому методу мы оба оказывались в выигрыше, я, не отвечая на билет, получал четверку или пятерку, а преподаватель не скучал.

Проблема с экзаменами была решена. Слух обо мне докатился до деканата. Там, при заполнении каких-то формуляров, преподаватели сталкивались с трудностями заполнения в случаях со мной. Они поняли мой метод, рассказывали в деканате, однако находили его вполне приемлемым. Оценки были засчитаны.

Однажды меня вызвали в деканат. Там я был представлен какому-то ученому, профессору, сказали ему, что я должен ему подойти.

Когда мы с ним вышли, он пригласил меня в свою лабораторию. Начал вводить в курс дела. По его инициативе, ему было поручено создание в институте энергетической установки, работающей на новых принципах. Для этого ему нужны помощники.

Я попросил рассказать подробнее, что за принципы, что предстоит делать.

Он отвечал, что речь идет о создании МГД-генератора.

И рассказал о принципе его работы. Для читателя, далекого от физики, дам самое общее представление. Это труба, через которую летит раскаленный газ, нагретый до 3000 градусов. Снаружи магнит, внутри трубы выступают контакты, на них от летящего газа расходятся электрические заряды, дающие ток. Этот ток идет потребителям. Получается электростанция нового типа. От обычных отличается повышенной эффективностью.

Все чертежи на это есть. Теперь нам надо найти по справочникам необходимые материалы, определить стоимость, купить, если выделят средства, заказать изготовление частей конструкции, а потом приступить к сборке.

Спросил моего согласия заняться этим делом. Конечно, я был согласен.

Теперь вечерами я засиживался в технической библиотеке, искал материалы. Самая большая сложность заключалась в поиске материала для трубы, по которой должен лететь раскаленный газ. Он должен обладать такой же жаропрочностью, какой обладают сопла ракет. Было понятно, что в открытом доступе его не будет, приходилось сложными путями добывать нужные сведения. Это было непросто. Через какое-то время предоставил профессору смету.

Но этого мало. Нужно предусмотреть деньги на установку генератора и обеспечение его работы, на подведение коммуникаций, подачу и нагрев газа, введение ионизаторов, систему контроля и автоматического сопровождения. Поскольку генератор будет вырабатывать ток, то необходимо будет решать проблемы подключения его к энергосети, обеспечить согласование параметров. А это дополнительное оборудование.

Возникала ещё одна проблема. Поскольку всё это вместе представляло собой укомплектованную электростанцию, хоть небольшую, но, тем не менее, требующую изолированного специального помещения, то, значит, придется строить новый корпус.

Мы занялись выяснением общих предполагаемых затрат. Это ещё потребовало времени и усилий. Наконец пришли к каким-то цифрам. Сумма поражала воображение.

Профессор отправился в ректорат решать вопрос с деньгами и с выполнением работ.

Оказалось, что этот вопрос только в компетенции министерства, туда и отправилось начальство с профессором. Там запросили на экспертизу все материалы по теме. Профессор всё им предоставил. Через некоторое время оттуда поступило сообщение, что наш вопрос включен в повестку очередного заседания министерства, к такому-то дню надлежит прибыть.

На следующий день после министерского заседания я застал профессора в мрачном расположении духа. Он сидел в своей лаборатории, откинувшись на спинку стула, и неподвижно смотрел в окно.

Только произнес:

– Отказали.

На этом наша работа по созданию генератора нового типа закончилась.

Потом я узнал детали того заседания. Эксперты выставили три причины. Первая – что подобные разработки выполняются в Академии наук с отраслевыми институтами и конструкторскими бюро, и нам незачем

тягаться с ними. Вторая – сплавы для сопел ракет являются предметом государственной тайны, и нам не могут их дать. Третья – институты готовят инженеров для действующей промышленности, а в ней сейчас подобных установок нет, и неизвестно, будут ли вообще. Потому инженеры по ним пока никому не нужны, а значит, вкладывать большие средства на эту установку в институте не целесообразно.

Этот эпизод моей жизни не прошел напрасно. Он научил меня мыслить на перспективу. В последующей научной работе я его использовал.

Тут наступило новое лето, новые каникулы, и я, как обычно, поехал к родителям в Великие Луки. Посетил своего давнишнего приятеля – Юльку. Он пребывал в трауре. Погиб Букет, его единственный друг. Попал под машину. Юлька с горя начал выпивать. Пришлось повозиться с ним.

У него в прежние времена было увлечение, он любил танцы, умел хорошо, артистично танцевать. В танце он забывал всё, был весел, и даже пропадало заикание. В городе была танцплощадка, и я решил отвести его туда. Это дало свой эффект. На танцплощадке настроение Юльки стало подниматься, он оживал. Вернулись бодрость духа, интерес к жизни.

– У тебя есть подружка? – спросил я его, глядя на пестроту стоящих и танцующих девчонок.

– Д-д-а кому я н-нужен, – он был мрачен.

– Так давай сейчас найдем! Может, даже женишься на ней.

– А у т-тебя е-есть? – в свою очередь спросил он.

– Тоже нет.

– Д-давай и т-тебе н-найдем, и ж-женимся.

Мы стали присматриваться к девчонкам. Ему понравилась одна из них, мне другая. Та, которая мне понравилась, отличалась необычностью в облике, поведении. Во всем был какой-то аристократизм. Мы пригласили этих девчонок танцевать, и с ними провели весь вечер.

Что было удивительным, на другой день я встретил на улице вчерашнюю знакомую, она гуляла с дамой. Я подошел, представился, и дальше мы гуляли втроем. Прогулка завершилась прощанием у их дома и договоренностью на следующую встречу. Прошла одна встреча, потом другая. Новая знакомая рассказала удивительные вещи. Оказывается, она живет в Москве, а сюда приезжает к родственникам. Дала мне свой московский телефон, и мы договорились о встрече в Москве. В Москве

встречи продолжались, она приглашала к себе домой, я познакомился с её родственниками и стал у них частым гостем.

В конечном итоге мы поженились. Родственники прописали меня в своей квартире, и мы стали жить вместе. Юлька, кстати, тоже женился именно на той девчонке, которую тогда выбрал на танцплощадке, только это случилось позднее. В конечном итоге его пророчество сбылось.

В одно из посещений Великих Лук я привез ему книгу «Логопедия, методы исправления заикания», а еще выпущенную малым тиражом книгу Харлампиева «Самбо». На логопедию он никак не отреагировал, видимо, уже привык к своему дефекту, а вот приемы самбо его заинтересовали. В городе образовались агрессивные молодежные группировки, они поделили город на свои и чужие районы, устраивали стычки, перепадало и случайным прохожим. Юльке уже доставалось от них. Однажды и мне пришлось столкнуться с одной такой группировкой.

Это произошло, когда мы, уже с женой, гуляли по улицам Великих Лук и решили сходить в центральный кинотеатр, посмотреть новый фильм. Я отправился к кассам в фойе, жена осталась на улице. Когда вышел с билетами, увидел её в окружении группы молодых парней. Они бесцеремонно хватали её за одежду, двусмысленно шутили и смеялись. По стилю их одежды и поведению стало понятно, что это ребята из местной группировки. У них все местные девчонки были под контролем, особенно красавицы. А тут стоит незнакомка, красавица, одетая не по здешней моде. Кольцо сжималось, они становились всё наглее. Стало понятно, что драки не миновать. Но мои шансы против группы из пятерых парней были явно ничтожны. Я решил действовать мгновенно, надо использовать фактор внезапности и опередить события. Ворвался в середину кольца, вытолкал оттуда предназначенную жертву и сильнейшими ударами, резкими и быстрыми, раскидал всю пятерку. Кто-то упал, а устоявшие отбежали. На лицах застыли недоумение, страх, боль, растерянность. Растерянность была настолько велика, что они ничего не могли сообразить и впали в ступор. Воспользовавшись этим, схватил жену за руку, и мы побежали в сторону проходившей неподалеку магистрали. Свернули по ней за угол, добежали до автобусной остановки и спрятались за ней. Из-за укрытия я видел тех парней, они выскочили следом за нами на магистраль и стали высматривать нас. Тут мимо проезжала машина такси, мы выскочили на дорогу, остановили и нырнули в неё. Я видел в эти мгновения, что парни уже обнаружили нас и бегут. Водитель тоже их увидел, понял ситуацию и с места набрал ускорение.

В машине обнаружилось, что у меня сломан большой палец. Водитель отвез нас в травмопункт.

Доктор только спросил:

– Дрался?

– Пришлось.

– В следующий раз держи в кулаке спичечный коробок.

Упаковал палец в гипс и отпустил.

Молодежь уже тогда начинала собираться в банды.

Потому книжка Харлампиева, в который в подробностях описаны и нарисованы приемы борьбы, была принята Юлькой с особым чувством благодарности. Я показал ему из неё простейшие приемы, Юлька увлекся и стал самостоятельно по ней обучаться.

В дальнейшем наши с ним судьбы разошлись, дом с артистами поставили на капитальный ремонт, и никто не мог сказать, куда были расселены жильцы. Через сложные цепочки доходили слухи, будто Юлька работал на разных местных предприятиях, его увольняли за пьянки, жена ушла, и он растворился в неизвестности. Мне было больно это слышать. Бывало, когда у него наступали сложные времена, он приезжал ко мне в Москву, и я приводил его в порядок, снабжал деньгами. Я понимал, за что его увольняли. В мире не было более доброго и безотказного человека, чем Юлька. Работяги этим пользовались. Попросят сбегать в магазин за водкой, денег дадут, а он, конечно, сбéгает. Угостят его, и опять не посмеет отказаться. Они напьются, устроят дебош, начальство прибежит, а никого уже нет, только Юлька глупо хлопает глазами, сказать ничего не может. Никогда не мог постоять за себя. Так и исчез мой первый и лучший друг.

В институтском коллективе дружеские отношения как-то не складывались. У ребят были интересы, которые меня никак не задевали. Не интересовал футбол с футболистами, не интересовали модные одежды, сливки общества не интересовали, не было у меня никаких кумиров. А их всё это увлекало, они жили этим, у них всё это было. Я всегда и везде был белой вороной.

Но однажды нашу группу отправили на картошку. Я собирал её в паре с одним однокурсником, москвичом, в общежитии не бывавшим, а потому знакомому поверхностно. Его звали Владимир. Он оказался интересным человеком, проницательным, умным, хорошо понимающим психологию людей. Он имел внутренний стержень, систему четких правил, от которых

никогда не отступал, порядочность была безупречной. Общение с ним доставляло удовольствие. Мы вечерами беседовали на разные темы. Так же по возвращении из совхоза продолжали с ним общаться. Однажды он предложил интересную идею. На зимние каникулы для студентов билеты на поезда были снижены наполовину. Он предложил использовать это и совершить турне на поездах по разным городам. Мне это понравилось, и мы в ближайшие зимние каникулы отправились в путешествие. Прибыв в намеченный город, ходили, изучали его, внимали гидам, ночевали в гостинице, затем ехали до следующего города. Это предприятие оказалось интересным и познавательным.

А потом он стал приглашать к себе домой. Оказывается, он не был москвичом, он жил в одном из подмосковных поселков. Его дом находился на окраине, рядом с лесом. Когда я приезжал к нему, мы на лыжах ходили в лес, дальше в бор, дышали морозным хвойным воздухом. Разговоры не запоминались, они струились сами по себе, подобно бесконечному течению ручья.

А с нами в нашей группе учился парень, с которым Владимир сдружился с самого начала учебы. Его звали Юрий. Юрий был коренным москвичом, потому его, как и Владимира, знал поверхностно. Теперь в их разговорах принимал участие и я. Тогда я понял, почему они подружились. У обоих был независимый характер, их интеллект заметно отличался от бытовавшего в нашей среде. Оба в группе держались особняком. Оказалось, что они давно выделяли меня из общей массы, их поражала моя манера сдавать экзамены. Они прислушивались к моим беседам с экзаменаторами и даже восхищались.

Теперь мы обычно общались втроем.

По мере того, как я все больше общался с ними обоими, всё больше находил между ними отличия. Владимир был разумным и последовательным во всех делах, Юрий, хоть и обладал незаурядным умом, но был бесшабашным авантюристом. Меня это особенно подкупало. В дальнейшем я соглашался на участие в любых его авантюрах.

Подходит как-то Юра ко мне, показывает какую-то карту. Оказалось, это карта Подмосковья с указаниями, где в древние времена производилась добыча белого камня, из которого строилась белокаменная Москва. После этого там остались километры заброшенных катакомб. Они глубоко под землей, входы туда давно засыпаны, но Юра у кого-то вызнал про одну, возможно, сохранившуюся лазейку.

Спросил:

– Едем?

– Конечно, едем!

В намеченное время мы с фонариками, веревками, катушкой бечевки, школьными мелками, бутербродами, бутылками с водой, запиханными в рюкзак, в подобающей одежде поехали на электричке к поселку, откуда должен начинаться путь к предполагаемой лазейке. Ориентиры Юре были известны. Когда мы доехали до поселка, пошли по Юриным ориентирам. Пройдя несколько километров, нашли что искали. На дне ямы, поросшей кустарником и высокой травой, обнаружилась дыра, уходящая вертикально вниз. Видимо, воды дождей, постепенно просачиваясь через рыхлый грунт, промыли здесь дыру. Дыра была узкой, но при желании, прижав руки, можно по ней проскользнуть вниз. Зашевелилось сомнение. Нам не известны ни глубина, ни ширина внизу этого лаза, ведь можно и застрять. Рассудили так, первый, кто начнет спуск, обвяжется веревкой, чтоб второй наверху мог при необходимости вытащить обратно. Если первый спустится туда нормально, то и второй сможет спуститься. А как обратно?

– Придумаем, – сказал бесшабашный авантюрист Юра, подпоясался веревкой и нырнул вниз.

Веревка в моих руках ушла вниз метра на три. «Глубоковато, – подумалось, – но не оставлять же друга одного». Кинул в дыру рюкзак и следом нырнул сам. Когда я свалился на дно, Юра уже доставал из рюкзака фонарики, и при возникшем свете мы увидели глинистую почву, видимо, намытую сверху, которая, однако, в отдалении переходила в каменный пол. Мы оказались в подземном коридоре. Можно было начать движение в любую сторону. Мы взяли по фонарику, и Юра начал движение туда, куда проход вел вниз. А я закрепил конец прихваченной бечевки, надел рюкзак, и, разматывая катушку, отправился следом за Юрой. Мы спускались всё ниже и ниже, наконец оказались в большом каменном зале. Фонарик осветил отходящие от него галереи. Пошли по одной из них. Я ожидал увидеть белые стены, но всё было серым. Нас влекло вперед любопытство, что там будет дальше. Где-то там должны лежать оставленные древними вырубщиками камня орудия труда, бытовые предметы или ещё какие-нибудь артефакты. Но пока ничего такого не попадалось. Более того, никаких следов разумной деятельности вообще обнаружить не удавалось. Чем дальше мы углублялись, тем чаще возникало недоумение, как велась вырубка камня? Не было видно никаких

следов работы инструментами. Повсюду драные стены, с хаотичными углами, такие же своды, под ногами бесформенные камни разных размеров. Но мы упорно двигались вперед, переходя из галерей в залы, от них в новые галереи. Наконец катушка у меня в руках полностью размоталась. Дальше идти было опасно, мы могли заблудиться. А выйти из этого лабиринта уже никогда не сможем. И искать нас никто не будет. Мы никому не сказали, куда и зачем отправляемся.

Я стал призывать Юру к благоразумию, пора возвращаться обратно. Но его охватил азарт исследователя, он рвался всё дальше. Он почти побежал по заваленной камнями галерее. Пока я доставал из рюкзака прихваченные мелки и рисовал на стенах стрелки, он исчез из поля видения, его нахождение можно было обнаружить только по отблескам света его фонарика на сводах тоннеля. Мне пришлось идти на его свет, рисуя стрелки. В одном месте этот ориентир пропал. Я не видел его света. Дошел до того места, где он пропал. Там открылся зал с расходящимися новыми проходами. Стал заглядывать в каждый. Ни в каком из них не было видно его фонарика. Стал кричать, звать его. Тишина. Звук глушился угловатыми стенами. Прохода было четыре. Мне предстояло пройти по каждому. Пошел по первому, опять же рисуя стрелки. Шел и кричал. Ни ответа, ни света фонарика. По дороге появлялись развилки, ходил по каждой. Вернулся по стрелкам и пошел по второму. Та же история. По третьему. Юры нет. В четвертом обнаружилась система путаных проходов, и некоторые завалены, оставив щель. Я обнаружил Юру в этой системе за двойными переходами, пробравшись через ряд щелей. Он сидел на полу в полной растерянности. Он потерял ориентировку, уже перестал понимать, где находится и куда идти. Но сразу оживился, увидев меня.

Упрекать не было смысла, я только сказал, чтоб пошел за мной и не отставал.

Так по стрелкам мы дошли до места, где закончилась бечевка, и по ней вернулись к лазу.

Я сказал Юре, чтоб стал на мои плечи, руки вперед, я буду поднимать его. Привязал к нему веревку, чтоб потом вытаскивал меня. Другой веревкой привязал к себе рюкзак, чтоб так же потом достать его. Так и произошло. Мы выбрались на белый свет. На станции Юра купил бутылку, и мы распили её. Стресс ушел, Юра повеселел и в хорошем расположении духа поехал домой, а я в общежитие. Об этом приключении мы с ним потом никогда не вспоминали.

Заглядывая в будущее, могу сообщить, что после института по разным обстоятельствам мы с Володей потеряли связь, а наша дружба с Юрой продолжалась до его кончины, вызванной обширным инсультом. Мы с Юрой постоянно поддерживали связь, помогали друг другу, особенно в ельцинское лихолетье. Был случай, когда мне удалось устроиться в один важный административный орган, и я устроил в нем Юру. Но надо напомнить, что тогда происходило. Повсюду царствовала преступность, коррупция проникала во все органы, наш не был исключением. От нас с Юрой тогда зависели важные решения, и мы находились под постоянным давлением со всех сторон, включая сверху от начальства, принуждавшего торговать заключениями. Становилось очевидным, что надо бежать от этого кагала, пока мы целы, и мы ушли, бежали вдвоем. А потом Юре удалось устроиться через своих знакомых на новое место, тогда он меня позвал туда же. На новом месте мы проектировали и монтировали отопительные системы предприятий и школ.

На завершающем этапе пребывания в институте, когда наступило время подготовки дипломных проектов, мы должны были пройти практику. Меня отправили в одну научную организацию, которая разрабатывала новые методы производства сортовой стали на мартеновских печах. Апробация методов предполагалась на одном из украинских металлургических комбинатов.

Бригада, в которой был и я, приехала в назначенный украинский город, и мы днями пропадали на комбинате. Бригада колдовала над кислородным дутьем в расплав, чтобы повысить температуру, а значит, качество стали, а я монтировал автоматику.

Запомнилось первое впечатление. Пылающие печи, катающиеся монстры перед ними, запихивающие огромными ложками в их ненасытное нутро через разинутые рты черную пищу, двигающиеся существа в непроницаемом облачении, озаряемые багряными отсветами, скрежет, лязг, крики, грохот, заглушающие голоса.

А вокруг мертвый город.

Он был весь засыпан шлаком и окалинами, вылетающими из огромных труб. Ветер носил по улицам металлическую пыль.

Вечерами я бродил по городу, смотрел, и всё больше удивлялся его безжизненности.

Однажды при такой прогулке забрел в заброшенный старый парк, расположенный на окраине. Когда-то раньше в нем отдыхали и

развлекались горожане, а теперь тут всё пришло в упадок, покосилось, развалилось, обломки конструкций составляли безжизненный ландшафт. В глубине парка я увидел металлическую вышку с каким-то устройством наверху. Стало любопытно, и я пошел к ней. Подойдя, увидел ажурную конструкцию, высоко уходящую вверх, внутри винтовую лестницу, внизу дверцу к ней, а наверху круглую площадку.

Непонятно откуда вдруг прибежала ватага мальчишек. Они через эту дверцу проникли к винтовой лестнице и стали карабкаться наверх. Подумал, а почему бы и мне не забраться, ведь с той высоты можно будет обозреть весь город с окрестностями. И я полез. Это было непросто, лесенка была крутой и высокой. Требовалась определенная выносливость. Наконец я выбрался наверх. Мальчишки видели меня, но не обращали никакого внимания. Там оказалась площадка, огороженная невысоким барьером, на ней валялось подобие небольшого парашюта с лямками и с прикрепленным к нему тросом. А трос, пройдя через ролик, закрепленный на металлической штанге наверху, выдвинутой наружу, уходил в небольшую в середине кабинку. Мальчишки копались в ней. Стал смотреть на город. Сверху он показался совсем крошечным с нещадно дымящими трубами в середине. Они хоть и были высокими, но отсюда было видно, как в каждой до самого верха пылает и рвется наружу огонь. За городом виднелись хибары, типа дач, с ними полоски огородов. Там виднелись и сады.

Я смотрел на это всё, но что-то беспокоило внутри. Взгляд остановился на лежащем рядом парашюте. Ах, вот оно что! Это он пробудил в памяти детскую мечту о парении в воздухе, которую однажды попытался реализовать, прыгая с пожарной вышки на материнской простыне. Неужели опять захотелось? Подошел к мальчишкам спросить, что они тут делают.

Они отвечали, что это парашютная вышка, раньше она работала, и многие смельчаки развлекались полетами с неё. А потом интерес горожан к этому пропал. Давно она стоит без дела, а мальчишкам захотелось так же полетать, и вот теперь приводят её в порядок. Вокруг были разбросаны разные инструменты, валялся лом.

Я высказал сомнение, что вряд ли это возможно. Всё давно проржавело. Они возмущенно загалдели, что это неправда, они уже наладили и даже прыгали и нормально спускались. Сейчас усиливают тормозную систему.

Я попросил показать конструкцию. Конструкция оказалась предельно простой. Тросик от парашюта намотан на барабан, при спуске он медленно разматывается, давая возможность парашюту медленно опускаться. Барабан массивный, но с отверстиями для облегчения вращения руками. Хотя для его вращения была специальная ручка, ею поднимают парашют снизу наверх. К боку барабана прикреплен тормозной шкив, к нему прижимаются тормозные колодки. Именно эта система обеспечивает плавность спуска. Нажатие можно менять специальным механизмом. Колодки могут так сдавить, что вращение полностью застопорится.

Пока мальчишки всё это рассказывали, в сознании встрепенулся и всё настойчивей стал стучаться в мозг постоянно сидящий в нем дух авантюризма.

И как-то автоматически из меня вылетело:

– А меня эта штука сможет спустить?

Те опять загалдели, конечно, ещё как! Вот вчера Васька прыгал, и всё было нормально! Они показали на толстого бутуза. Я вообще-то потяжелее буду, но неудовлетворенная мечта детства стала требовать сатисфакции. Я попробовал включить разум. Одурманенный разум подсунул подлый аргумент: глупо будет сползать по бесконечной крутой лестнице вниз, мучая ноги, когда есть блестящая возможность оказаться сразу на земле.

– Гарантируете, что я спущусь нормально?

– Конечно! – загалдела шпана.

Ребятки подвели меня к парашюту, и стали упаковывать в его сбрую, застегивать ремни, лямки. Вся упаковка казалась приличной.

Наконец всё было готово.

Теперь они стали меня инструктировать. В оградке, что нас окружает, есть разрыв. Он перед тобой, сейчас он перекрыт цепочкой. А там за ней специальная площадка для прыжка. Надо выйти на неё и по команде прыгать.

Всё, цепочка снята, можно выдвигаться.

Я, прицепленный к парашюту, вышел за цепочку, подошел к краю площадки, и, держась за оградку, посмотрел вниз. Не, ребята, я вас умоляю! От ужаса запрыгало сердце. Высота просто ошеломила. Снизу вышка не казалась такой высокой. А теперь та площадка внизу, на которой недавно стоял, и на которую предстоит приземлиться, оказалась страшно

далекой и совсем крошечной. Внутри происходила схватка между страхом и стыдом. Я, взрослый парень, не мог показаться мальчишкам трусом.

Позвучала команда:

– Прыгай!

И только я решился, даже пригнулся, как мальчишки заорали:

– Не прыгай!

Пот прошиб. Я обернулся, узнать, в чем дело.

Они объяснили, ветер не туда подул, могу зацепиться за вышку. Надо подождать.

Наконец сказали – можно. И снова я стою на краю бездны и снова жду команды. Пока её не было, пришла благоразумная мысль, черт с ней трусостью, зачем рисковать? Но они закричали:

– Прыгай!

И только я решил, ну к бесу, не буду прыгать, как оттолкнулся от площадки и сиганул. Я летел вниз камнем. Это было свободное падение, как когда-то в детстве. Сверкнула мысль, вот теперь конец! Говорят, перед смертью проскакивают картины жизни, ничего не проскакивало, был только дикий ужас. Земля стремительно приближалась. Вот она уже рядом. И вдруг ощутил, как все ремни вжались в тело, трос натянулся, штанга наверху прогнулась, и тут же, распрямившись, подкинула наверх, и уже оттуда шлепнулся вниз. Поскольку земля была уже рядом, удар не оставил особых повреждений. Тело, естественно, болело, но терпимо.

Я поднялся и пока расстегивал ремни, лямки, мальчишки кубарем скатились вниз по лестнице, прискакали ко мне и заорали:

– Дядь, не обращай внимания, просто не сработал тормоз, барабан стал раскручиваться, а Васька остановил его ломом. Поднимайся обратно наверх, сейчас наладим, и тогда спустишься нормально!

На ум стали приходить разные слова, наиболее доходчиво выражающие моё отношение к их предложению, но только плюнул, пробубнил:

– Ваське привет!

Отвернулся и пошел прочь.

Ну чего мне их ругать? В конце концов, я получил, чего хотел, полет состоялся, и за какие-то мгновенья я оказался внизу.

Я шел по мертвому парку на выход, и возникало ощущение, что нахожусь в запредельном пространстве, в каком-то мертвом городе, по его улицам ветер носит вихри металлического мусора, в середине огненный

ад, там мертвые люди колдуют над расплавленным металлом. С кем из них ни общался, поражала скудность интересов.

Зарплаты у них значительно превышали средние, магазины забиты, у всех всё есть, местные продукты стоят копейки. Преступность на нуле.

Я думал, в чем дело? Какая мрачная сила отравила сознание людей?

Нам постоянно внушают, что самое главное – удовлетворение потребностей. Будет приличным бытие, будет приличным и сознание. Но вот в этом городе всё есть, наступило удовлетворение, где сознание? Было, да опустилось до примитивного. Ничего уже не надо, кроме денег, выпивки, еды и сна да вялых разговоров ни о чем, футболе, неверных женах.

А дальше что? А дальше пустота. Сдавливающая пустота бессмысленности существования. Это вызывает депрессию и деградацию. А следом звериные инстинкты пробудят первобытную агрессию, желание хапать больше и убивать. Из выплавляемого металла сделают оружие и найдут смысл жизни в войне, убийствах. Не важно, кого убивать, желательно тех, кто послабее. Причину придумают и обоснуют. Все экономические догмы окажутся бессмысленным вздором. И это формула о бытии с сознанием тоже окажется бредом. Все устои уйдут из-под ног, и все полетят с вышки в бездну, и никакой Васька не остановит этот полет.

От этих мыслей появлялось ощущение, что эта сдавливающая пустота вокруг всех нас.

Разве не может быть, что мы все такие, но не чувствуем этого. Делаем что полагается, живем по шаблонам, по шаблонам мыслим, а шаблоны нам навязываются всю жизнь школой, телевизором, мертвыми людьми, сидящими во власти. А за ними ничего нет. И мы уже летим в бездну. Почему это происходит так? Откуда это, зачем, в чем смыслы?

Вопросы множились, ответов не было. Они появятся позже.

Прошло время, дипломный проект я сделал по этому комбинату, защитил его и наконец, с дипломом в кармане, был отправлен в самостоятельную жизнь.

Первый этап жизни закончился. Каковы его итоги? Чему за это время меня научила жизнь? Что сформировала во мне?

Можно многое перечислить, но назову главное.

1. Научила воспринимать и анализировать материальный и нематериальный миры.

2. Научила стойко переносить жизненные сложности и удары судьбы.

3. Укрепила дух, сформировала независимый характер и аналитическое образное мышление.

4. Породила желание проникать в суть явлений и событий.

5. Объединила любознательность с авантюризмом.

ТАТЬЯНА БЕЛОБОРОДЬКО

Пряники, две штуки

Я вставляю красные гвоздики в кольцо из колючей проволоки. Они рдеют в этом терновом венце мучеников XX века рядом с увядшей розой того, кто был до меня. Кто-то придет и после. А пока здесь, на Воскресенской набережной, совсем безлюдно. Два бронзовых сфинкса замерли в молчании на высоких постаментах: привычные для Петербурга создания – тело льва, женские грудь и голова, прелестное лицо. Нет, не лицо – только его половина, другая – череп с провалом глазницы. Здесь и не могло быть иначе. Здесь такое место.

Я стою у памятника: несколько гранитных блоков один на другом. На верхнем высечены слова. Надпись стерлась, плохо читается. Я знаю, что там написано – Жертвам политических репрессий. На уровне глаз между блоками маленький проем, забранный решеткой – оконце, смотрящее на зловещие Кресты. Кирпичные корпуса тюрьмы теснятся напротив, на другом берегу реки. Нева, как всегда, бурлива. Возмущаемая ветром, она быстро несет свои темные, почти черные, воды.

Я долго здесь стою. Мне нужно прийти в себя: я недавно из Большого дома. Мыслями еще там. Перед глазами стоят протоколы допросов, анкета арестованного, ордер на обыск, постановления, справки, расписки – аккуратные деловые бумаги на готовых бланках. Сколько миллионов этих бланков напечатали, заполнили, подшили к делу, отняв жизнь, честное имя, растоптав прошлое, лишив будущего. Леденят душу эти аккуратные страницы, эти дотошные отчеты – безупречные, как в бухгалтерии: «приход – расход». На три часа мне выдали для ознакомления дело «врага народа» – бабушкиного родного брата. Начато 8 сентября 1937-го года. Арестован, обвиняемый, признан виновным, осужден, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян – от страницы к странице прохожу я его путь на Голгофу. И что мне последний документ о реабилитации спустя 50 лет? Как мало он утешает этой поздно наступившей справедливостью.

Я не знаю, когда за ним пришли. Органы НКВД обычно приходили ночью, когда люди особенно беззащитны. Прошелестели колеса «черного воронка» по заснувшей улице Большая Зеленина, нет, не заснувшей – затаившейся в страхе с немым вопросом «Кто следующий?» Прозвучали по лестнице шаги. Резкий звонок в дверь. В лицо ткнули ордер на обыск и

арест. Заспанный управдом удостоверяет подписью список изъятого: документы, блокноты, переписка, фотоаппарат Цейс, старый кожаный чемодан. Вот он, список, – прилежно подшит к делу. Поверх бланка, наискось, другим почерком: «Не относящаяся к делу переписка уничтожена». Порвали на клочки, сожгли? Что было в этих бережно хранимых письмах? Сестринская любовь моей бабушки, дружеский привет брата, забота и тревога матери? Превратились в дым слова, рассыпались пеплом строчки – будто и не было ничего. Уничтожили – значит, знали: возвращать не придется. Некому будет возвращать.

«В Доме Предварительного Заключения принят», – читаю я расписку дежурного. Почему это страшное заведение – ДПЗ – названо домом? Милым сердцу словом «дом»? Ну да, казенный дом – тюрьма, так издавна. Только семиметровая камера на пятнадцать человек – это новшество. А ведь они надеялись – невиновные с клеймом «врага народа» – до конца, до последней минуты надеялись вернуться из казенного дома в тот, настоящий. Грезили: кружевная скатерть на круглом столе, теплый свет абажура, запах воскресного пирога, голоса родных, смех детей. Только выстрел в затылок мог убить эту надежду.

Я листаю дело. А перед глазами стоит фотография из бабушкиного альбома: красивый светлоглазый брюнет, легкая седина на висках, твердый взгляд уверенного в себе человека. Белый летний костюм прекрасно сидит на ладной фигуре. 1934 год. Здесь бабушкиному брату 40 лет. Он недавно вернулся из Шанхая, где работал торговым представителем лесного отдела Центросоюза. Он и в Ленинграде будет заниматься экспортом древесины – назначен директором гавани. Интеллигент, специалист, депутат горсовета. У него все впереди – интересная важная работа, счастливая жизнь…

Второй допрос, третий – строчки прыгают перед глазами, я с трудом разбираю размашистый почерк протоколов. «Почему вы возвращались в СССР через Японию?» – снова и снова с пристрастием спрашивает оперуполномоченный, хотя знает – добраться по-другому невозможно. Но нужно подвести базу под обвинение в шпионаже в пользу Японии, и опер старается изо всех сил. Мне кажется, я слышу его металлический голос, звенящий ненавистью к «врагу народа». Он знает свое ремесло – этот сержант госбезопасности – умело шьет дело белыми нитками: в ход идут контрреволюционная деятельность, антисоветская агитация, вредительство. У 58-ой статьи много пунктов – и все они кстати.

В деле 133 страницы. Мне доступны 24. Остальные до сих пор засекречены. Какие тайны запечатаны в этих плотных конвертах из крафт-бумаги? Доносы? Перекрестные допросы? Признания, вырванные пытками? Почему засекречены? И палачи, и их жертвы давно в земле. Правда, с той разницей, что палачи покоятся в собственных могилах с памятниками, а жертвы – десятки тысяч – на полигоне Левашово, в расстрельных ямах. Левашовская пустошь с тех пор стала лесом. Сердобольная природа воздвигла обелиски высоких сосновых стволов. К ним крепят таблички: фотография, имя, фамилия. Год смерти 1937–38-й.

Третий час на исходе. Я читаю подслеповатую машинопись документов, холодея от страницы к странице. Вот и самое страшное: акт на половинке листа – «Приговор приведен в исполнение», дата, подпись. Становится трудно дышать. Шарю в сумке в поисках платка. Хочется уйти, но в деле еще несколько листов. Документ в три строчки: сержант госбезопасности буднично, с хозяйственной рачительностью хлопочет о вещах расстрелянного: «...Фотоаппарат Цейс, кожаный чемодан сдать в кладовую ДПЗ для реализации». Действительно, не пропадать же добру. Жене вернуть? Незачем. Она не знает, что стала вдовой. Не скоро узнает. Может, никогда – до этого нужно дожить, уцелеть.

Под пристальным взглядом сотрудницы ФСБ – только я и она в комнате – торопясь и нервничая, перелистываю дело с начала. Так и есть, пропустила эту маленькую бумажку. Копия квитанции: «…Изъято у арестованного согласно протокола...» Короткий список корявым почерком: «...Ремень – 1 шт, шнурки – 2 шт, мыльница – 1 шт.» Дальше запинаюсь, не понимаю. Разобрала: «...Пряники, 2 шт.» – Всё! Больше нет сил. Внутренний голос вопиет – вопрошает того, кто заполнял бумажку: шевельнулось ли в душе что-то человеческое, когда отбирал эти пряники и приходовал их? Не отдал, шепнув «съешь в камере», не сделал вид, что не заметил. Маленький винтик беспощадной машины, он не задумывался. Он усердно исполнял свою работу. Он боялся оказаться по другую сторону тюремной решетки. И адская машина не давала сбоев.

Я представила, как подгоняемая окриками, с дрожащими руками собирает арестованного мужа Анна Григорьевна, знакомая мне по единственному снимку любящая и любимая жена бабушкиного брата. Она не знает, что отберут даже мыльницу. Она кладет в карман мужу пару пряников – попались в спешке, оказались под рукой – пусть хоть их возьмет. Отберут и их. Да что я про пряники? Через два месяца отнимут

жизнь. Но не отпускает меня эта подробность. Говорят, дьявол кроется в деталях. Видимо, это и есть та самая деталь.

Крик чайки возвращает в настоящее. Нужно уходить. Прощаясь, касаюсь ладонью гранита памятника. Он теплый – нагрет солнцем. Оно заливает город слепящим светом летнего дня. От утреннего дождя не осталось и следа. По Неве снуют прогулочные суденышки. Где-то там, в центре, гости северной столицы плотной толпой заполняют тротуары Невского, растекаются по набережной Мойки. Вертят головой, восклицают. Устав от красоты и подробных речей экскурсоводов, рассаживаются за столиками кафе. Мне туда не нужно. У меня нынче другой Петербург–Ленинград. Мне по последнему адресу, на улицу Большая Зеленина, 26. Просто постою, погляжу на окна старинного кирпичного дома. В них играет солнце, отражается глубокое питерское небо. За ними течет новая жизнь. Какая она? Хочется верить, что счастливая.

Не знаю, когда снова буду в Петербурге. Нужно чаще возвращаться в этот великий город. Приеду, пойду на Воскресенскую набережную. Нет, не с цветами. Принесу два пряника. Положу на оконце с решеткой. Может, птицы прилетят – склюют, споют свою жизнеутверждающую песню.

ДМИТРИЙ СЕВЕРЮХИН

Изнанка похожести

Живое существо, похожее на чучело собачки или на заводную зверушку, – это и есть твоя собака, твой верный пёс.

Живое существо, похожее на твою жену, временами – на диснеевскую Белоснежку, но чаще на учительницу из советского кино, – это и есть твоя жена.

Живое существо, похожее на пожелтевшую фотографию из старой газеты, на тающую от жары восковую фигуру из музея мадам Тюссо или на портрет старика-Иисуса кисти Северюхина – это и есть ты сам.

Реальность – это тайная изнанка похожести.

Лабиринт

В детстве я прочитал книгу «Волшебный двурог» поэта-футуриста, литературоведа-мистификатора и математика Сергея Боброва, из которой узнал универсальный способ прохождения любого лабиринта. Итак, при входе в загадочное пространство вам необходимо приложить руку (любую) к стене (любой) и продвигаться, не отрывая её от стены, причём свой путь мысленно представлять не криволинейным, а совершенно прямым. Как бы ни был сложен, извилист и долог этот ваш путь, неразделимая пара «рука-стена» непременно приведёт к выходу. Проверьте это на какой-нибудь картинке-загадке для малышей прежде, чем приступите к блужданию.

О чём это я? Ах, да, вспомнил. По возрасту и по состоянию здоровья я давно уже всюду передвигаюсь не иначе, как держась рукой за стенку. При этом вполне догадываюсь, куда, собственно, иду, и замечаю, как постепенно распрямляется мой лабиринт.

Флибустьерское море

Отец, усаженный по обыкновению во главе накрытого семейного стола, был по случаю праздника аккуратно одет, причёсан и побрит мамой. Уже года два или три как он потерял возможность с кем-либо общаться и бóльшую часть времени проводил теперь в вялой полудрёме, изредка прерываемой только громкими вздохами да постаныванием. За столом он

мог уронить еду, опрокинуть посуду или попытаться погрузить руку в салатницу, но кто-нибудь из нас всегда успевал деликатно упредить эти действия.

Наши семейные посиделки (по обе стороны от отца нас тогда сидело двенадцать, включая малых детей) всегда проходили в оживлённой многоголосной беседе, в которой рассказы о последних событиях, личных и мировых, переплетались с впечатлениями от прочитанного, услышанного и просмотренного. В тот вечер, помнится, под воздействием какой-то неведомой пружины речь зашла о стихотворении Павла Когана «Бригантина», известном всем нам почти наизусть. Моя сестра, кажется, не в первый раз уже подняла тогда вопрос о «флибустьерском море», упоминаемом в этом стихотворении дважды – в третьей и предпоследней строках. Семейная беседа, развивавшаяся, как обычно, по законам спонтанного перетекания от одной темы к другой, немедленно сфокусировалась на термине «флибустьеры», о котором каждый из нас имел отдельное и весьма смутное представление.

И вот тогда отец, до тех пор молча сидевший с чуточку прищуренными глазами, тихо, но разборчиво произнёс: «Флибустьеры, или иначе "вольные добытчики" – это морские пираты, грабившие испанские суда и снабжённые для того разрешительными грамотами от администрации британских колоний». Это были последние внятные слова, услышанные нами от отца, который затем окончательно погрузился в беспамятное безмолвие.

Учёный-инженер самого высокого ранга, отец был не «технарём» обычной советской формации, но книгочеем, интеллектуалом и человеком всеохватных гуманитарных знаний, которые, как видно, удерживались в его сознании крепче и дольше, нежели простые бытовые навыки.

С тех пор миновало четверть века, я неуклонно приближаюсь к возрасту давно ушедшего отца, и на меня всё чаще наваливаются некоторые невесёлые мысли.

Унаследовав от отца технологию комплексного или, если вам это понятнее, матричного запоминания, я укрепил эту редкую в наше время (а может быть, и ненужную теперь вовсе) способность в многолетней практике создания энциклопедических трудов историко-художественного, литературного и прочего профиля. Моя память, как и у отца, – это сферическое нагромождение знаний в самых разных областях, я умею оживлять в ней хронологические таблицы, географические карты разных эпох, конструкции изучаемых когда-то иностранных языков, гражданское

право, операционное исчисление, теорию контрапункта и теорию множеств или, допустим, статистику художественных аукционов.

Я отдаю себе отчёт в том, что когда-нибудь этот четырёхмерный замок – порождение затянувшейся на семь десятилетий интеллектуальной игры – начнёт постепенно осыпаться, а может быть, рухнет в одночасье, обрекая меня, в тягость родным, на долгую молчаливую дремоту.

Так вот, интересно знать, какими же тогда будут мои последние слова, прошептанные из-под обломков этого замка? Не записать ли мне их для вас заранее?

Бабочки из чулочного капрона

В 1988 году у станции метро «Площадь Мужества» в Ленинграде можно было почти ежедневно видеть крупного молодого человека в очках, который по своей нелепой комплекции чем-то напоминал Сергея Бондарчука в роли Пьера Безухова. Под насмешками прохожих он стоял неподвижно, как на часах, держа в руках тряпичный планшет с приколотыми к нему брошками-бабочками – тонкие проволочные каркасы их крыльев были обтянуты светло-голубым, чёрным или розоватым капроном, вероятно, вырезанным из старых чулок. Стоимость брошки была совершенно ничтожной и, скорее всего, не соответствовала трудоёмкости этого тонкого и достаточно изобретательного рукоделия. Да и сам образ этого «Пьера Безухова» с интеллектуально утончённым и немного грустным лицом никак не соответствовал ничтожной для мужчины (по меркам советского времени) профессии продавца дешёвых, хотя и милых украшений.

Пройдёт всего два–три года, и случится обвал экономики недавно ещё великой страны. Одно за другим приостановят тогда работу мощные предприятия с цветными барельефами орденов на помпезных фасадах. Зарплата, не поспевающая за растущей инфляцией, сначала будет выплачиваться с большими задержками, а потом и вовсе приостанавливаться. Едва полученные деньги моментально будут тратиться на ту еду, которая ещё будет поступать в магазины; в ход пойдут суррогатные шоколадки, окаменевшие брикеты киселя, консервированная начинка для борща да круто засоленные зелёные помидоры из казарменного ассортимента.

Не удивительно, что вскоре на площадях и в скверах роскошно увядавшего тогда города спонтанно развернётся мелочная торговля – на

продажу вынесут «излишки» убогого советского быта: ношеную одежду и постельное бельё, пользованную посуду, отыгравшие своё игрушки, подержанную бытовую технику и прочие предметы, среди которых даже опытный глаз не смог бы отыскать хоть какую-нибудь жемчужинку антиквариата. На улицы города в расчёте на заработок станут выходить музыканты консерваторского уровня и художники с академическим образованием – ведь на 10 долларов, брошенных интуристом в футляр от скрипки или полученных за беглый карандашный портрет, можно будет худо-бедно протянуть целый месяц.

Одновременно с этим бывшие инженеры, кандидаты и доктора наук, моряки и лётчики, высокоразрядные рабочие, прорабы и опытные бухгалтеры, забыв про свой прежний статус, займутся освоением новых профессий. Объявления на столбах и заборах запестрят предложениями услуг по ремонту квартир и садовых домиков, пошиву кожаных курток и джинсов, стрижке, маникюру и лечебному массажу. Кто-то, вспомнив институтский курс, решится преподавать английский язык, иной будет рекламировать себя в качестве семейного психолога или специалиста по йоге, некоторые, не обращая внимания на собственное телосложение, возьмутся вести занятия по вошедшим в моду аэробике и фитнесу. Доведётся тогда и мне, автору этих строк, преодолев гордыню, оставить добытую изрядным трудовым пóтом инженерную профессию и заняться художественным рукомеслом да мелочной сувенирной торговлей.

Но это будет немного позже. А тогда, в 1988 году он, похожий на Пьера Безухова, стоял на площади Мужества под насмешками прохожих, одиноко и неподвижно, и держал в руках тряпичный планшет с приколотыми к нему милыми брошками-бабочками из старого чулочного капрона.

Деметриус

Перестрелка на улицах шла третий месяц. В доме напротив, с геральдическими орлами и львами на фасаде, были выбиты стёкла, и через пустые глазницы окон уже много дней выходил желтоватый дым. Со стороны залива изредка доносились тугие хлопки взрывов, двоящиеся и троящиеся эхом. По безлюдным кварталам плутали бессмысленные звуки сирены, заменявшие теперь выклики неведомо куда девшихся чаек.

Снизу, от мостовой, скрытой от меня широким карнизом, всё чаще восходила из хриплого передвижного репродуктора маршевая музыка, в

кратких паузах которой слышались нестройные многоголосые выкрики «Деметриус! Деметриус!» Это же имя – Деметриус, начертанное синим на красном баннере, ежедневно проносил над самой крышей огромный воздушный баллон в форме дирижабля. «Деметриус!» – звучал время от времени отдалённый женский голос на истерической ноте, подхватываемый дымным ветром.

Слышимое стало доминировать над видимым, ощущаемое – над осознанным, воображаемое – над осязаемым.

Все привычные способы связи давно примолкли. Электричество отключалось по нескольку раз на дню, компьютеры замкнулись на свои внутренние накопления, а милые сердцу гаджеты потеряли всякий смысл. Антикварный ламповый радиоприёмник времён предыдущей большой войны позволял поймать на коротких волнах только музыку, звучавшую как будто из прошлого. Телевизор же, с проволочкой, заменившей антенну, показывал неподвижно и беззвучно лишь мутноватое лицо этого самого выкликаемого на улицах Деметриуса да неразборчивый текст его патриотической декларации.

Я не имел ни малейшего представления о происходящих в городе беспорядках, не знал их причин и мотивов, вероятно, потому что пожелал вычеркнуть из памяти все имевшиеся на сей счёт знания. Воспоминаний у меня теперь вообще не было. Я постарался надёжно забыть своё прошлое, и потому будущее меня почти не интересовало, а настоящее, как у собаки, казалось бесконечным.

Запасов еды у меня хватило бы надолго – в кладовой имелось достаточно разной крупы, консервов и домашних заготовок, которые пока меня не интересовали. Ванна, которой я уже не пользовался, на всякий случай была наполнена водой. В недрах вместительного бара хранилось полтора десятка начатых бутылей виски и бренди разных сортов, оставшихся от прежних дружеских вечеринок. Закуской же чаще всего служил мне теперь окаменевший изюм из старинного керамического бочонка, обнаруженного в одном из буфетов.

Всё это, однако, не избавляло меня от нараставшей тревоги, которая периодически побуждала к бессмысленным проверкам дверных засовов. Какая-то липкая тоска или, вернее, неясное предчувствие смертельной опасности неотвязно сопровождала каждое моё действие, путала мысли и не давала забыться во снах. Безотчётная тревожность нарастала день ото дня, непреодолимая апатия угнетала душу, и я стал мечтать о скорейшей развязке, каковой бы она ни оказалась.

Когда послышалась возня у главной двери, очевидно служившая прелюдией к штурму, я уже вполне отдавал себе отчёт в том, что прятаться где-то в доме было бы делом столь же нелепым, как и пытаться бежать через чёрный ход – и парадная, и чёрная лестницы вели в одно и то же дворовое пространство, пересечь которое незамеченным всё равно бы не получилось. Да и бежать мне, собственно говоря, было некуда – адреса, имена и людские взаимоотношения больше не существовали в моей обнулённой памяти. К тому же, покинув свой дом, я едва ли смог бы отыскать дорогу назад, а это представлялось куда более страшным, нежели любой иной исход.

Пытаясь не обращать внимания на суету за порогом, я сел на единственный стул, похожий на трон, стоявший во главе длинного стола, по сторонам которого при наличии других стульев помещалось бы двенадцать персон, налил виски в чайный стакан, наполнив его до краёв, и уложил в рот щепоть каменного изюма. Высокий трон вынуждал меня сидеть прямо, с расправленной спиной, и эта поза удивительным образом придавала мне спокойствие и даже бесстрашие.

Сокрушительный грохот от падения первой железной двери, а через считанные секунды такой же удар от падения второй, чёрной, возвестили об успехе штурмующих. Под победные крики «Деметриус!» гостиная быстро наполнилась разновозрастными мужчинами в зелёных рубахах, опоясанными красными шарфами и с красными же головными косынками, на которых синим было выведено священное для них имя. Потолкавшись, они быстро выстроились полукругом перед моим столом и неподвижно застыли, потупив взор, как будто в ожидании рокового для меня приказа. Я же сидел почти недвижимо с прямой спиной и чуть пошевелился только ради очередного глотка из стакана, после чего вновь принял невозмутимую каменную позу.

Внезапно в среде штурмовиков случилось тихое оживление, и расступившись, они пропустили вперёд низкорослого широкоплечего старика, с таким же как у прочих красным поясом и в косынке, но ещё и с какими-то фантастическими жестяными звёздами, притороченными на груди зелёной рубахи. Скомандовав бойцам «смирно!», он по-военному чётко подмаршировал ко мне, почтительно преклонил колено и прижавшись лбом к моему плечу, подобострастно прошептал: «Деметриус!»

2024–2025

АЛЕКСАНДР КРАМЕР

Черно...(быль)

Все мы и жертвы, и участники, и свидетели.
Валентин Гафт (из телепередачи)

Я сразу должен предупредить, что никаких документов, подтверждающих написанное, у меня нет. Я надеюсь только, что найдутся те, кто, в случае необходимости, смогут и захотят подтвердить написанное мною. Итак...

1.

Время действия – апрель-июль 1988 года. Место действия – жилая (окрестности села Ораное) и рабочая (30-ти километровая) зоны ВЧ 34003 КВО[2].

Но сначала повестка. Вечером, после работы, она обнаружилась в почтовом ящике. Предписано: явиться на следующий день к 9.00 в комнату N... Являюсь. Дальше все происходит в темпе Чаплиновских фильмов. Убыть немедленно. (Вы не забыли: год 88!) Медкомиссия – тут же, в подвале. «Челюсти есть?.. Нет?.. Годен!..» «Падучей страдаете?.. Нет?.. Годен!..»

Вопросы – не плод больной фантазии, настоящие. Но тон, которым их задавали врачи, не оставлял никаких сомнений в абсолютной формальности происходящего. Не формальным был только анализ крови, а он, как вы знаете, нормальный практически у всех. И потому годны были все. По определению. Уже потом, в части, я столкнулся с солдатом-сердечником, которого так и не отпустили, несмотря на приступы, пока он не выслужил свой срок. Уже потом, в части, от шахтеров из Донбасса я узнал, что им вообще не понадобились никакие медкомиссии и прочая ерунда, т. к. за ними ночью приезжала милиция и отправляла, как арестантов.

Итак, годен! Проездные документы в зубы, вечером – на вокзал. Билетов, как водится, нет. Иду, как сказано, к коменданту. Комендант – сама любезность. Уже через 20 минут я обладатель чудесного билета: фирменный поезд, купе, нижнее место.

[2] ВЧ 34003 КВО – Войсковая Часть 34003 Киевского Военного Округа.

Утро. Киев. Вокзал. Здесь нас собирают, сажают в кузов тентованного грузовика, и мы едем почему-то совершенно в другую от Чернобыля сторону – в Белую Церковь, на вещевой склад – обмундировываться. Обмундированных сажают в Икарус и долго везут кружными путями, подальше от Киева, в Иванковский район, в окрестности села Ораное. На «сортировку».

Двадцать ноль-ноль. «Сортировка». Пункт распределения. Выкрикивают мою фамилию, и мы (нас человек 8–10) идем за провожатым в жилую зону. Молчим. Все: свершилось. Страха нет. Просто немного тревожно.

Двадцать один ноль-ноль. Темно. В штабе горит свет, и перед штабом небольшая кучка офицеров в ВэСэО – так называлась форма, которую нам выдавали.

«Офицеры есть?» – спрашивают они нервной скороговоркой.

«Есть», – говорю я (на мне уже ВСО, но погоны еще в чемодане).

«Есть, – возвращается ко мне радостно-тревожное эхо. – К кому?»

«К Калгину», – называю я фамилию, вписанную в мобпредписание и вхожу в штаб, куда за мной врывается несколько офицеров в ВСО.

Оказывается, что этот самый Калгин, на чью замену я прибыл, уже убыл каким-то чудом. И теперь у тех, кто набрал свою «дозу» (я потом объясню кавычки), есть возможность уехать, не дожидаясь замены. Возникает недолгий спор; наконец все решено. Счастливчик, которому меня отдали, чуть не на руках несет меня в офицерский вагончик моей будущей роты. «Спать будешь здесь», – говорит он и показывает койку на втором этаже. «С нее все сменяются вовремя» – чуть не подпрыгивает старлей и улыбается улыбкой нобелевского лауреата. Мне пока все это не понять. Понимание придет позже. А пока просто любопытно, и я радуюсь вместе с незнакомым старлеем.

А потом мы сидим впятером (я и четверо жителей вагончика), пьем запрещенную водку и закусываем моим сухим пайком – сосисочным фаршем. Пьем за здоровье и за отъезд. За скорый отъезд.

2.

Ну, раз уж речь зашла о замене, дозе и сроках, то давайте я с этого и начну. Я надеюсь, никому не нужно объяснять, почему срок службы ликвидатора измерялся дозой облучения. Но, к сожалению, мне придется вам объяснить, ***чем*** производились измерения. Это вы по наивности полагаете, что доза облучения, а в просторечье «доза», измеряется дозиметром. В реальных условиях она измерялась инструкцией. Все дело в том, что по замыслу организаторов, каждый человек, призванный для ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, должен был отслужить определенный срок (именно отслужить определенный срок, а не проделать определенную работу) и получить за этот срок не более определенной, установленной на данный отрезок времени, дозы. В 86 году – это было, кажется, 25 бэр[3], в 87 – 10 бэр, к моему приезду – 5 бэр. И никто, ни при каких условиях не смел перешагнуть через установленный рубеж. С «дозой» понятно. А вот как ее, заранее определенную, увязать с заранее определенным сроком? Ну, поскольку вы были советскими людьми, то я думаю, вы уже догадались. Конечно, нужно разделить предельную дозу на желаемый срок и вывести предельную суточную дозу; и ни при каких условиях, выше этого предела ***не писать***. И не писали!

Именно поэтому я слово «доза» в первый раз взял в кавычки, как буду поступать и в дальнейшем. Да, нам выдавали дозиметры, и доза облучения должна была измеряться ими. Но не измерялась. На самом деле происходило это так. Каждый раз, уезжая в зону, мы брали с собой слепопоказывающий дозиметр, то есть его показания сами посмотреть не могли. Каждый день вечером все, кто ездил и кто не ездил в зону, должны были зайти в штаб к секретчику и сдать свой дозиметр для снятия показаний суточной дозы на специальном приборе. Именно эти показания затем должны были бы быть вписаны в книгу регистрации. В действительности показания вашего дозиметра никого не интересовали. Все знали, что за поездку в определенную часть зоны запишут столько-то, и что никто на показания дозиметра внимание обращать не станет. Поэтому ровно через две недели по приезде я вообще перестал сдавать свой дозиметр на контроль. Но «дозу» мне продолжали писать регулярно. Как и всем остальным.

Мало того, суточную дозу могли неожиданно урезать, как было через две недели после моего приезда. Означало это, что с завтрашнего дня на той же самой промплощадке будут писать, допустим, на треть меньше,

[3] БЭР – биологический эквивалент рентгена.

хотя со вчерашнего дня на этом месте ровно ничего не изменилось. А это грозило либо удлинением срока, либо необходимостью более плотно ездить в зону (о чем ниже).

Наверное, теперь вы поймете, почему самый популярный вопрос при встрече ликвидаторов разных частей был: сколько набрал, т. е. когда на свободу. А писали разное в разных частях зоны, и все роты, конечно, стремились захватить промплощадку, где пишут побольше, потому что разницы истинной не знал из нас никто, а уехать домой поскорее хотелось всем. Я не стану писать о радиологическом контроле. Скажу только одно, что при мне у двух новоиспеченных радиологов два прибора давали совершенно разные показания. Оставляю это без комментария.

3.

Вы можете сказать, что кое-что в моем изложении кажется вам не вполне логичным: вот срок, вот доза: набрал свое – езжай домой. Да не тут то было. На что того боле, коли дана дураку воля. Это не я, это народ сказал. А я расскажу вам, как это в жизни выглядит.

Батальон – это войсковое подразделение, определенной уставом численности; и поскольку организация работ была возложена на армию, то количество людей, призванных на ликвидацию аварии, определялось не количеством работы, а укомплектованностью подразделения. Устав есть устав! А что значит, когда работа есть для двоих, а в наличии трое, знаете? Правильно!!! Поэтому на работу в зону ездили не все. А в тот день, что ты не ездил в зону, тебе писали фон, т. е. практически ничего, на фоне ты мог набирать «дозу» до конца жизни, точнее все шесть месяцев переподготовки. Из вышесказанного вытекает два вывода: а) нужно правдами и неправдами стараться попасть на работы, где пишут больше; б) фон можно превратить в наказание, какого еще свет не видывал. Не спешите, я все сейчас расшифрую. Не спешите.

Начну с пункта «б». Знаете ли вы, что хотя срок службы ликвидатора, в основном, не превышал 3–3,5 месяца, мобпредписание выдавалось сроком на полгода? Вот здесь-то и была собака зарыта, этим-то и подавлялись любые попытки возмущения и неповиновения. Жить приходилось в условиях, далеких от комфорта. Офицеры, те хотя бы жили в вагончиках на четверых. Солдаты жили в армейских палатках на умопомрачительное количество человек. Лагерь располагался в лесу, вблизи болотца. Летом душили комары, весной и осенью было сыро,

зимой холодно, т. к. дракон (печка на солярке) не при любом морозе обогревал одинаково.

Кроме того, я должен вам напомнить, что солдатам и офицерам, призванным на ликвидацию, было от 30 до 45 лет – не мальчики уже. Что же можно предпринять, чтобы держать в узде большое количество людей, самой системой организации аварийных работ (о чем ниже) обреченных на безделье и бездеятельность? Их нужно наказывать! А как? Не пускать в зону! Писать фон! А на фоне заставлять через день ходить в идиотские наряды, например, собирать дерн в лесу и обкладывать им дорожки в жилой зоне. Сорокалетних мужиков! Кроме того, нас ведь никуда не выпускали, – как зэков. Рядом было село Ораное, городок Иванков, но ни там, ни там я не был ни разу. Увольнения не полагались. Через месяц люди, лишенные дома, работы, свободы действий, изнывающие от вынужденного безделья готовы были ехать куда угодно, лишь бы вырваться отсюда. Теперь понимаете, что за наказание было не ездить в зону? Попробуйте рассказать кому-нибудь, что вы просто так, без всякой пользы для окружающих рвались получить побольше рентген под шкуру. Посмотрим, сочтут ли вас при этом нормальным. Но так было здесь! И это чистая правда.

Теперь про пункт «а». Батальон наш назывался ремонтным. Мы должны были ремонтировать технику, которая обслуживала зону: автомобили, бульдозеры, военно-инженерную технику и т. д. Должны были, но... Но об этом потом. Да, так вот, у нас в батальоне было несколько передвижных мастерских, где стояли станочки: токарный, сверлильный, точильце... На этих станочках умельцы лихо делали ножички, которые, как в ножны, ввинчивались в футляр от дозиметра. Ножички делали из износившихся клапанов автомобильных двигателей. Ничего, что некоторые из них слегка светились, т. е. излучали, зато это была шикарная чернобыльская валюта, ходившая по всей зоне и имевшая стабильный спрос. С этой валютой можно было подкатиться к ротному и плотненько поездить в зону, к начвещу – сменить сапоги на ботинки, получить новое ВСО, ну и мало ли еще чего... (Как используется эта техника по назначению, я не видел ни разу. Впрочем, допускаю, что такое случалось.) Правда, потом эти ножички уезжали на гражданку, но кому до этого было дело, если дяди с большими звездами на погонах сами были не равнодушны к этим игрушкам и сами использовали их как валюту для своих нужд.

Был еще один (официальный) путь уменьшения срока службы – командировка. В такую командировку и попал ваш покорный слуга, чему и обязан своевременным выходом на волю. Командировки были в зону, где жили некоторые части. Например, прибалты, к которым послали нас. Мы изумительно отбездельничали полторы- две недельки: ни работы, ни нарядов, ни построений – и вернулись назад. Смысл командировки заключался в том, что в чужой части до нас никому не было дела и тетрадь учета «дозы» вел не подконтрольный части секретчик, а мы сами, и писали ее сообразуясь со здравым смыслом, а не с инструкцией. Правда, потом местные власти ставили на нашу тетрадь печать и подпись, но они как-то не очень смотрели, что подписывают, тем более, что для частей, живших в зоне, не было понятия фон. О том, что наша командировка никому не нужна, знали, кажется, все, кто нас туда посылал. Знали и то, что пишем мы там что хотим. Но не держать же нас действительно по полгода. Да и лишних людей в части становилось поменьше. А я за свое доблестное безделье письменной благодарности удостоился. Хотите, покажу?

Уже после нашей командировки нашелся один умник, который за две недели написал себе все недостающие для отъезда бэры, а прослужил он к тому времени что-то около двух месяцев. Был страшный скандал. Его обещали вывести на чистую воду. Но все так ничем и закончилось: один комбат другого подставить не захотел, а документ был с печатью, официальный, и пахло прокуратурой. Так этого наглеца и отпустили. Правда, командировки после этого надолго прекратились, к ужасной жалости всех оставшихся невольников.

4.

Теперь о работе. Собственно, это и должно было быть самым главным, ради чего нас сюда согнали. Так вот, основным занятием большинства ликвидаторов было безделье: безделье откровенное, организованное, спланированное, доводившее людей до идиотской деятельности вроде изготовления ножичков. Нет, конечно, машины с людьми отправлялись в зону регулярно (кроме выходных и праздников), но организацией работ в зоне не занимался практически никто. Я вообще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь в батальоне хоть раз упомянул о работе.

Как уже было сказано выше, мы были ремонтным подразделением, призванным ремонтировать автотехнику, обслуживающую зону. Но начнем с того, что ни я, ни абсолютное число моих сослуживцев «на гражданке» никакого отношения к автомеханике не имели. Мало того, в

один прекрасный момент оказалось, что даже шоферов-профессионалов и то недостаточно, и потому машину, в которой я ездил старшим, водил солдат, окончивший профессиональные курсы, но до этого, кроме запорожца, ничего не водивший. Машины, в которых мы ездили в зону и по зоне (это разные машины, я объясню ниже), были вконец изношенными, со смертельно лысой резиной. Но ни резины, ни каких-либо других запчастей в рембате не было. Что уже говорить про ремонт чужой техники. Нет, помню, некоторое время было несколько человек, которые пытались заниматься ремонтом: снимали детали с одних изношенных машин и ставили на другие. Один солдат за это даже грамоту получил. Страшно понравилось генералу, как он усердно лежит под машиной и пятиминутную работу за три часа делает, т. к. ни о хороших инструментах, ни о приспособлениях никто подумать ни удосужился.

Кстати, о профессиональном составе ликвидаторов: я технолог-металлист, со мной в домике жили шахтер и металлург, моими приятелями там были строитель и юрист. А совсем недавно я встретил художника, призванного в тот же рембат в 87 г. Он так же отбездельничал свои три месяца, как и мы в 88-м.Только вот ноги у него теперь плохо ходят, и он собирает документы на инвалидность.

За то, что не работа являлась главной целью нашего пребывания в зоне, говорит, как мне кажется, еще один факт. Весь наш трудовой день продолжался совсем недолго. Ведь как ни крути, а мы все же находились в зоне повышенной радиации. К двум часам дня мы обычно были свободны, а с того времени, что прекратились обеды в зоне, так и раньше. Но никому почему-то не приходило в голову организовать в разгар длинных летних дней вторую смену, чтобы побыстрее выполнить положенную работу. Так о каких чрезвычайных работах идет речь?! Но это я так, к слову.

В зону мы приезжали следующим образом: сначала подъезжали к границе 30-ти километровой зоны – село Дитятки, где располагался пункт санитарной обработки – ПУСО-1, здесь солдаты переодевались: «чистую» одежду и сапоги меняли на «грязное» – рабочее ВСО и «грязные» сапоги (офицерам переодеваться не полагалось, даже сапог не меняли, а ведь земля была одинаковая для всех), а на обратном пути мылись и переодевались снова в то, что оставили; затем ехали на ПУСО-2, где меняли «чистые» машины на «грязные» и уже оттуда ехали на рабочее место – одну из промплощадок возле АЭС.

Приехали. В восьмидесяти случаях из ста работы нет. Если есть работа, то нет чего-нибудь, что позволило бы ее сделать. Бродим по

площадке возле ремонтных боксов до обеда. (Наша промплощадка находилась в нескольких километрах от 4-го блока, в пяти шагах от знаменитой сосны-обелиска).

Обедаем прямо в зоне, под самой трубой первого блока.

Часто во время обеда происходит выброс, но внимания на это никто не обращает. Раздается хлопок, те, кто ждут своей очереди на улице, видят, как над трубой вспыхивает красивое белое облачко и все становится, как и прежде.

Обедали мы в АБК[4], в огромном зале, куда напихивали все части, работавшие в этот день в зоне. Перед зданием АБК вся земля засыпана песком. Перед дверью – мелкий поддон с марганцовкой – для мытья сапог. В обеденном зале пыль и грязь, толковище и гул... У каждой части свои повара, свой обед... Жуть!

Однажды (я уже отслужил полсрока) нагрянула на обед в зону какая-то медицинская комиссия. Ну и бушевал же майор-медик по поводу обедов под трубой, грязи и прочих зонных прелестей. С тех пор мы стали ездить обедать домой, в батальон, и больше уже после этого на площадку не возвращались. Так ведь июнь 88-го – год с лишком сюда всех обедать возили!!!

А до этого после обеда мы ехали снова на промплощадку и (даже если работы не было) дожидались определенного времени, когда можно будет уехать в Лилев, где нас ждала колонна. Без колонны двигаться по зоне категорически запрещалось. Армия это или не армия! И еще потом около часа ждали, пока съедутся все машины со всех промплощадок. Наконец все съехались. Теперь обратным порядком ПУСО-2, ПУСО-1 – в жилую зону.

Но все это – лишь для счастливчиков, тех, кто попал на работу. Для тех, кто остался в жилой зоне – это либо какой-нибудь идиотизм, вроде утрамбовывания новой стоянки для автомашин, устройства еще одного основательного забора или просто безделье. Зато регулярно выпускались «Боевые листки» – обязательная работа для офицеров, призванная отражать выдающиеся заслуги личного состава.

5.

Да, чуть не забыл, были ведь еще люди, которых писали в списки работающих в зоне (такие списки составлялись на каждый день), но

[4] АБК – административно-бытовой корпус.

которые в этот день в зону не попадали. Например, повара, банщик. Это ведь тоже были солдаты, но в зоне им делать было нечего. Так не служить же из-за этого по полгода! Ну и писали их в списки, и никто не возражал. Теперь они тоже ликвидаторы. Хотя, если честно, то ведь они действительно работали, а не как мы, извините, груши околачивали. Кроме них, еще в списки попадали кадровые офицеры. Не каждый из них мог или хотел ездить в зону ежедневно, а за каждую поездку полагалась дополнительная зарплата. Так не терять же! Зато теперь вовсю ищут фальшивых ликвидаторов. Напрасно ищете, панове, напрасно. У того, у кого надо, все чин-чинарем. Не усердствуйте.

6.

Замена. Если б вы знали, какое сладкое и какое изматывающее это слово. Это вам только кажется, что никаких проблем здесь быть не может. Они были даже у солдат, которых меняли партия на партию, баш на баш. Но вы могли проштрафиться или просто не нравиться ротному, и вашу замену можно было слегка (недельки на 2–3) подзадержать. Ведь выпускать на работу в зону переставали с таким расчетом, чтобы можно было держать вас на фоне месяца полтора-два. Зачем? Для сохранения численности. Разве не помните?

А вот с офицерами выходило сложнее. После того, как вы набирали допустимое в данный момент число бэр, из части в ваш родной военкомат посылали требование на замену и сменить вас мог только персональный сменщик. Вот почему так радовался тот, кого сменил я. Ведь как повезло! Сменщика ждать не надо! А сменщиков-то воровали! Да, на сортировке. Кто пошустрее, да поудачливее – мог увести сменщика, и поминай как звали. А обворованному – ох, не позавидуешь! В зону он ездить переставал. Уехать не мог. Тынялся целыми днями по жилой зоне. Я прослонялся так в ожидании замены две недели, через день заступая на сутки в наряд на КПП жилой зоны. Тюрьма ни за что. Но две недели – это не срок. При мне один прапорщик ходил ругаться в штаб сектора[5] и грозился ехать в округ, в Киев. Ему полтора месяца не шла замена, и он от тоски чуть из себя не выпрыгивал. Правда, после похода в сектор его отпустили. Но ведь полтора месяца мариновали на фоне. Система.

Кстати, понятие «фон» тоже было весьма условным. Например, поскольку офицеров не переодевали, они приносили «грязь» в жилую

[5] Штаб сектора – штаб, координировавший работу всех батальонов в определенном районе.

зону. Периодически «засвечивались» – то есть радиометр радиацию выше предельно допустимой показывал – одеяла в вагончиках, сапоги и пилотки... В домиках и палатках стояли телевизоры, нелегально вывезенные из зоны. Дорожка мимо офицерских вагончиков в штаб была выложена из железобетонных плит, железные скобы которых тоже слегка «светились», а мы по ним топали сто раз в день. А так вокруг был, конечно же, исключительно фон.

7.

Надо рассказать вам еще об одной штуке, о которой многие знают, но стыдливо умалчивают. Вместе с нами на ликвидацию этих самых последствий посылали кадровых офицеров, отслуживших свое в Афганистане и оставшихся в живых. К слову сказать, при мне капитан-афганец одной из рот моего батальона командовал! Я хотел бы в глаза заглянуть тому, кто это придумал. Но вряд ли удастся. Должно, теперь мемуары о славных делах своих пишет.

8.

Ну вот, пожалуй, и все. Осталось рассказать вам про отъезд. Но сначала попробуйте вспомнить, как нас везли сюда. Вспомнили? Вот и хорошо. А теперь поедем обратно.

Кончено. Все. Свободен! Мне выданы документы на дорогу. Больше я здесь никому не нужен.

Я вышел за ворота жилой зоны и только тут понял, что вернуться домой будет совсем не просто. Обратный путь лежал опять через Белую Церковь, где я должен был сдать обмундирование. Оставить его в части и не гонять людей в противоположный от Киева конец – ну никак нельзя было.

В Киеве на вокзале дым стоял коромыслом. Билетов не было и не предвиделось. В залах ожидания ни сесть, ни лечь! Чернобыльцы разных округов (сибиряки, москвичи, прибалты...) волна за волной накатывали на коменданта, и воздух загустевал от отборного мата.

Наконец к ночи на нашем направлении образовалась ударная группа, которая вломилась к коменданту и со зверскими рожами предъявила ультиматум. Комендант куда-то скрылся на полчаса и, когда появился, сказал, что к ближайшему поезду прицепят общий вагон и посадят максимальное количество дембелей.

Так и было. Посадили. Максимальное количество. Мы просто сидели друг на друге. Даже на третью, багажную, полку забирались по двое.

Но бог мой, какое же это было счастье! Мы ехали! Домой!

9.

На этом можно было бы окончательно поставить точку, но для многих и многих все предыдущее было только началом. И дальше об этом.

Как ни странно, но те, кто там побывали, стали болеть. Вам кажется нелепой эта фраза? Напрасно. Она кажется совершенно нормальной чиновникам Минздрава, и прочим чиновникам тоже. Иначе чем объяснить, что в 1992 году сняли 1-ю (их всего три) категорию, дающую хоть какие-то реальные льготы, с тех, кто тяжело заболел вследствие облучения, о чем есть заключение специальной комиссии, но не стал еще инвалидом? Иначе чем объяснить, что ликвидаторы, имеющие инвалидность, но не имеющие заключения комиссии о связи заболевания с пребыванием в зоне повышенной радиации (а получить заключение при нашей медицинской бюрократии ой как не просто), получают пенсию обыкновенную, а не как инвалиды Чернобыля? Иначе как объяснить вообще все, что происходит с законами, которые становятся все наглее, и которые даже в таком наглом виде все равно не исполняются.

Мало того, я своими ушами слышал, как минздравовский деятель с телеэкрана доказывал на полном серьезе, что многие больные ликвидаторы – обыкновенные симулянты, поскольку все свои нынешние болезни приписывают пребыванию в зоне. Но он ни слова не сказал о том, что японская статистика определяет латентный период радиационного поражения (имеются ввиду не критичные дозы), в 3–4 года.

Знаете, всякий, кто попал под следствие, пользуется правом презумпции невиновности. У больного, чья болезнь плохо поддается современной диагностике, похоже, такое право в этой стране отсутствует. Вас изначально считают если не симулянтом, то человеком, пришедшим урвать льготы любыми путями. А они, льготы, поставлены в прямую зависимость от болезней. В прошлом году я столкнулся с врачом, который работал в зоне на скорой помощи в 86 году. Теперь он вдруг теряет сознание и падает. Я хотел бы, чтобы вы тоже услышали, сколько времени, нервов и здоровья (которого и так немного) ушло у него на то, чтобы получить инвалидность. Как он говорит, только случай помог. Его лечащий врач была на суточном дежурстве, и ее позвали больные, когда он поздно вечером упал в коридоре. Иначе он никогда бы не доказал свою

болезнь. Правда, «связь»[6] он так до сих пор и не получил. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Да, так вот, поскольку изначально считается, что вы не столько больны, сколько хотите заболеть и получать льготы, то и отношение к вам в больнице и на комиссиях соответствующее. Этот врач, что со скорой помощи, через своих коллег добывал лекарства, которыми его потом лечили. А ведь это был специализированный чернобыльский центр. Правда, с теми, у кого не было возможности доставать лекарства, было проще: лечили тем, что есть, или не лечили совсем. Лечение – это вообще отдельный разговор, но несколько фактов я хотел бы привести.

Сломался энцефалограф. Чинили его, чинили, да так и не починили. Ну и ничего, больные, страдающие заболеваниями мозга, обошлись и без энцефалограмм. И даже заключение получили, что диагноз их подтверждается.

Начали колоть лекарство. Сделали несколько уколов, и оно закончилось. Начали колоть другое, кончилось и оно. Тогда закончили третьим. С таблетками то же самое. Может, с точки зрения медицины оно и ничего, но с точки зрения больного...

А одного моего знакомого на ВТЭКе спросили, кем он работает, и когда услышали, что он директор школы, сказали, что директор школы с таким заболеванием обойдется и без инвалидности.

Я хочу еще раз повторить, что всех нас изначально считают жуликами. Иначе чем объяснить тот факт, что в 1993 году чиновничий аппарат затеял тотальную проверку чернобыльцев:

– А действительно ли вы были на работах по ликвидации?

– А справочку из военкомата?

– А справочку из бухгалтерии с места работы, откуда были мобилизованы?

– А это какая-то плохая справочка. Пошлите-ка вы запросик через военкомат в архив части, где вы служили.

И так обивали пороги все ликвидаторы, больные и здоровые, доказывая, что штамп в военном билете не поддельный, что болезни настоящие, что они, к сожалению, живы, живы, живы!

А потом были дикие очереди за новыми удостоверениями, в которых больные, здоровые и инвалиды без разбору выстаивали долгие

[6] «Связь» – просторечье, заключение комиссии о связи заболевания с пребыванием в «зоне».

мучительные часы, перед тем несколько месяцев вызванивая наличие своей фамилии в списках. Спрашивается, ради чего затеяна была вся эта чехарда? Да, есть среди чернобыльцев симулянты, которые вовремя подсуетились, нашли кому дать, и теперь у них все в порядке: и инвалидность, и связь, и пенсия, и здоровье. Но их единицы, и из-за них, ей-Богу, не стоило издеваться и унижать тысячи честных людей. Да, есть те, чьи удостоверения не стоят ломаного гроша. Но они есть и сегодня (кто бы что мне ни доказывал), после грандиозной проверки, будут и дальше, даже если этих проверок будет миллион. А почему – я, наверно, вам уже объяснил.

Мне кажется, я уже понял, что происходит: мы им мешаем, мы – афганцы, чернобыльцы, пенсионеры, малоимущие, многодетные... – всем народом мешаем им быть счастливыми. Если народ мешает счастью своих правителей, надо избавиться от такого народа. Я понимаю, что задача эта непростая, и решается она не вдруг. Но мы, молчаливые и покорные, так усердно помогаем им двигаться к счастью, что, я думаю, у них обязательно должно выйти хотя бы это. Пусть и не сразу.

МАРИНА СИМКИНА
Страна и я

Все сплелось

Все сплелось – европейские лица,
Эфиопская смуглая новь.
Здесь и в уличных кошках египетских
Пробивается русская кровь.
Все сплелось. И усилий не делаю –
Расплетётся, притрётся само.
Вспоминает рука право-левое,
Ей присущее древле письмо.
Сходны мимика и интонации,
Чем-то каждый прохожий знаком.
Не на мне ль завязались две нации
Хитроумным каким узелком?
Я почти узнаю значение
Незнакомых доныне слов –
Вспоминается речи строение,
Как обрывки пророческих снов.
Жду: прорвется и хлынет радостно,
Как вода в пересохший арык,
Архаический и ара́хисовый,
Вязко льнущий к гортани язык.

Небоскрёбы Тель-Авива

Небоскрёбы здесь пониже,
Потому что небо ближе:
Ведь от нас до Бога –
Перейти дорогу!

Туча

Небо, море, сосны и дома
Туча заключит в свои объятья,
Выжмет, вымучит себя сама
И на флюгере сушить развесит платье...

Таллину погладит жаркий лоб,
Балтике дыхание проверит
И, вздыхая, удалится, чтоб
Напоить наш жаждущий Кинерет.

Дельфинарий

Теракт при входе на дискотеку
«Дельфинарий» в Тель-Авиве

– Сколько лет тебе, девочка?
– Было шестнадцать.
– Как зовут тебя, милая?
– Вы слышите – плачут:
Больше не смогут
Меня дозваться.
– Прости, дорогая!..
А ты кто, мальчик?
Чем силён ты, что в жизни
Тобою намечено?
– Я не понял ещё.
Я общался с друзьями.
Мир увидеть хотел...
И учиться, конечно.
Я ещё не любил...
Вы поможете маме?

Неладно в Датском

Неладно в Датском... видно, ждать войны...
(Ответ Якову Соловейчику)

Неладно в Датском... Видно, ждать войны,
Опять велят менять противогазы.
Бежать от правды снова мы вольны,
Хоть чуем приближение заразы.

И вновь не верим, что придет беда.
Не то чтоб нам геройствовать охота,
А просто не уедешь никуда,
Когда повязан домом и работой.

На Шарике опять большой бардак.
Мир вновь глядит со злобой и опаской.
И крайних ищет, чтоб спустить собак
И спрятаться за карнавальной маской.

Мы снова у знакомого причала,
И та же музыка когда-то здесь звучала.

Одноклассникам – в контексте переписки

****

Мы, вроде, в условиях выросли схожих,
Да жизнь не вместилась в прокрустово ложе...

****

Есть те, что выбыли из жизни…
Есть те, кто «бай» сказал отчизне –
Мы разбрелись на целый свет,
Нас только в Африке и нет.

Не заметили

Как-то у народа отняли свободу.
И занервничал народ:
– Перекрыли кислород! Перекрыли воду!
Ни слова про свободу...

Шумно в шуме шумело бесшумное

Шумно в шуме шумело бесшумное...
Юрий Рапопорт

Все бесшумное в шуме шумело, и
В хоре статно смотрелось ничтожество,
И на нолик делилось все целое,
Хоть должно бы на ноль – только множиться.

Раскатали до остовов голеньких
Без стыда, без зазрения всякого –
До черта, до черты, до часовенки,
До последнего зёрнышка макова.

Ну и что? – Подлатают, подштопают,
Встроят код во все двери парадные
И, над ухом тряхнув позолотою,
Втянут в игры недобрые, ратные.

Звонок друга из Петербурга

Позвонил на днях Серёга.
Сразу, без обиняков,
Он спросил нас очень строго,
Мол, вы что там – без мозгов?

Я сижу в своей квартире,
Весь волненьем изошел.
Что вы там взорвали в Сирии?
Ай-я-яй, нехорошо!

Вам подглядывать не стыдно ли
Свысока в соседский двор?
Порох в бочках? Эт-вы выдумали,
А не пойман – так не вор.

Мы с друзьми офицерами
Понимаем толк в войне.
У Башара плохо с нервами,
Как вам даст – и прав вдвойне!

Лишь тебя мне жалко, дурочку,
Коль ракета долетит...

Эх, пойду-ка съем я курочку,
Разыгрался аппетит.

В. Н.

Сложи, Витёк, к витку виток,
попробуй рассказать Восток –
он им не близок, не далёк –
лишь звук, свисток…

Нам тот хорош, кто к нам хорош –
таких надолго не найдёшь:
Используй миг – иль пропадёшь,
ядрёна вошь…

Дрожит басовая струна,
ну что им объяснит она –
не насмотревшимся сполна
из нашего окна?

Хамит хамсина хмурый смог…
Ты выстоял, ты выжить смог,
и среди многих трудных строк
есть бодрая строка.

Пропой – пойдут дела на лад –
друзьям хоть парочку баллад,
из тех, которым сам ты рад –
под Бёрнса-Маршака…

На Загадочном Востоке

Ты очутилась на загадочном Востоке.
Ю. Рапопорт (Бостон)

На Загадочном Востоке
Бьет припадочный хамсин.
Хочет он подбить итоги
Жизни наших палестин.
Эти жаркие зефиры –
Жаль, совсем не пастила;
Не хотят соседи мира –
Им не жизнь, а смерть мила.

Я совсем не Нефертити,
Не особенных кровей,
Но в роду, как ни вертите,
Каждый первый – был еврей.
Не набьет хамсин оскому,
На душе уютно мне.
Я приехала – я дома
В этой пыльной стороне.

Вы ведь в Африке?..

Обрати внимание, как у Ахмадулиной перекликается с Газой: «Из Африки изъять и приручить арапа», вы ведь в Африке?
ЮРап (Ю. Рапопорт, Бостон)

«Из Африки изъять и приручить арапа»...
Так в чём тут аналогия для Рапа?
Ведь в Африке у нас – один лишь край,
давно откушенный (отдаденный) Синай.
А прочее земли разнообразие
Принадлежит, похоже, только Азии,
И то сползает медленно в Европу...

Кого мы приручили? Эфиопов? –
Своей колонией они живут, однако.
И их страшит моя беззлобная собака...

Не помню имени – один толковый есть,
Похож на Пушкина, и Пушкина прочесть
По-русски может, и его считает братом,
Что, впрочем, мало сходится по датам.

А остальных – я не сверяла мненья –
Покуда отделяют поколенья
От нашего цивильного пласта.

Хоть жизнь, конечно, очень непроста
И часто путает, на свой каприз,
Сгребая в кучу всё – и верх, и низ...
Увидишь дворника – коль он не эфиоп,
По-русски спрашивай дорогу, прямо в лоб.
Не ошибешься, не ответят на иврите...

Арапа приручили, говорите?

А с Газой – интересна перекличка...
Какой урод увидел в ней отмычку
От мира? И впустил туда заразу?
Естественно, лупить оттуда сразу
Нас начали. Ракеты и снаряды...
Перекликаемся – кому-то это надо.

Проблем с арабами (не через «*л*») не счесть.
Не будет мира. Будет «так, как есть!»

Переписка с Людмилой Кац[7]

****

Мы шли дорогою Исхода...
Людмила Кац

Я:

Нам дорога сама дорога-
Как обещание от Бога,
И, видимо, не в этом суть,
Придем ли мы куда-нибудь.

****

Мы на Земле обетованной
Живем, за пазухой у Бога,
Но льгот от этого немного,
И жизнь не балует нирваной...
Людмила Кац

Я:

Да черт с ней (Бог с ней?) с той нирваной.
Есть крыша, дом, санузел с ванной.
И есть на чем согреть обед –
Считаю, выполнен обет.

[7] Людмила Кац (Петах-Тиква) – поэт, член СРПИ. Кто не знаком – познакомьтесь: https://www.youtube.com/watch?v=z7FgNJDg41Y .

МИХАИЛ ЯЗМИР

Через талые воды

Мы – это геолого-поисковый отряд. Мы – это двое инженеров, двое техников, четверо рабочих, один конюх, четверо оленеводов, шесть завьючнных лошадей и два десятка загруженных оленей. Путь наш лежал на запад, к восточной границе отведенного нам участка – к притоку Гоуджекита Малой Бире. Стоит его перейти, и мы окажемся на своей площади работ.

Вдоль Тыи и Гоуджекита идет отличная торная тропа, и я не ожидал никаких препятствий на пути. Переходить надо было только через Малую Биру. Прошлой осенью я переходил через эту речку не замочив сапог. Надеялся, что и в этот раз перебрести ее – не составит труда.

Погода стояла дивная, солнечная, мы вдыхали крепкий смолистый сосновый запах и аромат цветущих трав. Двигались споро, животные завьючены крепко, седла и сбруя подогнаны хорошо. На протяжении всех двадцати километров пути остановки не требовалось.

Вот тропа прижалась к Гоуджекиту. Река прибыла и раскачивала залитый ею прибрежный кустарник. Она сверкала, была в пене и ревела, как несущийся рядом скорый поезд. Потом свернули налево к поросшей осинником приустьевой пойме Малой Биры…

Но что такое? Шум бегущей воды снова усилился и стал громоподобным! Через несколько десятков метров среди деревьев открылся коридор речки, и я не узнал ее! Малая Бира превратилась в пенистую, с высоким гребнем посредине, водную лавину и была устрашающей. Кто-то из ребят поднял небольшой гранитный валун и бросил его в воду, но тот не утонул, а был подхвачен стремительным потоком и, как щепка, унесен в Гоуджекит…

И речи не могло идти о том, чтобы пересечь эту речку вброд. А ведь на той стороне начинается закрепленная за нами площадь! Что делать?

Подошел бригадир оленеводов, Виктор.

– Михаиль, – обратился он ко мне, – тут стоять будем неделя, пока снег в горах не растает! Так я на охота пошель?

– Подожди, Виктор, положение надо обдумать, неделя для нас– это недопустимо долго, так что оленей пока не развьючивай.

Эвенк пожал плечами, но, ни слова не промолвив, отошел в сторону. Ситуация была неприятной. Столько усилий и затрат времени ушли на переход, и на тебе!

Как перебраться на ту сторону речки? Возможны, кажется, три варианта: Или перейти ее в истоке, или построить мост, или… или ждать до той поры, когда в горах растает снег и кончится паводок…

Я прошел метров пятьдесят вверх по течению в поисках возможного обхода, но наткнулся на совершенно непроходимый для лошадей крутой, поросший мелкими лиственницами склон со скалами и сползающими каменными глыбами. Лошади здесь не пройдут. Я вернулся обратно. Теперь оставался лишь вариант – мост. Надо было найти узкое место с высокими деревьями на берегу, чтобы перевалить их через речку.

Вместе с конюхом Жорой мы вышли на берег Малой Биры. Она гремела и ревела с такой силой, что заглушала все другие звуки. Приходилось кричать в ухо Жоре, чтобы он понял, о чем я говорю. А я приметил за узкой мелкой промоиной вполне доступный маленький каменистый островок, метра четыре в длину и метра два в ширину. На нем росла высоченная, метров пятнадцати, от земли раздвоенная, огромная осина. Она была похожа на гигантскую рогатку. Ее толщина в основании достигала метра, а после развилки каждый из двух стволов был чуть меньше полуметра в диаметре. Я показал ее Жоре.

– Эту осину, точнее, оба ее ствола можно обрушить на тот берег, предложил я, – но вот проблема – чем настелить полотно мостового перехода?

– Главное перебросить, а за остальное, Моисеич, не беспокойся – я не один такой мост ладил, и без гвоздей. А здесь – самое место. До островка легко перейти пешими. А от островка до левого берега всего-то каких-то пять-семь метров. Я согласен, Моисеич, и лесины добрые ты определил, и место ловкое.

Интересный этот человек, Жора, он же Гоша, – рыжеватый, худощавый, исполнительный и рассудительный. Лишь только месяц назад он, бывший бухгалтер, вышел из заключения за растрату. Как донес колхозный плановик, Гоша пострадал из-за неумеренных аппетитов красивой жены. А она, как только его посадили, сбежала с инженером рыбнадзора в Иркутск…

Жил он с матерью и дочкой, которую оставила ему его любвеобильная супруга. На работу по специальности в колхозе его не принимали, как пораженного в правах. Вот он и пристроился к нам на сезон. Я

почувствовал в нем глубокую, спрятанную за бухгалтерской рассудительностью, порядочность и полностью ему доверял.

Все! Решение принято – будем строить мост!

Как хорошо быть молодым и несведущим в строительных науках и административно-уголовных законах. Я и не подумал тогда о той ответственности, которую я брал на себя, принимая решение о строительстве моста без каких бы то ни было расчетов. Впрочем, и обстоятельства подстегивали…

Теперь Жора стал главным распорядителем. Кто-то уже снял с вьюка пилу, вынул топоры. Однако сначала требовалось свалить дерево в нужную сторону.

Подпилить и подрубить оба ствола правильно, сразу выше развилки, – эту работу Жора взял на себя. Вместе, двуручной пилой, мы косым, наклоненным к речке срезом, почти на три четверти подпилили сначала один из двух стволов. После этого Жора топором подрубил дерево со стороны реки ниже распила так, что подпиленная и подрубленная часть дерева удерживалась только на узком участке ненарушенной древесины…

Настал решающий момент. Гоша встал, попросил всех отойти и нажал на ствол… Этого, по сути, слабого давления оказалось достаточным, чтобы огромный ствол, ломая по пути толстые сучья, с грохотом повалился через речку на другую ее сторону и повис над бурным потоком между двумя берегами.

После первого ствола наступила очередь второго. Он рухнул на тот берег так же, как первый, однако, несколько наискось, и тоже повис над рекой. Сучья и ветки, которые торчали книзу от стволов, погрузились в пенные волны и их дрожь передавалась осинам.

Следующей задачей было очистить стволы от сучьев и уложить их параллельно один к другому. Нужно было протянуть капроновый предохранительный трос над одним из стволов между берегами для того, чтобы было за что держаться при переходе с одного берега на другой, как гарантию от падения.

Доверить доставку троса на другой берег одному из рабочих я не мог – любое неосторожное движение на качающемся суковатом стволе могло привести к падению человека в ледяную бешеную воду. Вряд ли можно было в этом случае вытащить его живым. Значит, надо идти самому. Я верил в свои силы, в свою ловкость. Мне было двадцать семь, я был молод и энергичен!

Один конец капроновой спасательной веревки я привязал к стволу растущей на берегу лиственницы, а второй – к моему ремню на поясе, и тронулся в путь по поверженному дереву…

Здоровенные живые, осененные листьями, ветви мешали движению и в то же время представляли собою единственную опору, на которую я мог положиться, пробираясь по стволу. Уже через метр моего медленного движения я оказался над несущейся водой. Сучья, уходившие вниз, вспарывали поток и создавали впечатление того, что мы вместе со стволом стремительно несемся вверх по течению…

Вниз не следовало смотреть, но и не смотреть было невозможно, чтобы наступать туда, куда следует. Качка была какой-то неравномерной. Видимо, прерывистой была сама мощь стремнины…

Вот подо мной уже грязно-пенистая водяная грива. Она почти касается ствола. Ее брызги временами достигают сапог…

Два здоровенных сука тесно прилепились один к другому и торчат от ствола вертикально вверх. Как их обойти? Медленно извиваясь, протиснул между ними правую ногу и нащупал ступней свободную поверхность коры. Теперь осторожно перенес тяжесть своего тела на правую ногу и одновременно протиснулся между ветвями сам. Все мышцы в этом осторожном, медленном движении предельно напряглись. Я в поту, ноги дрожат. Какие-то полминуты показались вечностью… Но вот я уже обошел сучья.

Впереди – сравнительно чистый ствол, так как ветви в этом месте были обращены только в стороны и вниз к воде. Но теперь и держаться не за что! Окунувшиеся в поток, нижние ветви раскачивают ствол. Рассчитывать на свое чувство баланса, поэтому, не приходится. Делать нечего, сажусь на ствол, как на седло, и, опираясь руками, начинаю скользящими толчками передвигаться по шершавой коре на заднице, подтягивая за собой веревку, которая порядком мешает и затрудняет движение…

Вот подо мной уже галечник левого берега. Спрыгиваю на него и тащу к ближайшей сосне конец веревки. Я туго натягиваю его и обматываю вокруг ствола дерева, теперь уже на левом берегу, в качестве веревочного леера…

Придерживаясь за это импровизированное перило, по поваленному дереву ко мне на помощь перебираются Гоша и другие ребята.

Общими усилиями мы растаскали оба тяжеленных ствола так, чтобы они лежали над речкой параллельно друг другу. На правый берег, после

этого, возвращаемся по моему бревну, придерживаясь за веревочное перило…

– Теперь, парни, – указал Жора, – берите топоры, ножи и нарубите мне двухметровых жердей из молодых лиственных десяти сантиметров в диаметре! Только аккуратно чистите стволы от веток! – добавил он.

Эти деревья густо росли тут же, на узкой терраске прямо над ручьем. За работу принялись без задержек. Сам Гоша, оседлав сначала один ствол, а потом и другой, принялся очищать их верхние поверхности от сучьев, зачищать на них ровные горизонтальные площадки для установки подготовленных жердей.

Затем он сноровисто вырубил топориком из одной из переданных ему жердей с десяток клиньев, два из которых он тут же вбил по краям обоих стволов. От этих клиньев он начал класть жердевый настил. Чтобы круглая жердь не вращалась, он стесывал ее по краям, что позволяло плотно приложить жердь на обтесанную поверхность несущих бревен.

Для ускорения работ образовали конвейер: двое валили нужного размера лиственницы, двое чистили их от веток и передавали Гоше. Он подтесывал края жердей и укладывал их на стволы, постепенно передвигаясь по готовому настилу в сторону левого берега…

Жердевый мост вырастал на глазах. Уже к ужину Гоша забил последние клинья в осиновые стволы так, чтобы жерди не могли сдвинуться со своих мест. Под конец, он придавил их сверху по краям моста длинными продольными жердями, которые привязал к несущим бревнам ивовыми прутьями. Мост – без единого гвоздя, с крепким, по сути, бревенчатым настилом – был готов!

Шангин, который в течение последнего часа молча наблюдал за строительством, взошел вместе с остальными ребятами на свежесрубленный мост, который подрагивал под влиянием оставленных в потоке нижних сучьев, вибрировавших под бешенным напором речки.

– Олени не пройдут. Это не мост, – заявил он.

– А если пройдут кони – это не убедит тебя в прочности моста? – спросил я его.

– Если кони пройдут, то и ми с оленями пойдем, – коротко ответил он и пошел к оленям. Однако через некоторое время он вернулся, чтобы понаблюдать за проходом по мосту тяжело нагруженных лошадей.

Я прошелся по мосту. Он выглядел очень основательным. Мои кирзовые сапоги стучали по нему гулко. Все было плотным, ни одна жердь не вихлялась. Подошел Гоша.

– Ну, что, Моисеич, почнем?

– Давай, Гоша, ты и ребята поведете лошадей в поводу, по одному, ты первым. Шангин с оленями двинется за вами.

– Да я уже готов. Кони стоят под вьюками. Так что? С богом?

– Давай, с богом…

И лошади, каждая из которых весила вместе с поклажей больше полтонны, пошли по одной, следуя за ребятами. Они степенно стучали по настилу, и мост в ответ только гудел, но не прогнулся, не развалился! Вот прошла одна, вторая… Вот они, а за ними рабочие и инженеры уже поднимаются по тропе на высокую террасу на том берегу. Только теперь торопливо забарабанили по настилу олени, которых вел Шангин и женщины-оленеводы…

За ними и я с удовлетворением прошел по гулкому мосту над ревущим потоком и поднялся на левый берег. Здесь раскрылась широкая терраса, образующая обрывистый мыс между ревущими внизу Малой Бирой и Гоуджекитом. Спокойное ровное, чистое, выстланное светло-желтым ягелем, место с поросшими на нем редкими медовыми колоннами сосняка. Отличное место для лагеря… К тому же здесь, недалеко от береговой бровки, на просторной, продуваемой ветром поляне, стоял старый остов эвенкийского чума.

Я подошел к Шангину.

– Пожалуй, теперь, Виктор, ты можешь отправляться на охоту! В оленях сейчас нужды нет…– Виктор издал какой-то неопределенный звук, нечто, вроде «и-и-ти», но на мой недоуменный взгляд ничего не ответил и пошел помогать своим женщинам натягивать брезент на жерди старого остова…

Солнце уже задевало за острые пики Байкальского хребта и нам всем нужно было торопиться с устройством ночлега.

Пока устроились, наступили светлые северные сумерки, когда усталые путешественники наконец собрались вокруг костра к позднему ужину.

Виктор ушел на охоту, оленеводы в своем чуме уже спали. Спали и свернувшиеся в клубок эвенкийские собаки. Только геологи не могли пойти спать, довольные преодолением коварной речки и очарованные утихающими к ночи звуками сливающихся рек и горным пейзажем в волшебном свете взошедшей полной луны…

Судьба нашего моста была счастливой. Он простоял еще несколько лет и им пользовались и геологи, и рыбаки, и охотники, и лесники. И только в начале шестидесятых он был унесен в Гоуджекит особо большим паводком.

Беглец

– Это ви скушаль олень! – заявил мне наш оленевод Виктор, когда мы вечером следующего дня вернулись из двухдневного маршрута.

– Еще чего? – возразил я и спросил: – Что случилось, пока нас не было в лагере?

– Вчера утром я недосчиталь один олень.

– Ну и что?

– И ви ушли в лес. Вот я решиль – это ви забраль олень.

– Это чепуха – нам твой олень нужен не для еды, а для переноски тяжестей. И я могу сказать, что это вы слопали оленя, пока нас не было…

Уже ночью, когда я залез в спальный мешок и прокручивал перед сном в уме то, что произошло за день, я вспомнил и об этом злополучном олене.

Это был какой-то олень-недомерок. Он еще не вылинял, и его шерсть к осени висела на рогах грязно-серыми клочьями. Вьючок он носил небольшой, по причине слабосильности. Вряд ли съели его оленеводы. Виктор регулярно охотился и всегда был с добычей. Эвенки в мясе не нуждались.

Что же произошло? Убежал? Почему? Я внимательно следил за бытом и привычками оленеводов, ловко использующих повадки оленей для управления своим рогатым стадом. Олени – выгодные животные: они и себя кормят и одевают, и людей возят! А получают взамен только защиту от хищников и, временами, соль. Вот и все!

И олени не тянутся к людям, как другие домашние животные. Поэтому, чтобы те не разбежались, эвенки отпускают их на кормежку по очереди: привязывают самок, когда кормятся самцы – те непременно вернутся к оленихам. Привязывают и оленят – отпущенные на свободу самки без них не убегут!..

А тот – ушедший – олень, видно, пошел на поиски свободной самки к диким сородичам, которые кочуют по высокогорной тундре на вершинах прибайкальских гольцов. Но какой будет его участь? Скоро вершины

гольцов покроют снега, и олени спустятся в тайгу. А здесь их будут ждать медведи и волки. Невеселую он выбрал себе судьбу…

***

С того времени прошел год, и в 1959-м мы снова встретились с Виктором. Он пришел с арендованными нами колхозными оленями, и весь сезон мы кочевали в северной части Байкальского хребта. Только в начале августа вышли к верховьям горной реки Неручанды.

Это было прекрасное время: маршруты через горы, маршруты вдоль глубоких ущелий, расшифровка запутанной последовательности древних пород. И открытия, открытия, открытия. Нас постоянно, на каждом шагу, сопровождали встречи – с живой природой: с медведями, лосями, изюбрями, кабарожками[8], соболями, змеями, белками, бурундуками; и с неживой: сочетаниями минералов, рисунками пластов и куполами остывших магм… Хорошо быть молодым и любопытным! И вот что – за все лето никогда не вспоминали того бедолажного оленя, который ушел от оленеводов…

На сей раз, с тяжелыми рюкзаками, усталые и голодные, спускались мы после маршрута с гольца. Стал накрапывать дождик. Шли гуськом, приминая траву. За нами стелилась узкая дорожка, протоптанная среди намокшей зелени.

– Смотрите, смотрите! – обратил я внимание товарищей на большие округлые вдавления примятой травы под соснами. Гоша подошел поближе и воскликнул:

– Это была медведица с медвежатами! Лежки еще сухие – дождик не успел намочить. Медведи ушли минуты назад. Видно, услышали нас! Хорошо, что идем по ветру, они нас зачуяли и подались в сторону – поэтому мы и не столкнулись. Нужно двигаться осторожнее и смотреть в оба.

К Неручанде подошли без приключений, уже на закате. До лагеря оставалось всего около сотни метров, когда Стасик сбросил с плеча винтовку и предостерегающе махнул рукой. Мы остановились как вкопанные. Сквозь еловый подлесок виднелось серое туловище мохнатого животного. Стасик взвел затвор – от его звука животное резко

[8] Кабарожка (кабарга) – небольшое азиатское и сибирское парнокопытное животное, похожее на косулю. Отличия: отсутствие рогов, длинная шерсть, острые клыки у самцов.

вздрогнуло, и мы услышали характерный звон ботала – жестяного колокольчика, который оленеводы вешают на шею своих оленей.

Да, это был олень – тот самый бедолажный олень, который в прошлом году удрал от Виктора! На нем осталась даже приметная красная повязка.

Удивительно, нам не пришлось его ловить! Он сам пошел вслед за нами до самого лагеря и, когда мы вошли в него, то поняли причину покорности животного – соль!

Оленеводы в эти минуты угощали своих рогатых помощников солью! И встреченный нами олень, брякая боталом, тоже вступил в круг собратьев, и принялся жадно лизать насыпанные на ягель крупицы…

Значит, может домашний олень прожить без человека! По крайней мере, этот, наш – кочевал где-то в одиночку, а где-то с диким стадом, или с отбившимися холостяками.

Целый год! Целый год он сумел избежать волчьих зубов и медвежьих объятий. В зимнее время уходил он, наверное, копытить ягель в тайгу на правобережье Лены, а к лету убегал от гнуса на ветерок высокогорья Байкальского хребта. Видно, скучал он по своим одомашненным сородичам и вкусу настоящей соли. Не очень богатое воображение и мечты…

ИРИНА ЛИР-ЛАВИ

Новости по вентилятору

Старая Голда стояла перед раскрытым одежным шкафом и раздумывала, что-же ей сегодня надеть. Повод был особенный, да еще тройственный, – сегодня внучка с мужем пригласили ее к себе показать трехнедельную правнучку, их новую квартиру и отметить вместе последний из осенних праздников – Симхат Тора. В этом году он к тому же выпал на субботу.

Вообще-то внуки не особенно баловали Голду своим вниманием: иногда звонили, пару раз в год – на Рош Ашана и Пейсах – она видела их на общих праздничных застольях у сына с невесткой, где внуки считали своим долгом появиться. Остальные праздники они проводили в своей молодежной компании, присылая на вотсап родителям и бабушке стандартные открытки и смайлики.

«Они с утра до ночи заняты в своем стартапе. Мы тоже их почти не видим», – утешал Голду сын.

Сын приезжал к ней всегда в конце недели, привозил продукты из магазина и что-то домашнее, сделанное его женой. Смеясь, говорил: «Это мэйд ин Лина. Меняю полную посуду на пустую предыдущего заезда». Потом они долго сидели вместе, пили мятный чай с пирогом, беседовали. Она была счастлива. У него это называлось «родительский день».

Когда-то, всего несколько лет назад, они вот так сиживали втроем. Но муж Голды ушел, еще успев на свадьбу внучки, но уже не дождавшись правнуков. Впрочем, это и так было много больше того, к чему они всю жизнь готовились. «У меня врожденный порок сердца. Никто не знает, сколько оно еще простучит», – сказал он ей, когда она сделала ему предложение. Да-да, именно она ему, а не наоборот. «Сколько успеем, столько наше», – ответила ему тогда Голда. Она любила и была согласна хоть на сколько-то. Она не могла, не хотела отступать.

Познакомились они в музыкальной академии, где она, оперная певица, преподавала вокал и вела ежегодные концерты студентов-выпускников. Она обратила внимание на молодого человека в первом ряду, странно замершего в напряженной позе и смотрящего на сцену каким-то отсутствующим взглядом. Казалось, он впитывает звуки всем своим существом и вглядывается в одному ему видимые картины. С тех пор она

начала замечать его на многих концертах и постановках в академии и всегда поражалась его манере слушать музыку. Хотелось познакомиться, узнать кто он. Оказалось – переводчик технической литературы и документации. Английский, немецкий, французский, итальянский, румынский, русский, иврит. И еще – знаток музыки и обладатель абсолютного музыкального слуха.

…Звонок телефона отвлек Голду от созерцания содержимого шкафа.

– Мы заедем за тобой через час, – сказал мобильник голосом сына. – Будь полностью готова. От тебя к ним ехать еще сорок минут, а в дороге возможны задержки. Ты же знаешь, эти хайтековцы не любят, когда опаздывают.

– Они правы. Я тоже всегда требовала, чтобы концерты начинались вовремя, – поддержала внуков Голда.

***

Новая обитель внуков находилась в недавно построенном жилом микрорайоне, преимущественно населенном семьями работников хайтека. С балконов домов первой линии открывался живописный вид на научно-промышленный парк, расположенный напротив, по другую сторону шоссе.

– Дорогие мои, вот мы уже приветствуем вас втроем, – сказала внучка, держа на одной руке малышку в розовом комбинезоне и белом чепчике, а второй обнимая по очереди родителей и бабушку.

– Познакомьтесь – это Рина, наш новый член семьи. Вес при рождении три пятьсот, рост 52 см. В нашем коллективе успешно совмещает сразу три должности – дочки, внучки и правнучки, – пошутил муж внучки, изображая начальника, представляющего коллективу нового сотрудника.

А потом хозяева повели гостей показывать свой так называемый «умный дом».

– Умный дом – это система домашней автоматизации, которая позволяет выполнять повседневную работу без участия человека. Управляется дистанционно с помощью голосовых команд, мобильного приложения или гаджетов, – начал муж внучки тоном академического лектора.

– Слушай, может быть, ты просто нормальным языком расскажешь, чем ваш дом так уж хорош? Мы как-то и своим глупым вполне довольны, – прервала его свекровь.

– Мама, все очень просто. Мы связали бытовую технику, энергоснабжение и воду общей электроникой, в результате стало удобнее, проще и безопаснее жить, – вмешалась внучка Голды. – Теперь дом сам управляет освещением, кондиционерами, стиркой, уборкой, посудомойкой, мультиваркой, духовкой и еще чем хочешь так, как нам удобно. Приходишь с работы, и все уже готово. А если захотелось что-то поменять, то можно это сделать в любой момент прямо с работы или откуда угодно. Просто нажать на кнопку или даже голосом.

– А что ты про безопасность говорила? – заинтересовался сын Голды.

– Замок входной двери электронный, знает нас лично. Ключ не нужен, достаточно приложить ладошку. Есть постоянное видеонаблюдение с записью, датчики движения и протечек. Например, удобно из любой точки дома следить за ребенком в детской. Даже находясь вне дома, мы будем видеть, как он тут с няней. Если нужно, дом умеет имитировать присутствие хозяев, поднимая и опуская шторы, включая-выключая свет и радио. А если все-таки кто-то попытается залезть, то сработают отпугивающая сирена и световая сигнализация, а мы и служба охраны одновременно получим сообщение. При протечке система сама перекроет воду. Датчики задымления и возгорания тоже начеку, и при необходимости нас известят.

– Просто какой-то космический корабль, а не дом, – сказала Голда. – В наше время жизнь проще была. Из техники были плита, холодильник и вентилятор. Потом появились телевизор, транзистор и телефон. Никакой проблемы не было включать и выключать по мере надобности.

– Для этого нужно было самим быть дома. А если дом умный, то можно это делать с дороги, с работы и вообще откуда хочешь, – напомнил Голде ее сын.

– Да не нужен мне работающий вентилятор и все другое, когда меня дома нет. Только холодильник постоянно включен и сам размораживается, когда ему нужно. А то, что у вас все связано, это как раз опасно. Если центр управления откажет, то всё парализует. И обычный ключ все-таки надежней вашей электроники. Лучше, когда все работает по отдельности, – сказала Голда.

– Помню-помню, – рассмеялся сын. – Когда в телефонах только появились автоответчики, ходил такой анекдот. Один приятель звонит другому, того нет дома. В телефоне что-то щелкает и звучит голос: «Здравствуйте. Хозяев сейчас нет. Автоответчик на профилактике. Я –

холодильник. Вы можете оставить свое сообщение. Я заморожу его до прихода хозяев, а микроволновка потом разогреет».

– А в моем школьном детстве ходил вот такой анекдот, – подхватила Голда. – Два соседа разговаривают по телефону. Один говорит: «Зайди ко мне, покажу что-то интересное». Второй отвечает: «Сейчас не могу. Я говорю из самолета. Лечу в Париж».

– Ну и что такого? – в один голос недоуменно спросили внучка с мужем.

– Ну да, вы уже не понимаете. Живете в другое время и в другой стране, – улыбнулась невестка. – А для наших родителей такая фраза была дважды смешна, потому что вдвойне абсурдна. Даже в моем школьном детстве сотовая связь была для нас выдумкой отчаянных фантазеров. А уж позвонить из дому приятелю в самолет казалась просто бредом. Сотовые телефоны появились у людей только в начале 1990-х годов и то как очень дорогая и элитарная услуга.

– А выехать за границу простому советскому гражданину было очень непросто, даже в социалистическую страну. А в капиталистическую – почти нереально. Разве что в мечтах. Это называлось «граница на замке», и власть учила народ, что так правильно. Мол, защищает от внешних врагов. Уже в детских садах детям внушали, что непроницаемая граница – это хорошо, – пустилась объяснять Голда.

– Как же вы выжили? – спросил муж внучки.

– Понимаешь, столько было жизненно важных проблем, что на их фоне невозможность самим посмотреть Европу меньше беспокоила. Хотелось, конечно, но знали, что нельзя, – ответила Голда. – А про мобильную связь даже не думали. Стационарные домашние телефоны далеко не в каждой квартире были. А когда их массово ставить начали, мы счастливы были. Теперь каждый мог запросто позвонить любому в своем городе.

– Почему только в своем? – опять почти хором спросили удивленные внучка и ее муж.

– Чтобы связаться с абонентом в другом городе, нужно было через телефонистку заказать междугородний разговор и ждать, когда дадут. Обычно в течение часа, а бывало, и много часов ждали, – объяснила Голда.

– А в другую страну? – недоверчиво спросил муж внучки.

– Да не звонили мы заграницу! – воскликнула Голда. – Не было ни такой возможности, ни потребности. Не должно было быть у простого лояльного советского гражданина ничего за границей, даже родственников.

Большими неприятностями это грозило. И за очень-очень редким исключением, ни у кого ничего за границей действительно не было. А если что-то где-то, то это от всех скрывали.

– Фраза писателя-юмориста Жванецкого «Мне в Париж, по делу, срочно» вызывала гомерический хохот. Или вот тоже его: «За границей бываю редко, в основном, на танке», – вставила невестка.

– Звучит как страшная сказка, – пожал плечами муж внучки.

– Нет, к сожалению, это не сказка. Такой режим до середины восьмидесятых продержался. А потом, в «перестройку», многое изменилось. Иначе алия девяностых, скорее всего, вообще бы не состоялась. И я бы сейчас тут с вами не сидела, – ответила невестка.

– Меня бы тогда вообще не было, и моей девочки тоже. Страшно думать, что от чего в жизни зависит, – поежилась внучка.

– А не думать вредно, – отозвался ее муж.

– Люстра у вас красивая, – отметила Голда, меняя тему и указывая на потолок в гостиной.

– Эта штука называется «умный фэндельер-комбайн». Бесшумный потолочный вентилятор-светильник со встроенной камерой, микрофоном, экраном и поддержкой Wi-Fi. Разработка нашей фирмы для облегчения жизни людей с ограниченной подвижностью – инвалидов, стариков и лежачих больных. Позволяет без посторонней помощи адаптировать окружающее пространство в соответствии с личными потребностями. Моя идея, – отозвался муж внучки и охотно пустился в объяснения:

– Управляется голосом или простым нажатием на пульте дистанционного управления. Есть также функция автоматического включения и выключения освещения и вентиляции по расписанию. Вентилятор имеет шесть уровней интенсивности обдува и может менять направление потока с нисходящего на восходящий и обратно. А когда обдув не нужен, лопасти сами прячутся. Яркость и цветность освещения, разумеется, тоже регулируются. А встроенный Wi-Fi позволяет слушать радио, воспроизводить музыкальные и голосовые записи, делать аудио- и видеозвонки, получать сообщения. Например, прямо из кровати или кресла можно связаться с врачом, сделать заказ в магазине, узнать новости, включить себе любую музыку, фильм или лекцию, повидаться и поговорить с друзьями.

– Так связаться можно и по мобильному телефону, – сказала невестка.

– Телефон нужно вовремя заряжать и держать при себе зарядное устройство. Для лежачего это бывает затруднительно. Так, если зарядник упал или куда-то задевался, беспомощный человек остается без связи. А фэндельер подключен стационарно. Его заряжать не нужно.

– Да это вообще для всех полезная штука в смысле здоровья и удобная в смысле индивидуального отдыха, – добавила внучка.

– Это как? – не поняла Голда.

– Светофильтры позволяют увеличивать или уменьшать синюю, зеленую или красную компоненту белого света в течение дня в соответствии с биоритмами человека. Можно запрограммировать изменение холодного света на теплый по индивидуальному расписанию. Это стимулирует активность в рабочее время, расслабление вечером и позволяет легко заснуть ночью.

– А про отдых? – напомнила Голда.

– Можно запросто создать себе индивидуальный сценарий расслабления в 3D-формате. Например, организовать шум морского прибоя с обдуванием легким бризом и просмотром любимых фото рассветов или закатов. А можно снежную вьюгу с воем и порывами ветра. Или осенний ветер с шелестом листопада. Да что угодно в меру собственной фантазии, хоть концерт со светомузыкой по настроению. И еще что-то параллельно можно делать.

– Музыку мы больше живую ценили, – заметила Голда. – Поход в театр или в филармонию был праздником, хотя пластинки с записями у нас тоже были. Светомузыка дома по вентилятору между делом – это как-то слишком прагматично. И живой звук этот агрегат наверняка искажает.

– Мы не меломаны. Нас устраивают записи дома или по ходу в машине. Не нужно тратить отдельное время. А живые мы предпочитаем новости, – холодно ответил ей муж внучки. Ему уже начинала надоедать эта старуха с ее припевом «а вот в наше время…»

– Кстати, давайте послушаем, что хорошего передают. Праздник же, – предложила Голда, уловив его настроение.

– Да-да, покажите вашу чудо-машину в действии, – поддержал ее сын.

– Расскажи нам последние новости. Под легкий бриз и теплый свет, пожалуйста, – обратилась внучка к потолку.

Гостиную залило мягким светом, из люстры бесшумно выдвинулись лопасти и тут же превратились в почти прозрачный диск, приятный ветерок

пошел по комнате и зазвучали позывные армейской радиостанции «Галей ЦАХАЛ».

«Экстренное сообщение. Проникновение боевиков из сектора Газа на территорию Израиля. Юг страны под обстрелом. Приграничные посёлки и кибуцы превращаются в поле боя. Террористы идут по улицам и домам. Жгут и убивают. Массовые жертвы. Взрывы, большие пожары и разрушения», – взволнованно сообщил фэндельер.

– Переключи на другой канал, – с трудом проговорила внучка.

И радиостанция «Кан» передала репортажи военных корреспондентов, а также эмоциональные свидетельства жителей и очевидцев о горящих домах, людях в подвалах, множестве зверски убитых и раненых. Далее следовали просьбы к слушателям избегать поездок в зоны поражения и указания о закрытии дорог.

Муж внучки схватил свой мобильный телефон и связался со своим армейским начальником: «Командир, что происходит?»

– Нападение газовиков на юг страны и на фестиваль в западном Негеве. Много погибших, раненых, и большие разрушения. Война будет. Уже, фактически, – ответил тот.

– Я через два часа могу быть на базе, – предложил муж внучки.

– Приказа о мобилизации пока нет, – ответил начальник.

– Будет. Я еду, – сказал муж внучки в телефон.

И тут с потолка раздался звонок.

– Что у нас случилось? Я сейчас в Париже по делу. В новостях такое передают, – обеспокоенно спросил армейский приятель хозяев дома.

– Прорыв забора на юге и разбой в кибуцах. Есть погибшие. Много. Война, – ответила внучка, отчаянно стараясь собраться с силами.

– Значит, правильно я сразу в Орли махнул. Вылетаю. Из Бен-Гуриона прямо на базу поеду, – сообщил голос из фэндельера.

– Слышишь, приказа о мобилизации почему-то нет, – сказал муж внучки.

– Не меняет. Мы и так знаем, что делать. У штабных, небось, балаган. Время сейчас дорогое, – ответил голос. – Послушай, ты моей жене пока ничего не говори. Пусть думает, что я еще в Париже.

Фэндельер и мобильные телефоны звонили раз за разом, исправно проводя внутригородские, междугородние и международные переговоры. Связывали сослуживцев по работе и по армии.

«… Да, погром на юге. На фестивале и в кибуцах. Много погибших и раненых. – … Да, война начинается. – … Нет, приказа о мобилизации нет. Не знаю почему. – … Я на базу собираюсь…» И в ответ неизменное: «Еду, лечу, буду…» Задержка приказа о мобилизации людей не останавливала, однако вызывала, мягко говоря, большое недоумение.

– Я тоже поеду в мою часть, – сказал сын Голды.

– Тебя по возрасту уже демобилизовали даже из резерва, а перед этим на сборы уже не призывали, – напомнила невестка и перехватила растерянный взгляд мужа.

– Меня освободили от обязанности, но право защищать свою страну у меня должно быть, – задумчиво протянул он. Потом решительно добавил:

– Я все равно поеду. Я найду что полезного делать.

– Я подвезу. Вашу машину и вторую нашу оставим женщинам. Их трое и ребенок. Только Всевышний знает, что будет. И еще: наденешь мои запасные армейские брюки и ботинки. В шортах и сандалиях много не навоюешь, – распорядился муж внучки.

– Слушаю, командир, – совершенно серьезно ответил сын Голды, уже переключившись на военный регистр. Зять был старше по званию, а его приказы вполне разумны.

Мужчины ушли, оставив трех женщин в напряженной тишине. Из детской послышался плач, и внучка ушла кормить. Потом вышла и сказала:

– Я не могу тут так сидеть. Поеду к себе в часть.

– Ты что? Ты уже отслужила свою срочную. И даже на сверхсрочную дважды оставалась. Сейчас ты демобилизованная замужняя женщина и кормящая мать. Ты за ребенка отвечаешь, – строго сказала невестка.

– Я же не в боевых частях, а в войсках гражданской обороны. Работа на базе. Обеспечивать связь и координацию действий подразделений. Сейчас особенно много такой нагрузки. Там девочки наверняка зашиваются. А мне отсюда всего полчаса на машине.

– Ты в своем уме? Тебе каждые три часа ребенка кормить! – воскликнула невестка.

– Возьму Рину с собой, – ответила внучка.

– Ребенку еще месяца нет. Иммунитет слабый. Она же там любой вирус поймает, – возмутилась невестка.

– Вообще-то, по нашему обычаю, в первый месяц жизни ребенка мать никуда с ним не ходит, сама тоже по возможности не шастает, и гости в

дом не приходят. Именно для того, чтобы он хоть сколько-то окреп и не подхватил инфекцию, – добавила Голда.

Внучка молча ушла в детскую, но вскоре опять появилась на пороге гостиной. Решительно сказала своей маме:

– Я позвонила на базу. Я там нужна. А ты выбирай: либо я беру Рину с собой, либо ты привезешь ее мне на кормление.

– Привезу. И буду возить каждые три часа. Но ты преступно рискуешь, – в отчаянии согласилась невестка.

Внучка собралась и, представив замку входной двери своих маму и бабушку, ушла. В комнате повисло тревожное молчание. Стало слышно, как под окном зашуршали шины по асфальту. Невестка отрешенно встала, подошла к окну, потом зашла в детскую, посмотрела на спящую малышку, постояла и опять вернулась к окну.

– Сядь и успокойся. Это свыше, – сказала Голда.

– Все-таки я должна была ее отговорить, – промолвила невестка.

– Это было невозможно. Ты же видела. Это у нее породное, – ответила Голда.

Невестка вопросительно посмотрела на нее.

– Моя бабка во время кишиневского погрома тоже молодой матерью была, – начала рассказывать Голда. – Они на одной стороне города жили, а погромщики с другой начали. Оттуда к моему деду прибежал мальчонка-родственник, крикнул, что погром сюда направляется, уходить надо. Дед крикнул жене, чтобы собрала ребенка и что-то самое необходимое, а сам бросился лошадь запрягать и подводу выводить. А бабушка моя первенца своего трехмесячного простыней к себе привязала и вместо сборов бросилась соседей оповещать. Муж пытался ее остановить, а когда увидел, что это невозможно, бросился в другую сторону, тоже по соседям. Пока они всех оббежали, пока сами собрались и выехали, дорога уже была запружена беженцами. Не проехать. А орда погромщиков, озверевшая от крови и безнаказанности, уже обступает, скалится и вопит. Еле выбрались.

– Да, чудом спаслись, – сказала невестка.

– Нет, не чудом, – возразила ей Голда. – Великое дело они делали. Людей спасали. Вот Всевышний их и защитил.

– Могу тебе еще рассказать из семейной истории, – продолжила Голда, помолчав. – Свекровь моя, которая, как ты сама понимаешь, твоей дочке прабабкой приходится, прямо из-под носа петлюровских погромщиков пятерых детей вывезла, троих своих и двоих соседских. Маковым отваром

их опоила, одеялами в телеге забросала, сама цыганкой нарядилась и выехала прямо навстречу беснующейся толпе. Кричала, что тифозных везет. Скажите ей, где тут доктор. От нее шарахались. Кому охота тифом заболеть? Много его тогда в округе было, и многие умирали.

– Так это было в прошлом веке в другой стране, – возразила невестка.

– Хочешь про «здесь и недавно»? – спросила Голда. – Могу. Да ты и сама знаешь, какой народ у нас отзывчивый и как умеет вставать в тяжелый час. Кто воевать не может, всё равно старается что-то полезное делать.

Невестка промолчала.

– Так вот, – продолжила Голда, – в Войну Судного дня мой муж, которого навсегда освободили от службы еще в призывном возрасте, сам пошел на прием к военкому. Сказал, что хоть он и больной-сердечник, но пригодиться может, поскольку много языков знает, профессиональный переводчик, и еще музыкальный слух есть. Военком тут же куда-то позвонил и телефонную трубку мужу передал. Взяли его в серьезный отдел, он там какие-то передачи и записи слушал. Благодарности от командования получал. И после той войны еще много лет к нему то и дело обращались. Он всегда с радостью помогал. Говорил мне: «Видишь, опять зовут. Значит от меня тоже есть толк». А я пошла в госпиталь санитаркой, потому как военной специальности у меня не было и нет. Добровольно двенадцатичасовые смены брала. Молодая была, силы были. Еще тебе рассказать?

Невестка рассеянно кивнула. Она думала о дочке, и ей было очень страшно. Хотелось надеяться, что та уже благополучно добралась до базы. Хотелось думать, что там безопасно.

– Ладно, вот тебе еще один военный пример, – сказала Голда, вновь тщетно пытаясь очередным рассказом приглушить свое волнение. – У нас в районе был частный детский сад. Его хозяйка объявила, что в войну у нее для военнослужащих и работающих на армию открыто круглосуточно и бесплатно. Можно приводить и забирать детей в любое время. Многих матерей это тогда сильно выручило. Всем нелегко сочетать материнские и бытовые заботы, тем более еще и с военной нагрузкой. А были и такие женщины, на которых к тому-же семейный бизнес свалился, когда муж на фронт ушел. Тоже старались тянуть, если характер бизнеса позволял.

Голда замолчала. Невестка не шелохнулась, уставившись куда-то в угол. Электронное табло микроволновки равнодушно меняло цифры, отражая ход времени. Сам собой отключился кондиционер, решив, что

температура уже стабильно комфортная. Солнце заглянуло в комнату, и опустились жалюзи. Из-под шкафа выполз робот-пылесос и начал уборку. Умный дом жил своей жизнью. Ему не было дела до людских несчастий. Ему вообще не нужны были люди.

– Странно как-то у нас получается, – проговорила невестка, выйдя из оцепенения, – связь всё совершенствуется: от нарочных гонцов и почтовых голубей через телеграф-радио-телефон-телевизор-компьютер-мобильник вот уже до говорящей помеси вентилятора с люстрой дошли. Дома наши теперь такие умные, что людям нужно учиться в них жить. Страна у нас наконец-то своя, независимая. Армия есть, полиция. Наука передовая, всему миру технологии даём. А новость всё та же: «Вставайте, люди! Погром идет!»

Голда молча пожала плечами и развела руками, мол, с этим не к ней.

– Пожалуй, я раньше поеду. На дороге и в мирное время что угодно может задержать, а сейчас тем более. Заслоны и проверки стоят, а ребенка все равно нужно вовремя кормить. Если раньше времени доберусь, то посижу на базе. Авось тоже зачем-нибудь там пригожусь, – решила невестка.

– Я здесь буду. Центром семейной связи. Держи меня в курсе. У тебя мобильный заряжен? – спросила Голда.

– Да, полностью. И зарядник я с собой возьму, – ответила невестка и пошла в детскую собирать грудного ребенка на войну.

Моя керамика

По своему профессиональному образованию я – технарь, химик-технолог, и вполне успешно занималась этим больше 30 лет. Но во мне всегда, с самого детства, жил еще другой человек, который отчаянно хотел писать и рисовать. Мой внутренний писатель иногда успешно прорывался во внешний мир – выступал на городских олимпиадах по литературе, получал призы, а учителя читали его школьные сочинения классу и вешали на стенку как образцы. А вот художнику было очень плохо – моя рука не могла изобразить то, что хотел мой мозг. Ни карандашом, ни кистью. Рисование было для меня самым трудным предметом в школе. Даже стандартный натюрморт из вазы, яблока и наброшенной тряпицы выглядел в моем исполнении совсем не так, как требовалось. Соответственно, несмотря на все мое старание, меня не приняли ни в художественный кружок при московском доме пионера, ни даже в школьный кружок рисования. И я оставила эту затею, заработав комплекс своей художественной неполноценности.

Уже здесь в Израиле, спустя несколько десятков лет, я случайно рассказала эту историю бывшей соученице по ульпану иврита, художнице Эве Левин. «Приходи», – коротко ответила она. Я занималась в ее кружке в клубе несколько месяцев. Мы не только рисовали, но и ходили на выставки: живопись, фотография, стекло, керамика, папье-маше… Так у меня появилась мысль взять в руки глину. И все говорят, что в результате неплохо получилось.

Представленные здесь работы выполнены в керамической мастерской Фаины Ирилевич в Хайфе по моим собственным задумкам. Я никогда не копирую чьи-то изображения, даже в учебных целях. В отличие от карандаша, который был для меня только инструментом, глина стала моим партнером. Первая же минута, когда я беру в руки исходный влажный шар, уже приносит мне удовольствие. А потом мы вместе творим. Глина живет по своим законам, но при этом, отзываясь на мои идеи, следует за мной. Обычно, приступая к новой работе, я не планирую в деталях, что сделаю. Я не хочу этого знать. Я формулирую для себя только общее направление, например, ваза, блюдо, часы или подставка, а потом фантазирую в процессе по мере рождения изделия, получая основное удовольствие именно от самого творчества, а не от его результата. Фаина говорит, что это дилетантский подход. Она, мастер, всегда точно знает, что она сделает. Может нарисовать до последней

детали. Но мне так не интересно. Мне кажется, что такой подход превращает творчество в ремесло.

Часть моих работ я продала на благотворительных базарах в пользу хайфской общины Толдот Ицхак.

Вазы Салатницы

Вазы Салатницы

Ваза

Ваза

Цилиндрическая ваза

Настенный термометр

Салфетницы

Блюда

Блюда

Блюдо

Блюда

Подставки под горячую посуду

Настенные часы

Фантазии времен Ковида

Весной 2020 года в Израиль пришло проклятье под название «Ковид» и разделило нашу жизнь на «до» и «сейчас». Через несколько лет появится также «после», но сейчас мы сидим фактически под домашним арестом. Указание службы тыла – не собираться и без особой необходимости по улице не шастать. Вся общественная жизнь остановлена, продукты из магазина доставляют домой по заказу через интернет и оставляют у двери. Изоляция – залог здоровья.

Керамическая мастерская, моя радость, где я отводила душу, разумеется, тоже закрыта. Теперь это стало опасно. Мне страшно и тоскливо. От продовольственных заказов дома остаются пустые пластиковые упаковки. Есть большие, с крышками и довольно интересной формы. Так у меня рождается спасительная идея – делать из них красивые шкатулки. Просто для того, чтобы занять руки и голову. В ход идет все, что есть в доме: цветная бумага, краски, клей, сухие листья, нитки, тесьма, семечки, даже яичная скорлупа.

Это творчество помогло мне пересидеть Ковид. Потом, когда настало «после», оказалось, что эти мои поделки – не только красивые вещицы, но и удобные контейнеры для хранения мелких, лучше сухих, предметов. В них хорошо держать пуговицы, нитки, бижутерию, лекарства, ручки, карандаши, а на кухне – крупы, печенье и специи, ведь пластик-то пищевой. А еще они могут быть кашпо для цветочных горшков. И я многое раздарила.

Шестиугольные шкатулки

Вазоны для цветочных горшков

Мозаичная шкатулка 1

Мозаичная шкатулка 2

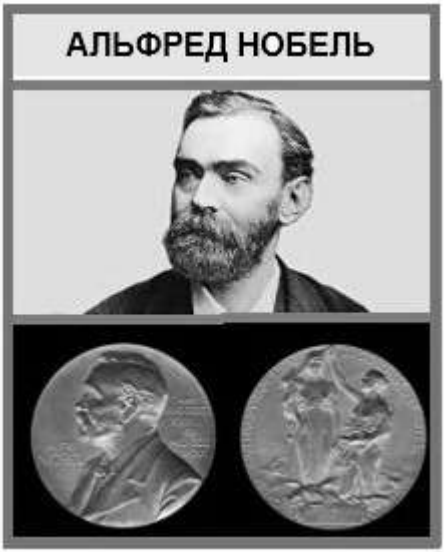
Мозаичная шкатулка 3

Шкатулки

АЛЕКСАНДР ВИЛЬШАНСКИЙ

«Почему я отказался от нобелевской премии»

(Текст доклада на семинаре «Наука и традиция»)



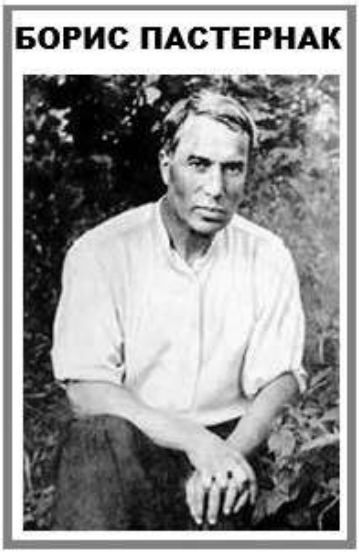
Я надеюсь, что здесь все понимают, что название моего доклада относится не ко мне лично – это, как говорится, «фигура речи». Речь у нас пойдет об очень известных людях, отказавшихся в свое время от Нобелевской премии, и о причинах этого отказа. В каждом случае причина, конечно, была своя, но я попытался найти общую базу для этих причин.

Итак:

По состоянию на 2024 год, Нобелевскую премию получили **999 человек.** Отказались пятеро или, по другим данным, – 9 человек. То есть меньше 0,1%.

Вынужденные отказы мы обсуждать не будем – их четыре; и эти отказы связаны с условиями проживания лауреатов в диктатурах – нацистской Германии и СССР. Трое – это немецкие учёные **РИХАРД КУН**, **АДОЛЬФ БУТЕНАНДТ** и **ГЕРХАРД ДОМАГК**.

Но четвертый нам хорошо известен, это **БОРИС ПАСТЕРНАК.** Борис Пастернак несколько раз выдвигался на соискание Нобелевской премии по литературе. Удачной стала «попытка» 1958 года. Нобелевский комитет присудил **Пастернаку** награду с формулировкой «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа».



Пастернак стал вторым после **Бунина** русским литератором, удостоенным престижной премии. Но власти СССР даже не думали гордиться этим. Напротив, присуждение награды Пастернаку было воспринято с негодованием, поскольку роман «Доктор Живаго» считался антисоветским.

Из-за развернувшейся в СССР травли **Пастернак** вынужден был отказаться от получения премии.

Вот стихи, которые сочинил Сергей Михалков:

Антисоветскую заморскую отраву
Варил на кухне наш открытый враг.
По новому рецепту как приправу
Был поварам предложен пастернак.
Весь наш народ плюет на это блюдо:
Уже по запаху мы знаем что откуда!

НОБЕЛЕВСКОЕ БЛЮДО

Антисоветскую заморскую отраву
Варил на кухне наш открытый враг.
По новому рецепту как приправу
Был поварам предложен пастернак.

Весь наш народ плюет на это блюдо:
Уже по запаху мы знаем что откуда!

Сергей МИХАЛКОВ.
Рис. Н. АБРАМОВА.

29 октября 1958 г. «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» 5 стр.

А это, по тому же поводу, – **Пастернак:**

Нобелевская премия

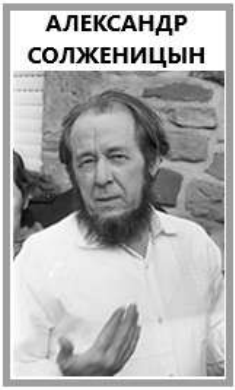
Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною – шум погони,
Мне наружу хода нет.
Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно…
Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.
Но и так, почти у гроба
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

(Напечатано 11 февраля 1959 года в лондонской Daily Mail.)

Нобелевскому комитету он отправил письмо:

«В силу того значения, которое получила присужденная мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я должен от нее отказаться, не примите за оскорбление мой добровольный отказ».

Лишь спустя 31 год Нобелевский диплом и медаль в Стокгольме получил сын писателя **Евгений Пастернак**.



АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН оказался в аналогичной ситуации, когда в 1970 году ему присудили Нобелевскую премию по литературе, «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы». Солженицын не присутствовал на церемонии вручения награды, отказавшись от нее, как в 1958 году Борис Пастернак.

Нобелевская премия его все-таки дождалась – он получил ее 10 декабря 1974 года.

Кто же у нас остается в списке «добровольных отказников»?

ФАН ДИНЬ КХАЙ (ЛЕ ДЫК ТХО)

По сути, это «Премия мира». **Фан** (настоящее имя) возглавлял северо-вьетнамскую делегацию на мирных переговорах в Париже, и должен был получить Нобелевскую премию в 1973 году. В том же году премию присудили и госсекретарю США **Генри Киссинджеру** за «совместную работу по разрешению вьетнамского конфликта». Результатом переговоров двух дипломатов стал мир, которого удалось достичь после подписания 27 января 1973 года Парижского соглашения о прекращении огня. Но **Фан Динь Кхай** от награды отказался, поскольку, как он заявил, война во Вьетнаме еще не закончена, а награды уже раздают.

Действительно, война прекратилась лишь спустя два года после присуждения премии.

Киссинджер награду принял.

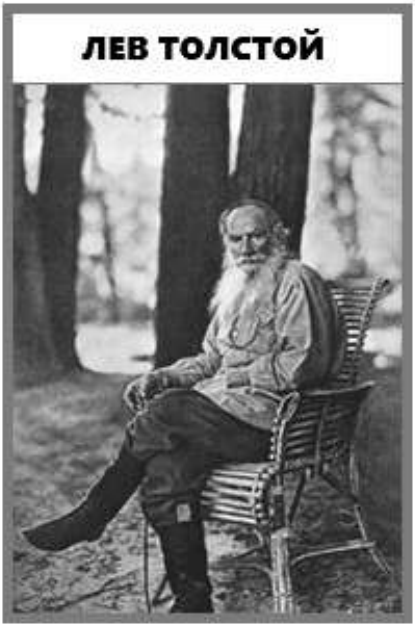
Вам это все ничего не напоминает? Нет? Тогда идем дальше…

«Добровольные отказники» – еще трое:

Лев Толстой (1906), **Жан-Поль Сартр** (1964), **Григорий Перельман** (2010).

(Здесь я, как и многие авторы, приравниваю **Премию Филдса**, которой удостоился **Перельман**, к Нобелевской премии, которую математикам не присуждают.)

https://naked-science.ru/article/top/5-znamenitykh-otkazov-ot

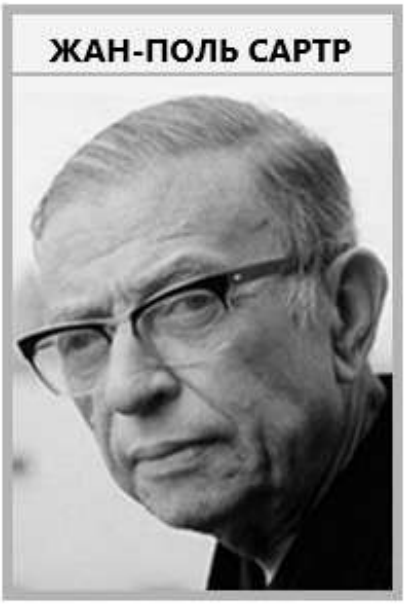


Наверное, самым известным кандидатом, отказавшимся от Нобелевской премии, может считаться **ЛЕВ ТОЛСТОЙ.** Лев Николаевич был выдвинут на награду в 1906 году, когда ему было 78 лет.

Отказ автора «Войны и мира» звучал деликатно; писатель посчитал некорректным делать это прямо, а потому отправил письмо финскому писателю **Арвиду Ярнефельту**, в котором попросил его: *«постарайтесь сделать так, чтобы мне не присуждали этой премии. Если бы это случилось, мне было бы очень неприятно отказываться»*. Ярнефельт просьбу выполнил, и премию присудили итальянскому поэту **Джозуэ Кардуччи**. В результате все остались довольны: и Кардуччи, и Толстой. Толстой писал потом: *«Это избавило меня от большого затруднения – распорядиться этими деньгами, которые, как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло; а во-вторых, это доставило мне честь и большое удовольствие получить выражение сочувствия со стороны стольких лиц, хотя и не знакомых мне, но все же мною глубоко уважаемых».*

Таким образом, Толстой отказался от премии из-за денег, ведь они «как и всякие деньги, могут приносить только зло».

В 1964 году французского философа и драматурга **ЖАНА-ПОЛЯ САРТРА** ждала Нобелевская премия по литературе «за богатое идеями, пронизанное духом свободы и поисками истины творчество, оказавшее огромное влияние на наше время». Сартр отказался от премии из философских соображений – опасаясь, что награда станет препятствием для его независимости. Именно так объяснил свой отказ Сартр в заявлении, которое сделал в Париже в 1964 году. В том же году он заявил, что уходит из литературы, поскольку она – суррогат действенного преобразования мира.



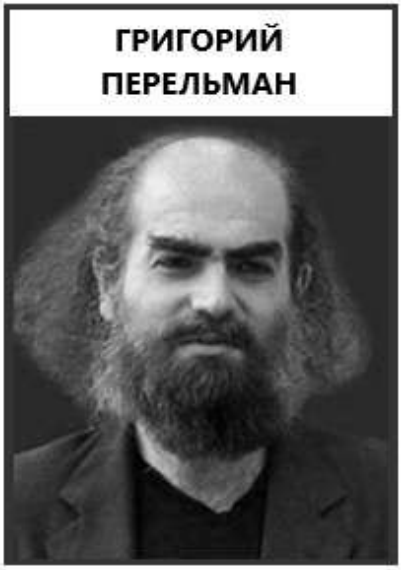
Сартр объяснил свое решение шведским журналистам так: «Я хорошо понимаю, что сама по себе **Нобелевская премия** не является литературной премией западного блока, но ее сделали таковой, и посему стали возможными события, выходящие из-под контроля шведской Академии. Вот почему в нынешней обстановке **Нобелевская премия** на деле представляет собой награду, предназначенную для писателей Запада или «мятежников» с Востока», – отметил французский мыслитель. Сартра также смущала «буржуазная» и ярко выраженная антисоветская ориентация Нобелевского комитета, выбравшего, по его словам, неудачный момент для присвоения премии, когда Сартр открыто критиковал СССР…

Он говорил, что «…не был награжден **Неруда**, один из величайших поэтов Южной Америки. Никогда серьезно не обсуждалась кандидатура **Арагона**, хотя он вполне заслуживает этой премии. Вызывает сожаление тот факт, что **Нобелевская премия** была присуждена ***Пастернаку**, а не **Шолохову**,* и что единственным советским произведением, получившим

премию, была книга, изданная за границей и запрещенная в родной стране».

«Во время войны в Алжире, когда я и другие подписали "Манифест-121", я принял бы с благодарностью эту премию, потому что тем самым был бы отмечен не только я один, но прославлено дело свободы, за которое мы боролись. Но этого не случилось, и премия была присуждена мне, когда война уже окончилась».

В конце концов, как и предупреждали **Де-Голля**, «Алжир пришел в Париж».



ГРИГОРИЙ ПЕРЕЛЬМАН отказался в 2006 году от **премии Филдса** – аналога «нобелевки». Медали Филдса Перельмана удостоили за доказательство гипотезы Пуанкаре. В 2010 году американский институт Клея, включивший гипотезу Пуанкаре в число семи проблем тысячелетия, наградил Перельмана миллионом долларов, но ученый отказался и от этой награды. Перельман тогда сказал:

– Я отказался. Вы знаете, у меня было очень много причин и в ту, и в другую сторону. Поэтому я так долго решал. Если говорить совсем коротко, то главная причина – это несогласие с организованным математическим сообществом. Мне не нравятся их решения, я считаю их несправедливыми. Я считаю, что вклад в решение этой задачи американского математика **Гамильтона** ничуть не меньше, чем мой…

В 1996 году Григорий Перельман отказался от присужденной ему молодежной премии Европейского математического общества.

Григорий Перельман в конце концов получил загранпаспорт и переехал жить и работать в Швецию.

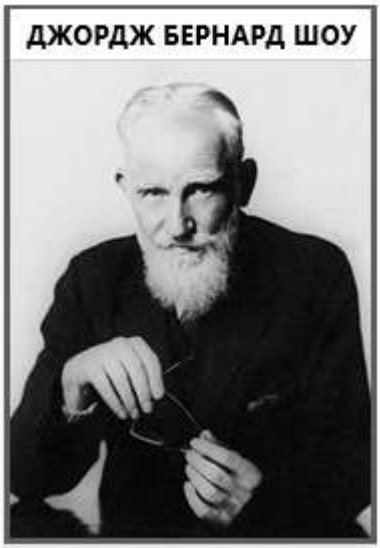
Дмитрий Быков в стихах поддерживает ученого в его верном решении.

Ну вот и Гриша Перельман,
Известный твердым, гордым нравом,
Покинул скромный свой диван
И переехал к скандинавам.
Не мот, не франт и не жуир:
В науке вся его отрада.
Он знает, как устроен мир,
И если едет – значит, надо.
Он дал однажды интервью
(Причем сравнительно беззлобно)
И там теорию свою
Развил достаточно подробно.
Его нередко, раз пятьсот,
Уже спросили: чем он занят?
А он: «Теорией пустот».
Он все пустоты точно знает.
И вот, устав от пустоты,
Угроз, кампаний и занудства,
Направил он свои стопы
Туда, где будет чем заняться.
Езжай, великий Перельман!
Чем упиваться местным бредом
И дожидаться перемен,
Ты лучше стань счастливым шведом.
Чтоб не видать родных чудил
И не влезать в потертый свитер,
Из дома ты не выходил,
А тут, глядишь, покинул Питер!
Как это мудро, Перельман!
Я сам бы устремился следом
И этот опыт перенял,
Но я пока не нужен шведам.
Сбежать бы всем в Европу ту,
Как от ножа сбегает кочет,
А здесь оставить пустоту…
Чего тут, кажется, и хочут.

На этом мой список «отказников» заканчивается. Но он был бы неполным, если бы мы не вспомнили о **Бернарде Шоу**…

ДЖОРДЖ БЕРНАРД ШОУ прожил 94 года – почти всю вторую половину XIX века и всю первую половину XX века. Выступая по телевидению в день своего юбилея, Шоу сказал, что «даже самый глупый из людей к девяноста годам успевает увидеть вещи, которых никто из вас не видел».

Вот это его высказывание, по-сути, является определением понятия «Гениальность»:



«Гениальность – это способность видеть то, что для других недоступно».

В 1925 году **Шоу** была присуждена Нобелевская премия. Он расценил это как «знак благодарности за то облегчение, которое он доставил миру», ничего не напечатав в текущем году. *(https://mus-col.com/the-authors/29412/)*

Премию принял, но от денег отказался.

Когда его спросили, почему он так поступил, писатель ответил: «Эти деньги – спасательный круг, брошенный пловцу, который уже благополучно достиг берега и находится в безопасности».

Известный чудак и вегетарианец, не прикасавшийся к вину, **Шоу** был и знаменитым острословом. Парочку его афоризмов я все же упомяну:

Мой способ шутить — это говорить правду. На свете нет ничего смешнее.

Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается.

Оптимист придумал самолёт, пессимист — парашют.

Но вот что он сказал по поводу самой Премии:

*«Изобретение динамита ещё можно простить **Альфреду Нобелю**, но только враг человеческий способен изобрести Нобелевскую премию!»*

Но почему? Ведь никто из мной перечисленных ничего подобного не утверждал?

****

Посмотрим на профессиональный состав «отказников». Мы видим среди них литераторов, общественных деятелей… Но почти нет ученых. Кроме Перельмана.

Среди «отказников» нет физиков, химиков… даже великому (на самом деле) Зоммерфельду, после 80-ти попыток премию так и не дали…

Немецкий физик **АРНОЛЬД ЗОММЕРФЕЛЬД**, отметившийся достижениями в квантовой теории, электронной теории, электродинамике и многих других научных областях, с 1917 по 1951 годы 80 раз (!) номинировался на Нобелевскую премию, но так её и не получил. (Как это возможно, если премию присуждают, как утверждает ИИ, один раз в год?)

Зоммерфельд по сей день держит рекорд в этом показателе. Зато Нобелевскими лауреатами стали семеро его студентов: **Вернер Гейзенберг**, **Вольфганг Паули**, **Петер Дебай**, **Ханс Альбрехт Бете**, **Лайнус Полинг**, **Исидор Айзек Раби** и **Макс фон Лауэ**.

И вот здесь мы приближаемся к «сути дела». На чем могло быть основано мнение Бернарда Шоу?

Нобелевская премия как навязываемый стандарт мышления.

ИИ: «Получение премии моментально делает лауреата и его область работы всемирно известными. Это мощнейший инструмент популяризации науки. Открытия, о которых раньше знали лишь десятки специалистов, становятся темой для первых полос газет, вдохновляя новое поколение исследователей».

И это, одновременно, эффективнейший способ затормозить развитие науки! Но это выяснилось гораздо позже, да и сейчас еще не все это понимают. Достаточно одного (общеизвестного) примера.

Большой Взрыв (**ЛЕМЕТР**)

ИИ: «Самым известным *проколом* считается неприсуждение премии по астрономии, когда в 1948 году комитет по физике отказался признать открытие Большого взрыва, назвав его лженаукой».

Но, по-моему, это было совершенно верно, если вспомнить, кто был автором этой идеи (каноник **Леметр**). Там и полшага не надо было сделать, чтобы прийти к идее Божественного замысла. Скорее всего, однако, эти полшага были сделаны *от* «Божественного замысла». Но сам **Леметр** это отрицал.

Теорию **Леметра** об эволюции мира, начиная с «первоначального атома» иронично назвал «Большим взрывом» его большой приятель – **Фред Хойл** в 1949 году. Это название – Большой взрыв – исторически закрепилось в космологии.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%80,_%D0%96%D0%BE%D1%80%D0%B6

Я не нашел прямых указаний на его авторство. Основные труды **Леметра** в области математики посвящены представлениям группы Лоренца, связанным с релятивистскими волновыми уравнениями, и алгебре кватернионов.

ВАТИКАН (тем не менее) утверждает: «Сто лет назад иезуит **Леметр** разработал «теорию Большого взрыва»…

https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2024-12/sto-let-nazad-iezuit-lemetr-razrabotal-teoriju-bolshogo-vzryva.html

Это сильно сказано… РАЗРАБОТАЛ…

По запросу «**Леметр**»:

https://www.google.com/search?q=%D0%9B%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%80&oq=%D0%9B%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%80&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUyBggAEEUYOTIJCAEQABgKGIAEMgkIAhAuGAoYgAQyCQgDEC4YChiABDIPCAQQLhgKGK8BGMcBGIAEMgoIBRAuGNQCGIAEMgoIBhAuGNQCGIAEMgoIBxAuGNQCGIAEMg

cICBAAGIAEMgkICRAAGAoYgATSAQg2MzU1ajBqN6gCCLACAfEFMqZ4WqIvzNQ&sourceid=chrome&ie=UTF-8

https://dzen.ru/a/aODemCLF_3k3dJLX?sid=4995131040566245235

А сегодня уже можно увидеть и такое:

Все, что мы знаем о Вселенной, может быть ошибкой…

https://mignews.com/news/technology/vse-chto-my-znaem-o-vselennoj-mozhet-byt-oshibkoj.html

(Да. Только не «может быть», а именно является ошибкой.)

Второй (общеизвестный!) тормоз науки: так называемая «**Стандартная модель**» в физике.

У Стандартной модели, видимо, одного автора не было – это уже результат коллективных усилий всего «научного сообщества».

Стандартная модель – это фундаментальная теория в физике элементарных частиц, которая описывает **электромагнитное, слабое и сильное взаимодействия** и классифицирует все известные элементарные частицы. Она объясняет, из чего состоит материя (фермионы, такие как кварки и лептоны) и как частицы взаимодействуют друг с другом посредством переноса взаимодействий (бозоны).

С нашей нынешней «Кочки зрения» (я имею в виду «Гравитонику») все это абсолютно неприемлемо.

Это научная сторона вопроса. Но есть и «человеческая»…

Во всей известной нам истории человечества можно насчитать едва ли пять изобретений (идей), использование которых не привело бы к отрицательным результатам. Конечно, сами изобретатели «хотели как лучше», но «получилось как всегда». Исключением, наверное, был пенициллин (**Флеминг**).

Флеминг и **Х. У. Флори** были посвящены в рыцари, а в 1945 году **Флеминг**, **Флори** и **Чейн** получили Нобелевскую премию по физиологии и медицине «за открытие пенициллина и его целебного воздействия при различных инфекционных болезнях».

Но…

9 декабря 1868 г. …родился **Фриц Габер**, немецкий химик, «отец **химического оружия**», лауреат **Нобелевской премии по химии** (1918).

Нобелевскую премию **Габер** получил за вклад в осуществление **синтеза аммиака** (**процесс** Габера), необходимого для производства удобрений и взрывчатки.

Также, совместно с **Максом Борном** он предложил цикл Борна-Габера как метод оценки энергии кристаллической решётки твёрдых веществ, образованных ионными связями. **Габера** также считают первым учёным, подчинившим научные исследования военным нуждам: он разработал методы применения **хлора** и других отравляющих газов во время **Первой мировой войны**, а в дальнейшем участвовал в создании **боевых отравляющих веществ** (под видом **инсектицидов**).

Достаточно упомянуть всем известный ДДТ…

Как говорит хорошо известная поговорка: **«Ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным».** Но в подобных случаях наказание следует, как правило, множеству ни в чем не повинных людей, и в редких случаях – самому автору.

В случае же Нобелевской премии к этому прибавляется еще и «рождение во грехе» – считается (?), что **идея Премии возникла у самого Нобеля в качестве «компенсации» за изобретение им динамита.**

****

Но особенно опасно изобретение различных общественно-политических идей, имеющих целью именно БЛАГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Все знают известное изречение о «дороге в ад».

Нобелевская премия мира

Пока дело касалось науки, еще не было сильных злоупотреблений. Но учреждение Премии Мира изменило всё.

Здесь мне проще всего сослаться на недавнюю статью **П. Полонского**. Он пишет:

 Будет очень хорошо, если **Трампу *не*** дадут Нобелевскую премию, и он, обидевшись: проведёт закон о том, что президент и министры не имеют права получать ни Нобелевские, ни какие другие международные премии или звания от иностранных государств, потому что они должны ориентироваться на нужды своего народа, а не на поощрения со стороны, которые искажают стимулы.

 И если Америка примет такой закон, то Израиль тоже сможет такой закон провести.

 И это будет очень правильно – потому что Нобелевская премия мира – это фактически коррупционная взятка, которую зачастую дают за предательство интересов собственной страны. Такой были нобелевская премия за мирный договор во Вьетнаме, и за договор Осло. И если этот способ взятки будет отменён, то будет замечательно.

Ну и совсем было бы хорошо, если **Трамп** создаст новую «Американскую премию» по всем дисциплинам, которая станет конкурентом Нобелевской.

Потому что когда нет конкуренции, то всё деградирует, включая Нобелевский комитет.

https://www.9tv.co.il/item/113596

Так что ж теперь, и не изобретать ничего?

Нет. Изобретать. Но премию давать не за новое изобретение, а за «антидот». Пример: Подушка безопасности для автомобиля.

Что же мы из всего этого учим?

«**Да не увидишь ты плодов труда своего!»**

Некоторые знатоки интерпретируют слова Вс-вышнего, который сказал Моше: «Не войдешь ты в Землю…» Но продолжения этой фразы в Торе нет. В связи с нашей темой, я предполагаю, что вся фраза могла быть такой:

«Да не увидишь ты плодов труда своего! Ибо увидевши – ужаснешься…»

Отсюда следует МЕТОД работы современного ученого.

Самоизоляция и самоцензура. «Без нас!» (Лозунг французов во время немецкой оккупации Франции).

Так поступали Хевисайд, Гаусс, Кавендиш.

Один учитель – один ученик.

Однажды я договорился с **Николаем Дроздовым** (кто помнит телепередачу «В мире животных») о встрече с ним в МГУ. Секретарь

сказала: «Подождите его, он на лекции, скоро закончит!» Через пару минут из аудитории выходит **Дроздов**, и следом за ним… невысокого роста юноша. Один! Доктор **Дроздов** читал лекцию ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ!

Не стремиться к известности и, тем более, – к славе.

Следует иметь в виду **ПРИНЦИП АРНОЛЬДА (**это вариант **закона Стиглера**):

«**Ни одно научное открытие не было названо в честь его первооткрывателя**».

И еще вот что следует иметь в виду:

Среднее время внедрения совершенно новой идеи (собственный опыт) – 50 лет. За это время успевают забыть самих авторов идеи, изобретения. Если вспоминают, то только через 150–200 лет.

Примеры:

– книги **РАМБАМА**.

– **Николас Фатио де-Дюилье.** Основоположник теории гравитации.

(Кто такой этот Фатио – на родине, в Швейцарии, в его родном городе – не знают.)

****

Поскольку все, что я тут сказал, это мое личное мнение, то я не вижу большого смысла в дальнейшем обсуждении, и благодарю всех присутствующих за внимание.

Как лауреаты использовали Нобелевскую премию

Традиционно лауреаты направляют деньги на развитие науки или благотворительные программы. Но не все….

Например, **Альберт Эйнштейн**, получивший награду по физике в 1921 году, перечислил ее на содержание своей первой жены Милевы Марич и двух сыновей.

Иван Бунин премию по литературе 1933 года потратил на многочисленные увеселительные мероприятия и на пособия русским эмигрантам во Франции.

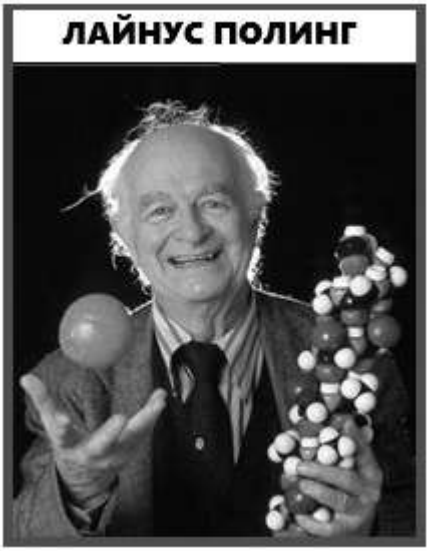
Лауреаты премии по химии 1993 года американец **Филипп Шарп** и британец **Ричард Робертс** использовали средства на покупку старинного дома и строительство крикетной площадки соответственно.

Британский биохимик **Пол Нерс**, награжденный в 2001 году, вложил финансы в модернизацию своего мотоцикла.

А турецкий писатель **Орхан Памук**, удостоенный награды в 2006 году, открыл в Стамбуле Музей невинности (в котором представлены предметы быта 1950–2000 годов, приобретенные им большей частью в антикварных лавках города).

И последнее:

Каковы симптомы у больных «Нобелевской болезнью»?



Нобелевские лауреаты получают много внимания прессы и часто высказываются по большому кругу вопросов, не связанных с их специализацией (это ИИ так мягко выражается).

Такие их речи и публикации могут не иметь под собой научных оснований. Их называют «нобелевской болезнью». Самым ярким примером «больного» считают Лайнуса Полинга, лауреата премий по химии и мира. Он стал ярым пропагандистом употребления витамина С для защиты от болезней в дозах, превышающих рекомендуемую норму потребления более чем в сто раз. Никакого подтверждения в ходе экспериментов его теория не получила.

Хайфа, 2025

ЕФИМ ЗАЙДМАН, АНЖЕЛА БЕЛЕНКО

В тени Рауля Валленберга
Часть 2

В 18-ом номере журнала «Сонар» читатели познакомились с супругами Вальдемаром и Ниной Ланглет, гражданами Швеции, по воле судьбы во время Второй мировой войны оказавшимися в Венгрии и помогавшими тем, кто потерял надежду на спасение и нуждался в помощи.

Представленные на страницах журнала документы и сухая историческая справка вряд ли смогли передать человеческие эмоции и тот импульс, который заставил людей, далеких от политики, не очень богатых, немолодых и не совсем здоровых, рисковать своими жизнями, бескорыстно заботясь о судьбе сотен и тысяч других, обездоленных и истерзанных страхом. Этот импульс, который не оставляет равнодушным, который вынуждает тратить свои сбережения, здоровье, время и силы, искать нестандартные решения, использовать связи и знакомства, проявлять человечность и задействовать весь потенциал умственных способностей – этот импульс называется Совесть.

Предлагаю вашему вниманию, в продолжение темы о Праведниках Народов Мира супругах Ланглет, историю изыскания Ефима Зайдмана, историю, которая прольет свет на эти личности, оказавшиеся в тени более известной фигуры.

Ефим Зайдман
Как я стал эсперанто-историком, или Великолепная пятерка

Эта история началась, когда в каком-то польском эсперанто-журнале я прочел, что ялтинский врач Илья Давидович Островский входил в десятку самых активных эсперантистов мира, и что он к тому же был зубным и глазным врачом писателя Антона Чехова.

Я начал собирать информацию и с этой целью исследовал в интернете архив Музея эсперанто (Вена, Австрия). По счастливой случайности обнаружил, что литература, которая там отсутствовала, была у меня или я

мог ее достать, и начал с музеем обмен на копии всех номеров их журнала «La esperantisto», единственного журнала на эсперанто в конце XIX века.

На заре эсперанто-движения

Брошюра «Международный язык. Предисловие и полный учебник» была опубликована в 1887 году польским врачом-окулистом и полиглотом Людвиком-Лазарем Заменгофом под псевдонимом «Д-ръ Эсперанто[9]». Этот небольшой учебник, известный как «Первая книга», вышел на русском языке в Варшаве, и в том же году появились издания на французском, польском и немецком языках. Новый язык общения очень быстро получил популярность в России и других странах, а псевдоним автора вскоре стал названием самого языка.

1892 год был важной вехой в развитии русского эсперанто-движения: в Санкт-Петербурге появилось первое официальное эсперанто-общество «Espero», а через два года в Одессе – его первое отделение.

Д-р Островский, о котором я уже упоминал, был человеком любознательным и прогрессивным, узнав о появлении нового языка, он выписал учебник эсперанто и начал учить язык вместе со своей 10-летней дочкой Надей. Они довольно быстро научились читать и писать на эсперанто. В том же году д-р Островский подписался на первое периодическое издание на языке эсперанто «La esperantisto» (основанное самим Заменгофом с целью предоставления литературы для зарождающегося тогда сообщества эсперантистов) и стал его активным корреспондентом.

В «Ялтинской справочной газете» пятнадцать раз подряд появлялось обращение г-на Островского к жителям города, которые учат эсперанто, с просьбой связаться с ним, но никто не отозвался – они с Надей были в Ялте единственными эсперантистами. Но это длилось недолго: благодаря их активности в городе вскоре появились другие сторонники эсперанто. А когда начинались дебаты с противниками языка, отец звал Надю и просил ее почитать письма от эсперантистов из разных стран мира, и это действовало сильнее, чем его аргументы.

Активность д-ра Островского поражает. Благодаря его пропаганде языка в Ялте первыми эсперантистами стали многие уважаемые люди:

[9] Esperanto (эсп.) – надеющийся.

адвокат, князь Микеладзе, активист ялтинского Горного клуба д-р Вебер (впоследствии председатель этого клуба), д-р Штангеев (все в Ялте знают Штангеевскую тропу к водопаду Учан-Су), директор Никитского ботанического сада Анциферов и другие. Каждый седьмой подписчик журнала «La esperantisto» был от Островского, и почти в каждом номере журнала, начиная с 1893 года, были сообщения об активной деятельности доктора. Он издал и разослал в различные города России 20 тысяч брошюр о международном языке, а когда заказывал в Америке материалы для лечения зубов, то принципиально писал заказы на эсперанто, заставляя таким образом производителей искать словарь и переводить.

В это же время в Швеции активно работал студент Вальдемар Ланглет, статьи которого часто появлялись в эсперанто-журнале. В 1891 году именно он основал в городе Уппсала второй в мире эсперанто-клуб. И вот, в 1895 году д-р Островский решил познакомиться поближе со своим эсперанто-корреспондентом и пригласил молодого шведа в Ялту.

Нужно сказать, что русские эсперантисты тогда «варились в собственном соку», не имея никакой устной практики с иностранцами. Вальдемар принял приглашение, хотя многие отговаривали его ехать в эту «недружественную страну», и отправился в Россию со своим другом, студентом по фамилии Эцель, тот, кстати, по дороге выучил эсперанто.

По пути в Ялту шведы заехали в Одессу, где за год до этого появилось эсперанто-общество (официально зарегистрированное позже, в 1897 г.), одним из основателей которого был активный эсперантист Николай Боровко. Его жена, Антонина Чайковская, по просьбе д-ра Островского, согласилась сопровождать шведов в Ялту. В Ялте Вальдемар, д-р Островский и Антонина в течении двух недель общались на эсперанто и подружились на всю жизнь. Вдохновлённый таким приятным знакомством с зарубежными эсперантистами, Островский вскоре купил виллу в Ялте, дал ей название «Эсперанто» и приглашал в гости через объявления в журнале всех активных эсперантистов (к сожалению, вилла не сохранилась).

И. Д. Островского в нашей истории мы больше не встретим, поэтому хочется написать напоследок несколько слов благодарности этому пионеру эсперанто. В 1905 году д-р Островский проехал с пересадками на дилижансах всю Европу от Крыма до Франции, чтобы попасть на первый Всемирный конгресс эсперантистов во французском городке Булонь Сюр-

Мер. Именно Островский, когда речь зашла о флаге нового сообщества, предложил официальным флагом международного эсперанто-движения считать флаг местного клуба эсперантистов. И Конгресс принял это предложение единогласно, т. к. флаг разработали опытные юристы, с учетом требования к форме и цвету международных флагов.

И. Д. Островский

Стоят: д-р Островский, его дочь Надя и Эцель.
Сидят: В. Ланглет и А. Чайковская
(Ялта, 1895 г.)

В том же году Островскому удалось получить разрешение на издание первого в России журнала «Эсперанто» с параллельными текстами на эсперанто и русском, журнал начал выходить в Санкт-Петербурге. Но самое главное для нас в этой истории это то, что именно благодаря Островскому познакомились Вальдемар Ланглет и семья Николая Боровко.

***

В этой части я расскажу о супружеской паре эсперанто-пионеров, Николае Африкановиче Боровко и его жене, Антонине Иустиновне Чайковской-Боровко.

Николай Боровко родился на Украине в дворянской семье. Его мать умерла при родах, а отец – когда мальчику было всего 10 лет. Родственники отдали его в военное училище, где Николай отличился как в точных науках, так и в гуманитарных. В 1884 году преисполненный надежд молодой поручик приехал на службу в Одессу, но забыл у извозчика узел с книгами, среди которых были запрещенные тогда произведения Салтыкова-Щедрина, статьи Писарева и Добролюбова. Через два часа его арестовали, пять месяцев держали под арестом, а затем отправили в ссылку на пять лет, служить в далеком сибирском Зайсане.

Жажда научных познаний спасла Николая от участи офицеров в этом медвежьем уголке России, прожигающих жизнь в карточных играх и пьянстве. Николай начал там изучать историю, философию, учить французский, английский языки и – только что появившийся язык эсперанто.

По окончании срока ссылки в 1889 году, Боровко узнал, что не имеет права больше служить в армии, поскольку в послужном списке значился арест, и он вернулся в Одессу. Два года бедствовал, перебиваясь переводами и журналистикой, затем стал управляющим дома дешевых квартир. Все это время Николай занимался самообразованием в одесских библиотеках, приобретая энциклопедические знания.

В 1891–92 гг. Николай в журнале «La esperantisto» публиковал статьи и свои первые новеллы, оригинально написанные на эсперанто. А в 1894 году в Одессе появилось одно из первых эсперанто-обществ, членами которого были В. Гернет, Н. Боровко, А. Чайковская и др.

Это было тревожное время для международного языка эсперанто – некоторые эсперантисты предлагали изменения и дополнения в языке. По некоторым причина провести голосование в журнале не было возможности. Поэтому Николай Боровко с Антониной Чайковской разослали сотни писем эсперантистам разных стран с просьбой проголосовать за один из трех вариантов, предложенных Заменгофом: а) не вносить никаких изменений; б) внести некоторые конкретные изменения и в) внести все предложенные изменения. Подавляющее

большинство эсперантистов проголосовало за первый вариант, в результате грамматика эсперанто осталась авторской.

В 1895 году создатель языка Заменгоф впервые подробно рассказал, что подвигло его на работу по созданию эсперанто в знаменитом письме на русском языке, которое известно, как его ответ на письмо Н. Боровко. Это письмо было переведено на эсперанто В. Гернетом и опубликовано.

В этом же году Николай и Антонина поженились и переехали в Санкт--Петербург, где Николай работал в фирме “Steel”, занимаясь разработкой электрических методов в металлургии. После отставки президента петербургского общества эсперантистов «Espero» Николай в 1896 году стал вторым председателем этого общества.

Вся эта информация имеется в эсперанто-энциклопедии. Но там нет ни слова о ялтинском периоде жизни этого неординарного человека.

То, чего нет в Энциклопедии эсперанто и Википедии

Когда в 2002 году в ялтинской газете появилась статья о предстоящем юбилее – столетии городской библиотеки им. А. П. Чехова, мне позвонил из Симферополя Павел Можаев, наш академик эсперанто, и обратил моё внимание на то, что соучредителем и первым директором ялтинской библиотеки был Н. А. Боровко.

Оказалось, что речь идет именно о нашем пионере эсперанто, очень уж редкое отчество у него было – Африканович! Почти одновременно Международный эсперанто-музей выпустил книгу, в которой упоминалось, что Боровко был «отцом оригинальных новелл на эсперанто». А годом раньше на эсперанто в переводе со шведского появилась книга Нины Ланглет «Хаос в Будапеште» (Kaoso en Budapesto), из которой я узнал, что она родилась в Крыму, была дочерью Николая Боровко и Антонины Чайковской, а также второй женой Вальдемара Ланглета.

Благодаря этой информации начались мои поиски в интернете, была установлена связь с Моникой Ланглет, внучкой Вальдемара, и журналисткой Агнетой Эмануэльссон, эсперантисткой из Стокгольма, которая снабдила меня обширной информацией о семье Боровко и прислала некролог на его смерть.

Итак, в 1902 году Николай Боровко и Антонина Чайковская переехали из С.-Петербурга в Ялту, где Николай сперва участвует в основании

первой Городской публичной библиотеки, а затем получает в ней должность заведующего, а Антонина – должность библиотекаря. 1 января 1903 года Боровко завершает каталогизацию библиотечных фондов, и библиотека открывается для горожан.

Книжный фонд библиотеки начинался с книг, подаренных жителями города, сам Боровко подарил библиотеке несколько редчайших книг, с дарственной надписью. Все эти издания, например, «Мир подземный» Анастасиуса Кирхера на латыни (Амстердам, 1663 год), до сих пор хранятся в Фонде редкой книги библиотеки, сейчас она носит имя А. П. Чехова.

Ялта в то время была всероссийским центром лечения туберкулеза, поэтому все книги в библиотеке, сразу после прочтения, проходили дезинфекцию от палочек Коха в специальном шкафу, по придуманному Боровко способу.

Николай Африканович сразу начал вести рубрики «Научное обозрение», «Литературное обозрение» и «Библиография» в городской газете «Крымский курьер». В газете появилась его рецензия на драму Чехова «Вишневый сад», статья на смерть Чехова, критика ряда разделов энциклопедии Брокгауза и, конечно, статьи об эсперанто. В 1904 году в Варшаве вышла в свет его книга «Психология мышления», а в популярном издании «Журнал для всех» две большие новеллы. Боровко был энциклопедически образованным человеком: философом, психологом, археологом, литератором, талантливым инженером, активным членом Крымского общества естествоиспытателей. Его статьи печатались в центральных научных журналах «Вопросы философии и психологии», «Вопросы воспитания», «Природа».

В 1905 году в газете «Крымский курьер» появились три его острые полемические статьи в связи с Манифестом царя Николая II о даровании жителям Российской империи гражданских свобод, что стало причиной высылки автора статей вместе с семьей из Ялты в Симферополь. Однако уже в 1908 году его пригласили работать директором одной из библиотек в Симферополе, а его жена, А. Чайковская стала сперва библиотекарем, а потом директором другой библиотеки.

Н. А. Боровко

В 1912–1913 годах Боровко возглавил две экспедиции Крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы, исследовавшие самый большой пещерный город Крыма, Тепе-Кермен, о происхождении которого не было никаких исторических сведений. Результаты исследований оказались в таком противоречии со старыми описаниями, что отчёт об экспедициях был составлен в виде очерка в 3-м томе записок Общества и издан в виде отдельной брошюры. Это описание до сих пор считается самым подробным и достоверным описанием Тепе-Кермен.

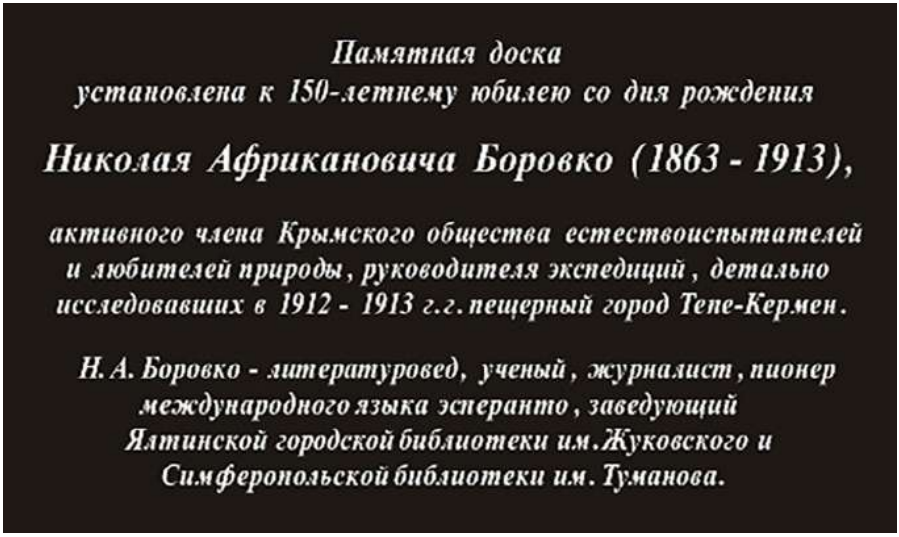
Умер Николай Боровко в 1913 году, так и не закончив свой последний труд «Говорящие приборы».

8 февраля 2003 года исполнилось 90 лет со дня смерти Николая Боровко, и в этот день в Ялте у здания Крымской филармонии на ул. Екатерининская, где за 100 лет до этого начала работать под его руководством первая городская библиотека, состоялось торжественное открытие посвященной ему памятной доски. В числе приглашенных гостей были внучка Вальдемара Моника Ланглет из Стокгольма и издатель эсперанто-литературы.

Ефим Зайдман, Моника Ланглет и издатель эсперанто-литературы

А в 2013 году в годовщину 100-летия экспедиций на Тепе-Кермен и 150-летия со дня рождения Н. А. Боровко ялтинские эсперантисты организовали поездку и восхождение на Тепе-Кермен, где было решено установить ещё одну мемориальную доску.

Требовалось разрешение Киева, ждали долго, но оттуда не приходило ни отказа, ни согласия. Поэтому на свой страх и риск за неделю до конца юбилейного года мы все-таки решили установить доску.



Преодолев крутой подъем в гору, пятеро мужиков по очереди три часа долбили выемку для доски глубиной всего в 1 см. Совершенно непонятно, как в древности жители пещерных городов могли выдолбить здесь сотню пещер!

В пещерном городе Тепе-Кермен (Крым, Бахчисарайский р-он)

Во время своего визита в Ялту Моника Ланглет передала нам записанные под диктовку воспоминания своей мачехи, Нины Боровко-Ланглет, с которой была дружна, это были воспоминания о её родителях.

К слову сказать, если о Николае Боровко известно достаточно много, то о его жене, Антонине Чайковской, информации практически нет. Её имя только упоминается в Википедии, а между тем, в эсперанто-обществе Антонина известна своим письмом к создателю языка.

В своей брошюре «Lingvo internacia» (1887 г.), которая знакомила читателей с проектом эсперанто, Заменгоф писал: «Считайте меня не автором, а лишь инициатором международного языка. Согласны ли вы изучать его, если им овладеют массы?» Спустя несколько недель тревожного ожидания стали приходить письма, большинство людей высказывалось за то, чтобы сразу начинать учить и распространять этот язык. Особенно трогательным было письмо из Крыма на эсперанто: 15-летняя гимназистка Тоня Чайковская писала, что уже выучила этот язык и преподает его своим подругам.

Только из воспоминаний Нины Боровко-Ланглет известно, что её мать во всём поддерживала своего мужа, была активной эсперантисткой, заботливой женой и матерью большого семейства. Бывали времена, когда Николай Боровко не имел работы или не мог зарабатывать деньги в силу занятости своими научными работами. В такие периоды именно Антонина Иустиновна брала на себя заботу о «хлебе насущном», не гнушалась тяжёлым трудом. Несомненно, А. Чайковская достойна отдельной статьи, ведь достаточно прочитать воспоминания её дочери, чтобы понять, какой личностью была жена и соратница Николая Африкановича Боровко

Праведниками Народов Мира не рождаются, ими становятся

Итак, вернёмся к Вальдемару Ланглету (1872–1960), с которым мы уже познакомились, когда он студентом приезжал к д-ру Островскому в Ялту в 1895 году. Напоминаю, что проездом он посетил одесских эсперантистов. Именно в это время в России запретили издание журнала «La esperantisto», потому что в нем появилась переведенная на эсперанто запрещенная статья Льва Толстого «Вера и благоразумие».

А журнал был тогда единственным печатным изданием эсперантистов в мире, к тому же 90% подписчиков были из России. И тогда Владимир Гернет, почетный гражданин Одессы и активный эсперантист, предложил Вальдемару издавать другой эсперанто-журнал в Швеции, пообещав быть соредактором и финансировать журнал. Ланглет

согласился и, вернувшись домой из своего путешествия по России в 1896 г. начал издавать журнал «Lingvo internacia». Затем стал первым эсперанто-путешественником, еще раз побывал в России, передвигаясь верхом на лошадях, был в гостях у Льва Толстого (отказ Толстого от Нобелевской премии составлял на шведском именно он) и даже жил месяц в селе, работая на земле вместе с крестьянами.

Это путешествие он позже описал в книге «Верхом по России» – первом сборнике путевых заметок на эсперанто (1898 г.). По возвращении в Швецию занимался журналистикой.

В 1905–1906 годах Вальдемар продолжил учёбу в немецком университете и вскоре стал секретарем Шведской туристической ассоциации и одновременно секретарем в пресс-службе Министерства иностранных дел.

Вальдемар Ланглет с 1899 года был женат на финской эсперантистке Сигне Бломберг (Signe Blomberg), и это была первая в мире международная свадьба эсперантистов. В семье родилось двое сыновей, Эмиль и Ларс (Моника Ланглет, гостья из Швеции на открытии памятной доски в Ялте – дочь Ларса). Вальдемар овдовел в 1921 году.

В 1923 году он в качестве журналиста посетил Москву и нашел там семейство Боровко. С Антониной Ланглет говорил на эсперанто, а с её детьми на немецком, французском и русском. В это непростое для России время Антонина, оставшись с тремя детьми после смерти мужа, очень бедствовала. Увидев, в каком положении находятся его русские друзья, Вальдемар предложил Антонине взять с собой в Швецию кого-нибудь из детей, и та согласилась на год отпустить старшую дочь Нину, которой нужно было закончить музыкальное образование.

Нине было в то время 27 лет, и она впервые увидела Вальдемара, красивого моложавого 50-летнего мужчину, который был ее кумиром. В детстве над ее изголовьем висело фото 1895 года, где он был снят рядом с ее матерью в Ялте. У Вальдемара хранился такой же снимок. Нина уехала в Швецию и в Россию не вернулась: она стала пианисткой и преподавателем музыки, концертировала по стране. Через два года Нина и Вальдемар поженились.

Вальдемар много путешествовал по Европе, Азии, Африке, часто с Ниной. В 1932 году супруги надолго поселились в Будапеште – Вальдемара пригласили преподавать шведский язык в Университете, а Нина преподавала фортепиано, скрипку, гитару и русский язык. Там и застала супругов Вторая мировая война.

В. Ланглет

Нина Боровко-Ланглет (афиша концерта)

***

В начале 1944 года поражение немцев на Балканах и неуверенность в лояльности Венгрии совпали с идеей Гитлера уничтожить евреев Венгрии, которых правительство Хорти до той поры не трогало. Немцы вошли в Венгрию 19 марта 1944 года и с помощью венгерских фашистов начали массовые облавы на антифашистов и евреев, отправляя их в «трудовые лагеря».

Когда в апреле Вальдемар Ланглет получил информацию от двух узников Освенцима, чудом спасшихся из «трудового лагеря», что это места массового уничтожения, он был потрясен, немедленно отправил сообщение в Министерство Иностранных дел Швеции и начал искать возможности как-то противостоять адской машине истребления. В книге «Хаос в Будапеште» Нина пишет, что однажды, идя по улице с мужем, она обратила его внимание на знак Красного Креста, и высказала идею, что, возможно, с помощью этой организации можно будет помочь тем, кто нуждался в немедленном спасении. Идея была одобрена, и для ее реализации Ланглету предложили стать руководителем отделения шведского Красного Креста в Будапеште. Ему было тогда уже 72 года, но он взялся за осуществление идеи. В мае 1944 года Шведский Красный Крест начал раздавать «защитные письма» людям, преследуемым фашистским режимом, якобы эти люди имели родственников или деловых партнеров в Швеции. Документы, выдаваемые Красным Крестом, получили название «паспорта Ланглет». Всего было роздано около 25 тысяч «защитных писем», это значит, что такое количество людей избежало неминуемой гибели. Красный Крест денег не давал, евреев, антифашистов и всех, кто обращался за помощью, расселяли в десятке арендованных домов, на которых были таблички о принадлежности Красному Кресту, и арендованы они были на деньги Ланглетов. Также под покровительством супругов Ланглет оказались 9 монастырей, 12 больниц, 14 домов для престарелых, 47 детских садов, в которых скрывались несчастные жители Будапешта и окрестностей. Нина вспоминает, что Вальдемар Ланглет занимался общим руководством, связями и переговорами, а она, ее друзья и добровольные помощники с утра до вечера оформляли документы, организовывали расселение, добывали продукты и развозили их по «своим» домам.

Вальдемар понимал, что их усилий недостаточно, ведь в Будапеште оставалось около 200 тысяч евреев. И он обратился в шведское посольство с просьбой прислать кого-нибудь из дипломатов.

Очередь возле Шведского посольства (Будапешт, 1944 г.).

В июле 1944 года в Будапешт для руководства гуманитарным отделом представительства прибыл Рауль Валленберг и развернул работу по выдаче шведских охранных паспортов по примеру Ланглета, с которым встречался и консультировался. Он получил от венгерского правительства разрешение на выдачу 4500 паспортов, но выдал десятки тысяч. В международном гетто у него было 33 дома для размещения людей, получивших от него паспорта.

В начале 1945 года Вальдемар и Нина руководили спасением людей, скрываясь в убежищах, постоянно их меняя, потому что фашисты уже за ними охотились. В отличие от Валленберга, они рисковали ежедневно, потому что не обладали дипломатической неприкосновенностью.

С приходом Красной Армии супруги Ланглет покинули страну в связи прекращением деятельности Шведского Красного Креста. Уезжали они, по свидетельству очевидцев, практически нищими, потратив все свои сбережения и имущество на благотворительность.

О событиях в Венгрии Вальдемар Ланглет написал книгу и издал в 1946 году. Супруги жили очень скромно, почти бедно в шведском городе Лербо, где родился Вальдемар, не получая никаких наград и почестей за свой самоотверженный труд во время войны. Вальдемар умер в 1960 году.

Весь мир знает о спасательной операции в Будапеште шведского дипломата Рауля Валленберга, похищенного российской контрразведкой «Смерш» и погибшего в застенках Лубянки. Его именем названы улицы и скверы, ему ставят памятники. А имена наших героев долгое время оставались в тени славы Валленберга.

Благодаря активной деятельности шведских эсперантистов имена супругов Ланглет стали известны. В 1966 году Израиль присвоил Вальдемару (посмертно) и Нине звание «Праведник народов мира», почётное звание, присуждаемое неевреям, которые рисковали жизнью, спасая евреев от нацистов, и Нина отправилась в Израиль, чтобы посадить два дерева в Парке Праведников. Примечательно, что свою торжественную речь она произнесла на иврите, который начала изучать ещё до отъезда, ей тогда было 70 лет. Позже она продолжила изучать язык и стала соавтором нескольких учебников по ивриту и ивритско-шведских словарей.

Нина умерла в 1988 году, и до сих пор в комнате, где она жила, над кроватью висит та самая фотография 1895 года…

Нина Боровко-Ланглет и Вальдемар Ланглет

Памятная доска в Будапеште на стене школьного здания, где в 1944 г. была организована столовая для детей

Ланглет, Вальдемар
1872–1960

Главный делегат шведского Красного Креста, который в 1944 году с отважным гуманизмом сражался против фашизма, помогал гонимым, поддерживал нуждающихся.

В его память установлена Советом столицы Будапешт 1986.

Перевод с венгерского

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анжела Беленко. Родилась в Одессе в 1955 году. По профессии – воспитатель детского сада, педагог дополнительного образования. Организатор, руководитель детских мультипликационных студий в Крыму и Фестиваля детского анимационного творчества «Чудо-остров». Писать стихи и сказки начала в 45 лет, публиковалась в ялтинском литературном альманахе, в сборнике крымских авторов, участвовала в литературных конкурсах. Автор нескольких книг. Член редколлегии журнала СОНАР.

Татьяна Белобородько. Родилась в 1954 году в Порт-Артуре КНР в семье военного летчика. Детство прошло на Дальнем Востоке и в Крыму. Более полувека живу в Москве. По профессии — архитектор. Пишу рассказы — хочу запечатлеть время, вспомнить всех, с кем сводила судьба. Занимаюсь также живописью и градозащитной деятельностью.

Диана Беребицкая. Родилась в Харькове. Окончила Харьковский институт искусств, работала в Харьковском лицее искусств, а с 1992 года в Израиле: работала пианисткой, педагогом, организатором и дирижером оркестра, руководителем детской театральной студии. Печаталась и выступала в России, Украине, Германии, Чехии, Израиле. Стихосложением занимается всю жизнь.

Александр Вильшанский. Родился в Москве. Инженер-радиотехник, кандидат технических наук. В Израиле с 1998 г. Живет в Хайфе. В течение 15 лет работал в Технионе. Автор нескольких книг, пять из них – по Физической физике.

Ефим Зайдман, 08.07.1937 - 22.12.2017. Родился в Симферополе (Крым), после возвращении из эвакуации семья поселилась в Ялте. Высшее образование получил в Харькове, профессия - математик, программист. Во время учёбы познакомился с языком эсперанто, и это определило всю его дальнейшую жизнь. 60 лет был адептом этого международного языка, руководителем эсперанто-клубов, преподавателем на языковых курсах, организатором бардовских и языковых фестивалей, переводчиком бардовских песен на эсперанто, журналистом, изыскателем, эсперанто-историком.

Геннадий Владимирович Исаков. Родился 6 января 1942 года в деревне на Псковщине. В 1968 году окончил МЭИ, Московский энергетический институт по специальности «Автоматика и телемеханика». Кандидат технических наук в области автоматического управления процессами и аппаратами. Инженер и философ, автор книг.

Александр Крамер. Родился в Харькове. Окончил харьковский политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Получить филологическое образование не удалось, о чем и сегодня жалею. Впрочем, инженерная жизнь позволила поездить по бывшему Советскому Союзу, увидеть множество городов, пообщаться со множеством разных людей...

Пишу давно. Ещё со школьных времен. Начинал со стихов, но приходилось писать "в стол". Возможность печататься появилась только за несколько лет до переезда с семьёй в Германию в 1998 году. Уже в Германии стал писать прозу и публиковаться в детских и взрослых периодических изданиях России, Украины, Канады, Германии, США, Болгарии и других стран. В 2009 году несколько рассказов вошли в «Антологию российских писателей Европы» (Москва), в 2013 – в сборник рассказов «Десять домиков» (Израиль), в 2020 – в «Антологию русской литературы XXI века» (Волгоград), а в 2024 – в сборник фантастики "Формула XXI" (Волгоград).

Ирина Лир-Лави. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор рассказов, мемуаров, романа «Тетраэдр» и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Публиковалась (в том числе под именами Ирина Лир и Ирина Л. Лир) в сборниках «Мое открытие Израиля», «Эффект песочных часов» из серии «Израильская современная литература – XXI век», «Книга судеб», «Когда бы страной управляла наука», на литературном сайте dimus.me, в газетах Мост, Новости недели (Израиль), Kstati (США), на сайте «Хроники Иерусалима» и в журнале Сонар (Израиль). Химик-технолог. Доктор технических наук. Из Москвы. Окончила МХТИ им. Д. И. Менделеева, работала в Институте медицинской техники. В Израиле с 1991 года. Работала в Технионе, в хайтеке и химической промышленности Израиля. Хобби – художественная керамика. Живет в Хайфе. Член редколлегии журнала СОНАР.

Дмитрий Северюхин. Родился 13 февраля 1954 г. в Ленинграде. Историк русского искусства и литературы. Доктор искусствоведения, профессор петербургских вузов. Член Союза художников России, Международной ассоциации искусствоведов и критиков (AIS) и Санкт-Петербургского союза писателей. Окончил электромеханический факультет Ленинградского Политехнического института. Работал инженером-технологом, научным сотрудником в НИИ. С конца 1970-х гг. параллельно с инженерной практикой занимался искусствознанием и литературоведением, сначала как любитель, затем профессионально. Автор более 400 научных публикаций, в том числе монографий и справочных изданий, восьми книг прозы и поэзии. В разные годы выступал также как куратор художественных проектов и художник-живописец, график, иллюстратор. С 2022 года живет в Хайфе.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и уже много лет – в Израиле, в Хайфе.

Инженер и учитель математики.

Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран.

Руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»). Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора – несколько альманахов и книг друзей.

Член редколлегии журнала СОНАР, выпускающий редактор.

Гелена Степура. Родилась в Кишиневе в 1980 г. Репатриировалась в Израиль 1990 г. Доктор технических наук. Училась в Технионе на факультете аэронавтики. Работает по профессии. В свободное время пишет прозу и играет в театральной студии.

Михаил Язмир. Родился в 1931 г. в Витебске. При рождении получил имя Мейер. Еще до школы обрел навыки чтения. Перед войной закончил 2 класса белорусской школы. С предприятием, на которых работали родители, были эвакуированы в Саратов. Там Мейер превратился в Михаила, нашел надежных приятелей и влюбился в Волгу. В 1954 г. окончил Саратовский гос. университет им. Чернышевского, работал по специальности геологом вплоть до отъезда в Израиль в 1995 г. Всю жизнь вел дневники, записывал свои размышления. Все это превратилось в тысячи страниц теоретических обобщений, воспоминаний и рассказов.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

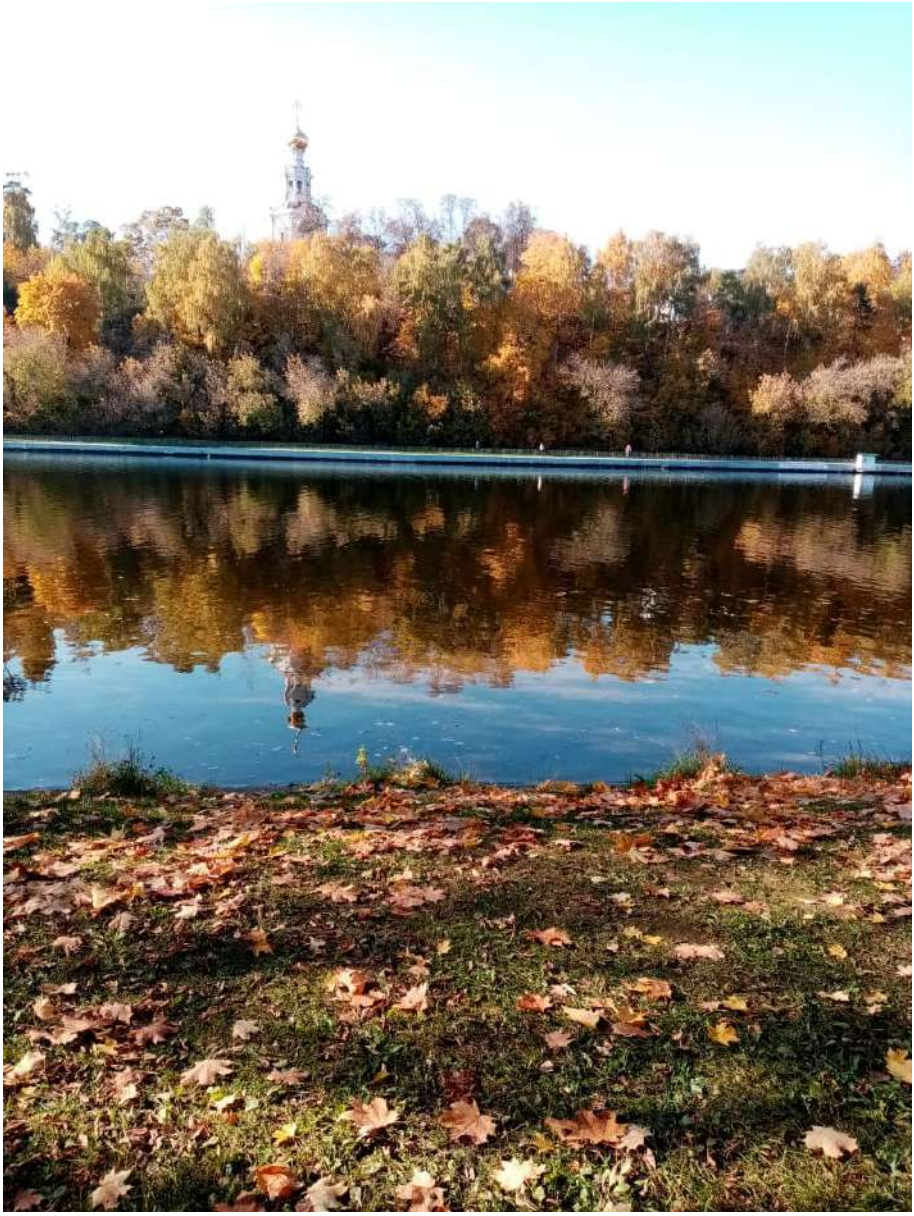
Картинная галерея 19 номера журнала представляет цифровые фотографии любителя фотохудожника-пейзажиста Валентины Швец (Москва).

Фото в основном сняты на телефон, но композиция и цветовые решения фотографий создают впечатление использования дорогой профессиональной фототехники.

Валентина Швец родилась в Бежецке – небольшом городе на северо-востоке Тверской области, живет в Москве.

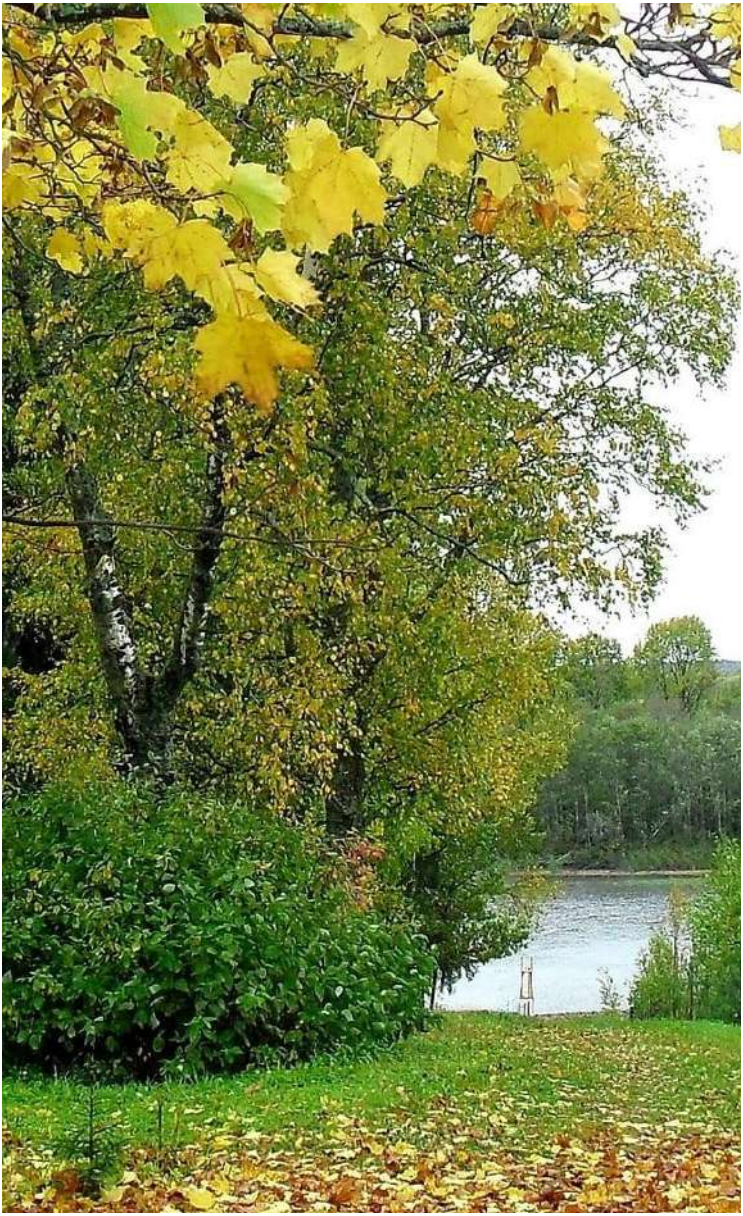
Увлекается фотографией, изготовлением и росписью гончарных изделий и глиняных игрушек.

Листопад на Москве-реке

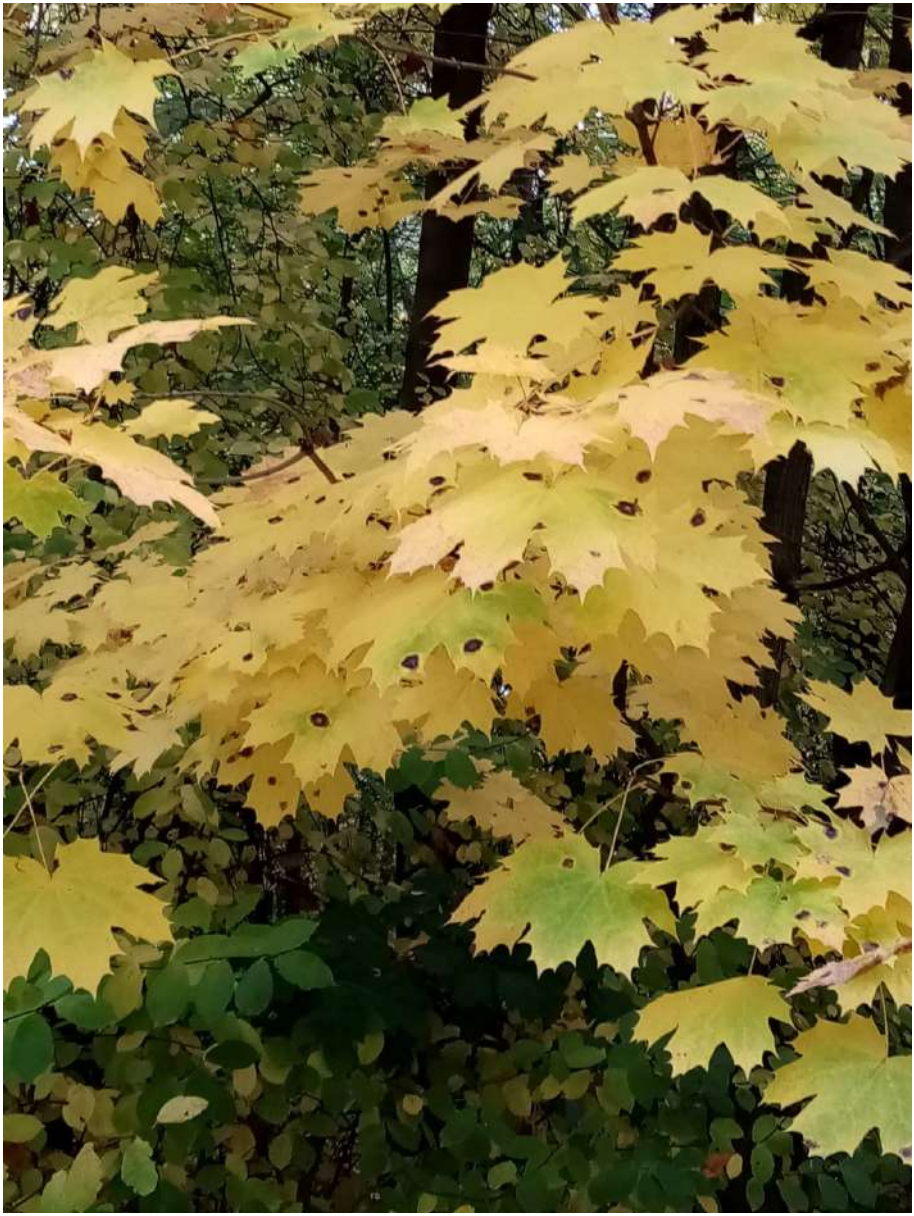


Колокольня в подворье Троице-Лыково

Москва-река у Серебряного бора



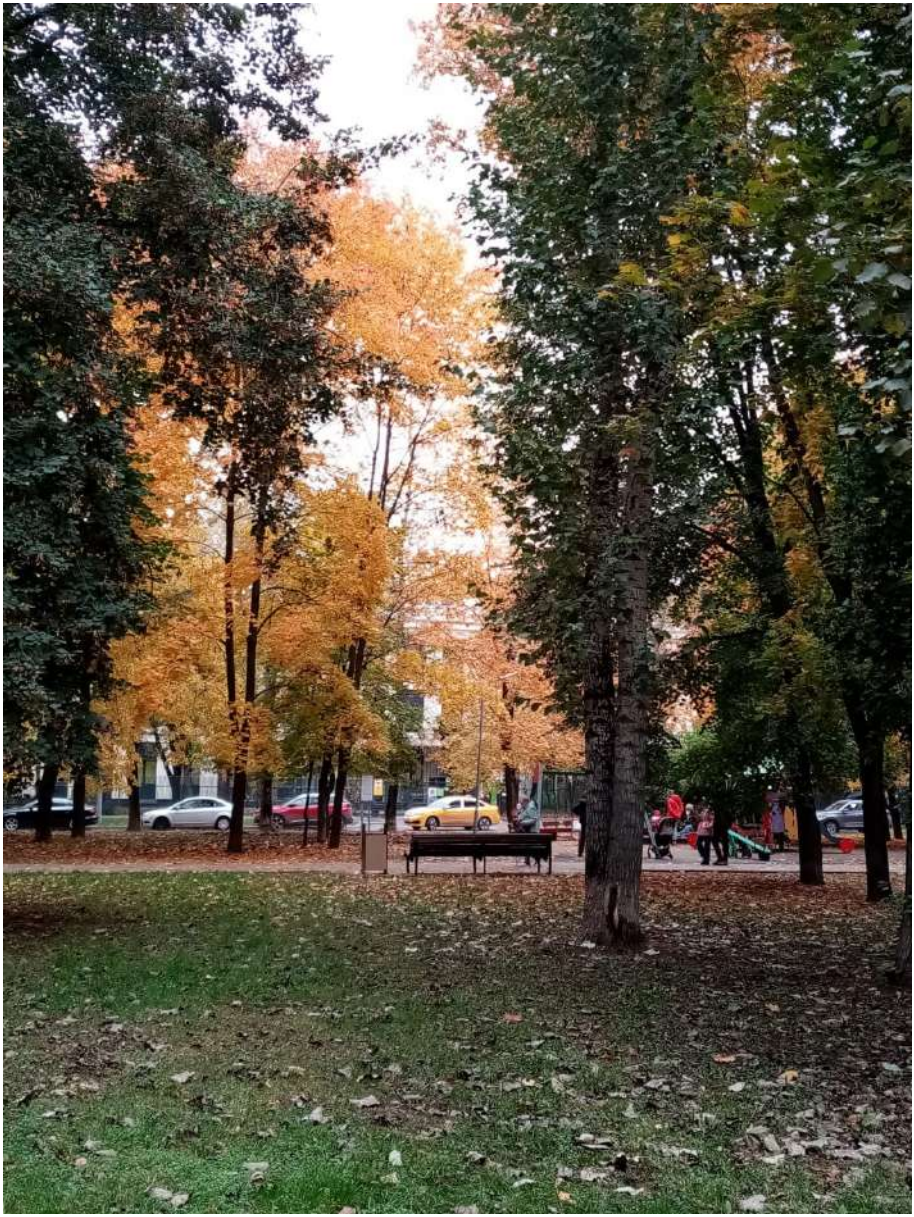
Золотая осень



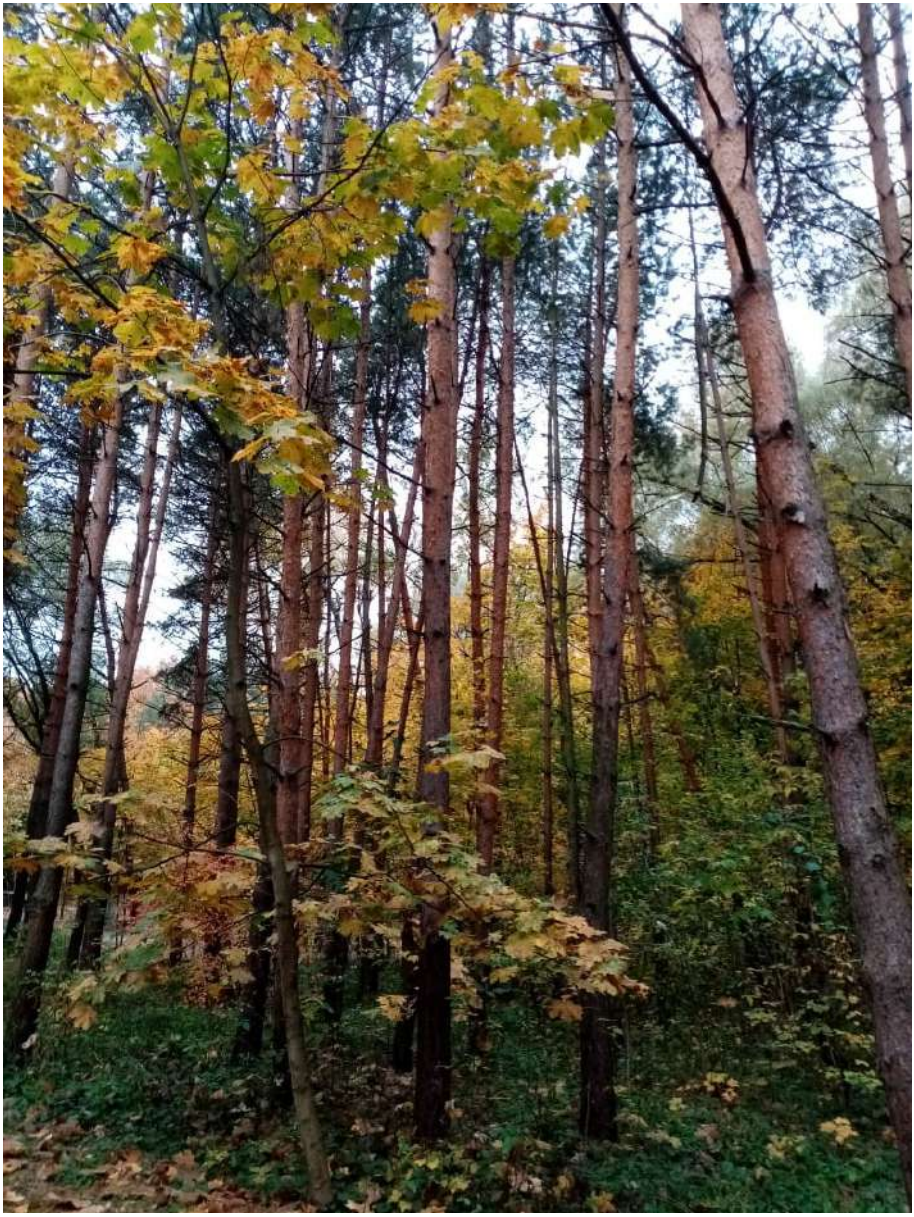
Клёны

Золотая осень

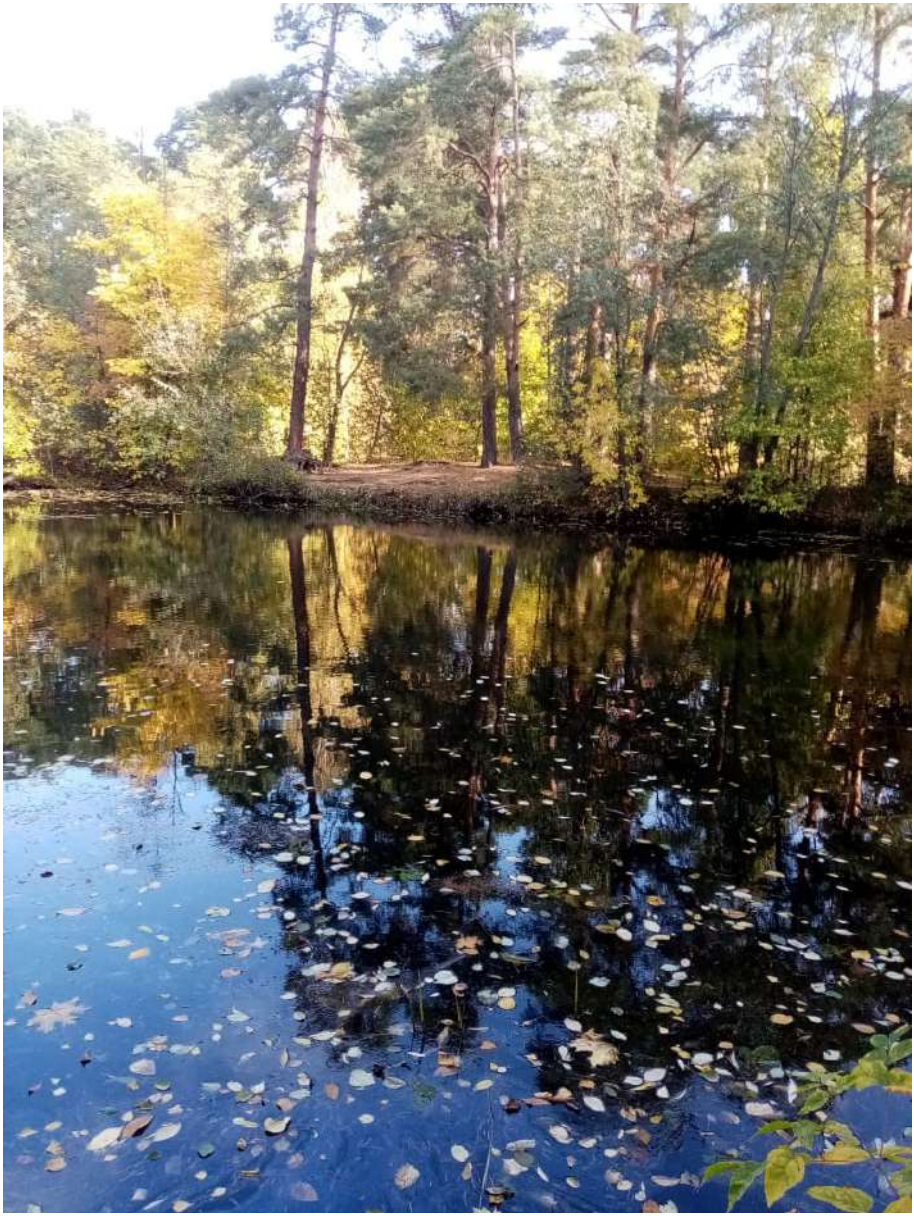
Москва-река у Серебряного бора



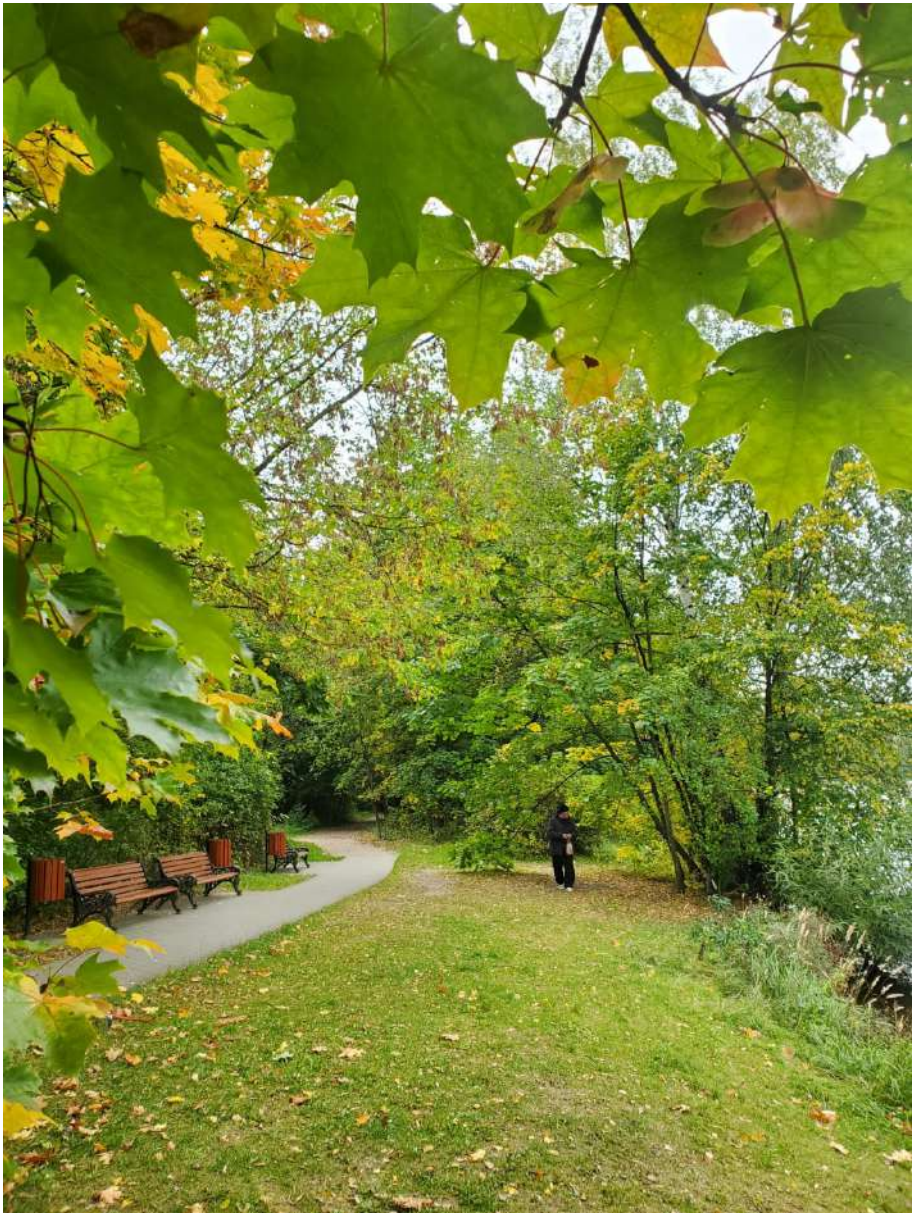
Бульвар генерала Карбышева



Чащи Серебряного бора

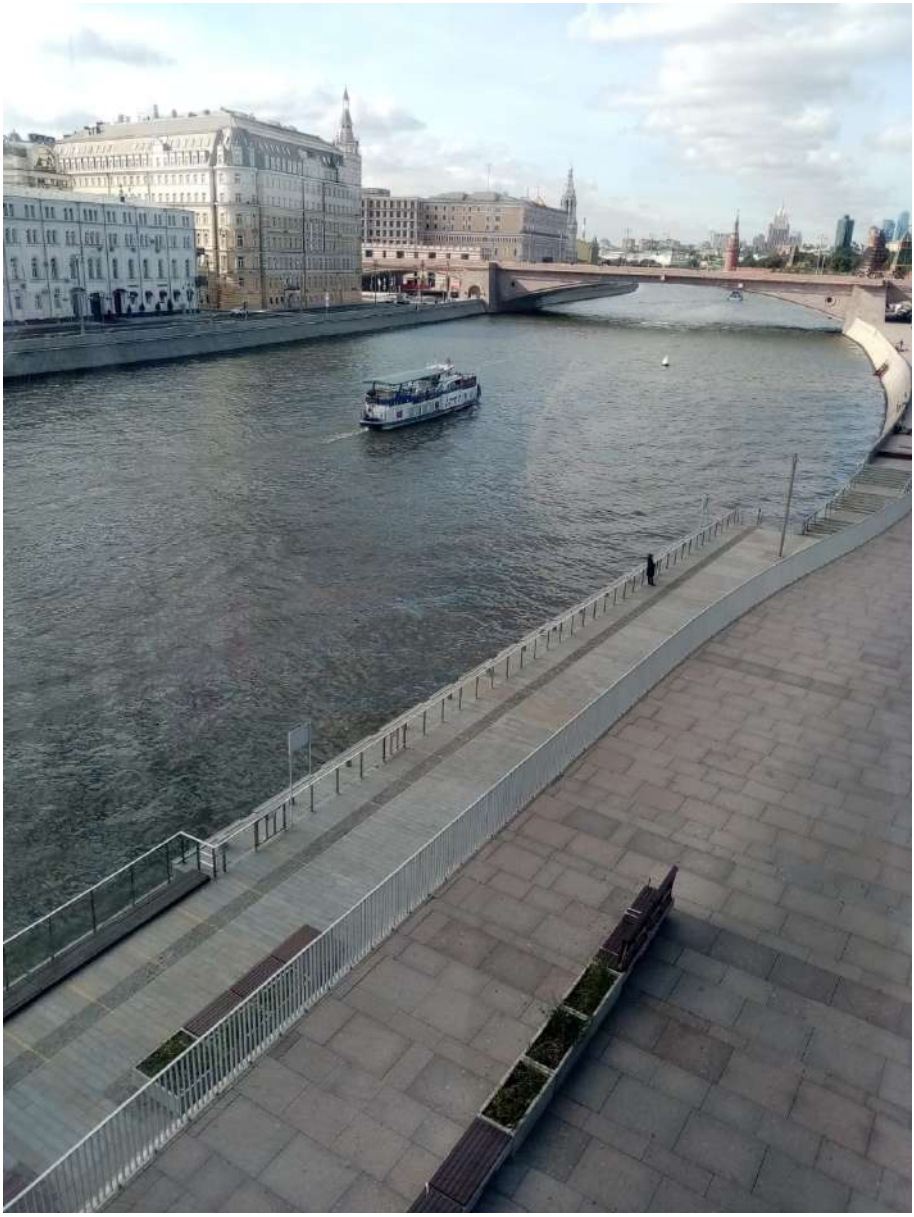


Утро у центрального озера Серебряного бора

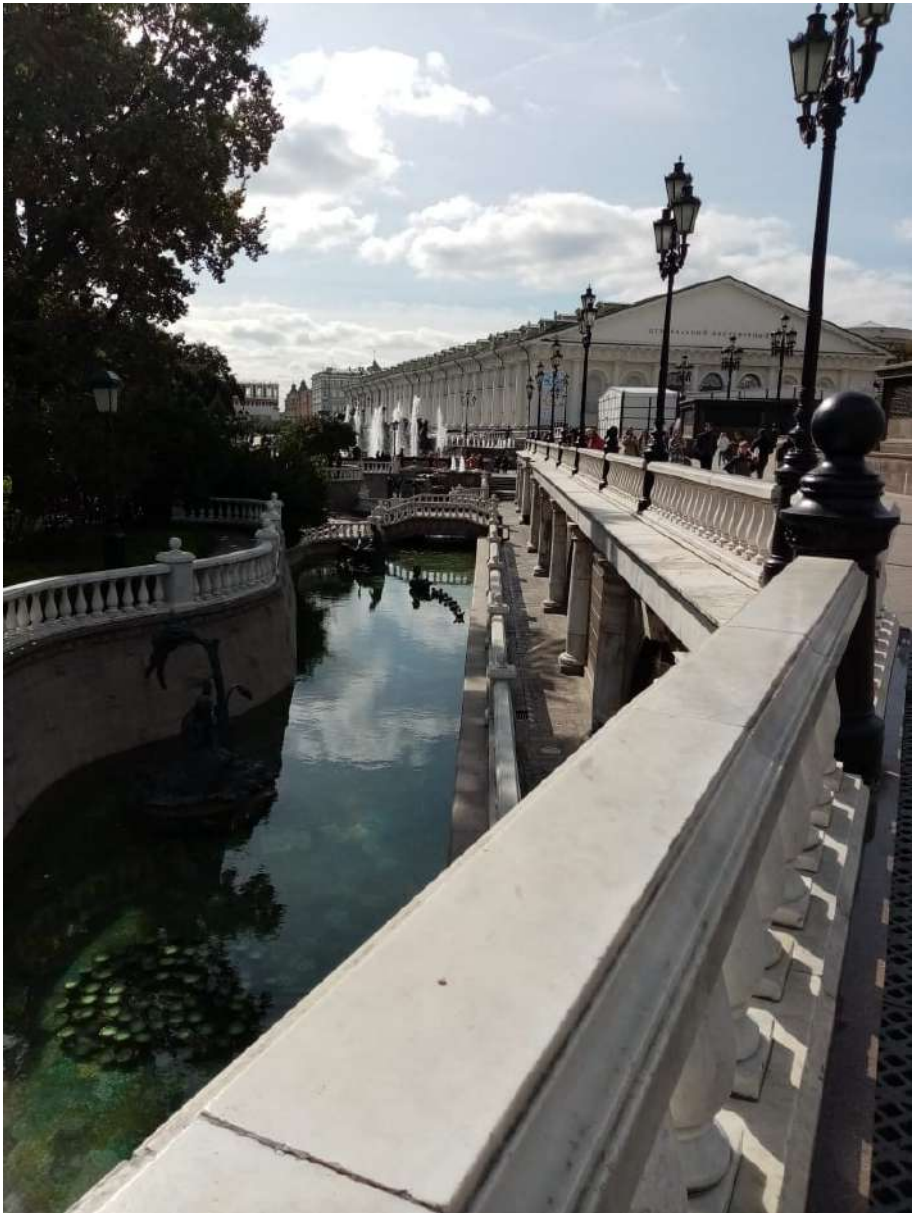


Осенние аллеи Серебряного бора

Парк культуры и отдыха им. Горького.
Центральная аллея и поющий фонтан



Зарядье. Вид на Москву-реку и гостиницу Балчуг



Манежная площадь

Аптекарский огород на проспекте Мира

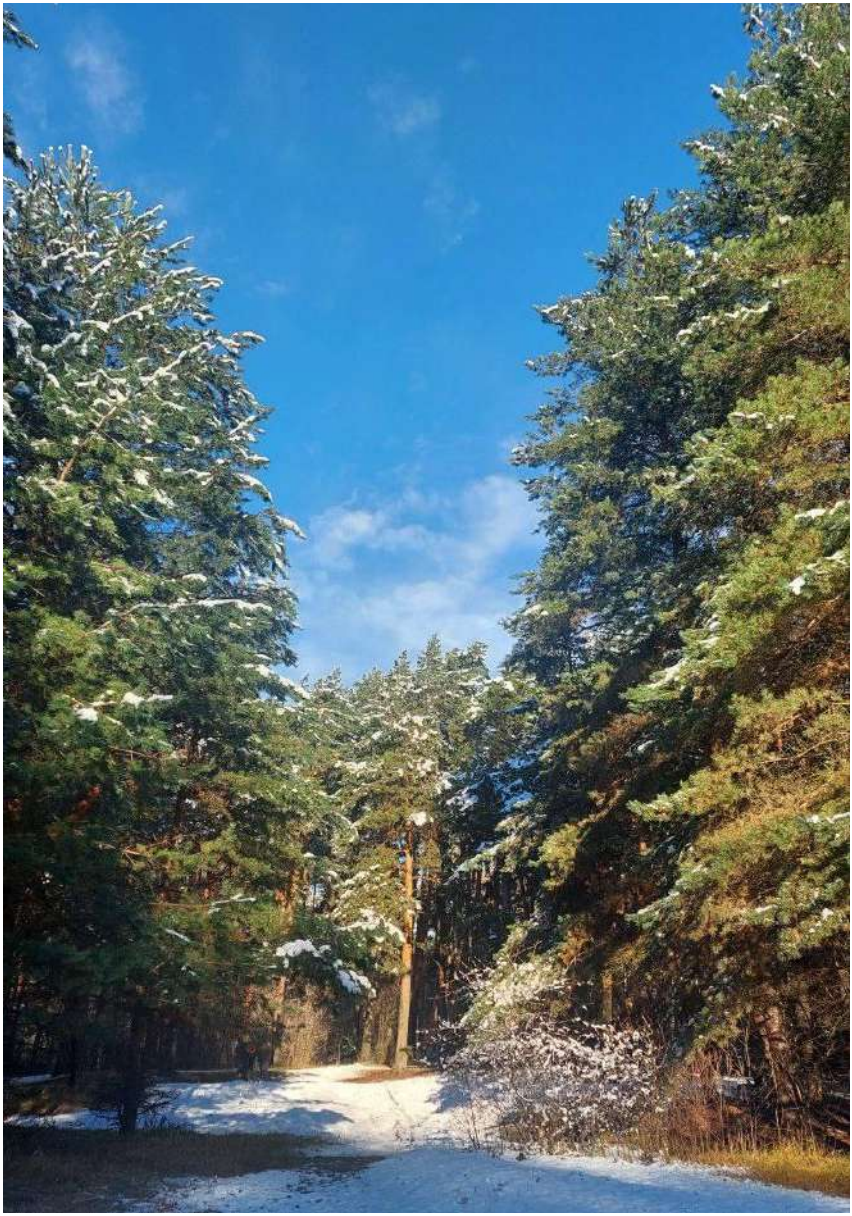
Ветеран

Ожидание декабря

Утро туманное

Иней

Будет ясный день



Первый снег

Литературно-публицистический журнал (((СОНАР)))
№ 19, 2025 г. Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль